

An aerial photograph of Tyumen, Russia, showing a wide river with a modern cable-stayed bridge. Several boats are docked along the riverbank. In the background, there are city buildings and a church with golden domes. The sky is blue with some clouds. The image is framed by a dark purple triangle in the top right corner and a grey triangle in the bottom right corner.

Фронтовые рассказы:

Записки военврача

Тюменские театры:

Вчера, сегодня, всегда

Жизнь замечательных людей:

Митинский, Рогачёв,
Гольдберг-Гуревич

Сибирское богатство

общественно-политический журнал

№ 5 (253) 2025

ЖУРНАЛ СИБИРСКОЕ БОГАТСТВО

Тюменская набережная в 1964 году.

Учредитель и издатель – АНО «Тюменская область сегодня»

Директор И.С. Гимпелевич
625002, г. Тюмень, ул. Осипенко, 81, 4 этаж, офис 410
тел. 8 (3452) 490018

Главный редактор С.С. Козлов, тел. 8 (3452) 399400
Ответственный секретарь В.А. Ермакова
Литературный редактор Д.В. Аксарина
Дизайн и вёрстка Э.А. Кузнецова
Корректор-редактор А.В. Александрикова

Авторы: Сергей Козлов, Роман Белоусов, Екатерина Володина, Станислав Туляков, Рафаэль Гольдберг-Гуревич, Анатолий Омельчук, Виктория Ермакова, Наталья Рогачёва, Сергей Дубинский, Аркадий Захаров, Вячеслав Софронов, Дарья Аксарина, Александр Вычугжанин, Екатерина Назарова, Ирина Тарабаева, Аркадий Кузнецов

Фотографии на обложке: Современная тюменская набережная. Фото Сергея Куликова.
Вид на набережную Тюмени, 1965 год. Фото Сергея Козлова.

Адрес редакции:

625002, г. Тюмень, ул. Осипенко, 81,
тел./факс 8 (3452) 490018, e-mail: sibbog@mail.ru

Журнал зарегистрирован Управлением Федеральной службы
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
по Тюменской области, Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре
и Ямало-Ненецкому автономному округу
10 февраля 2017 года, ПИ № ТУ72-01431

Журнал издаётся при финансовой поддержке Правительства Тюменской области.

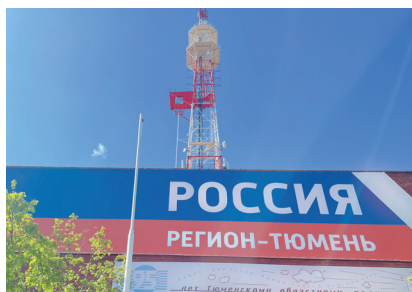
Выходит с 1999 года один раз в два месяца

Журнал отпечатан в типографии АНО «ИИЦ «Красное Знамя», 625031, г. Тюмень, ул. Шишкова, 6

Формат 60x90 1/8, бумага мелованная, печать офсетная, усл. печ. л. 10,5

Подписано в печать 06.10.2025 г. Выход в свет 20.10.2025 г. Заказ № 2 562 Тираж 500. Свободная цена.

16+

ПУЛЬС ОБЩЕСТВА

Эхо Тюмени

3

«Говорит Тюмень».
Тюменскому радио
– 95 лет

5

Дни рождения
тюменской
набережной

10

ПОБЕДА: «ОДНА НА ВСЕХ»

Спас

12

День белых
журавлей

14

Записки военврача

16

РОЛЬ ЛИЧНОСТИ

Жизнь как
чудесный дар

20

С Тюменью
в сердце
и в альбоме

24

Памяти Владимира
Рогачёва

28

Любовь
как смысл жизни

32

ЛЕТОПИСЬ

О Ермаке в Тюмени 38

Близкая глубокая история 43

«...Возле мельницы Текутьева» 48

«Провидение ведёт вас...» 50

Бальмонт, Радищев и многие гости Сибири 56

ПУЛЬС ТВОРЧЕСТВА

Выставка с «ОГОНЬКОМ» 62

Посреди музыки 64

Влюблённые в Слово 69

Когда театр хочет жить, бессильны революции и войны 72

Краткая история тюменского рока 82

МАЛЕНЬКИЕ ИСТОРИИ СБ

Приключения железяки 37

Правнуки мецената Чукмалдина: восхождение к истокам 61

Маленькие истории больших вещей 88

Эхо Тюмени

В 1967 году в Крымской обсерватории была открыта новая малая планета. Тамара Смирнова обнаружила её в поясе астероидов. 1967 RM – так астероид обозначался на звёздной карте. А сорок лет назад ему присвоили название Тюмения – в честь Тюменской области. Вокруг своей оси планетка диаметром 42 километра вращается чуть меньше, чем за три земных часа, а вокруг Солнца за 1 597 земных суток со скоростью 18 километров в секунду... К чему я привёл эти параметры? А к тому, что очень немногие малые планеты имеют исчисленные и внесённые в астрономические энциклопедии параметры. Тюмения такими данными обладает.

Главный редактор
журнала
«Сибирское богатство»
Сергей Сергеевич
Козлов

Разумеется, решение назвать именем нашего региона планету было связано с нефтегазовым освоением, строительством соответствующего комплекса, промышленным и энергетическим рывком Тюменской области, который обеспечил значимую часть экономического суверенитета страны и помог ей держаться в трудные 90-е годы. А сегодня в защите нуждается сама наша планета, и эту тяжёлую и самую опасную работу выполняют в зоне СВО наши бойцы. Часто приходится слышать, что они там воюют за деньги. Но лично я только радуюсь, что этот риск оплачивается. Кстати, и в Великую Отечественную за подвиги выделялись огромные суммы. А сейчас в Тюменской области увеличен размер выплаты при заключении контракта с Министерством обороны РФ до 3 400 000 рублей, из них 3 000 000 – региональная составляющая. Посмотрел по субъектам – у нас самые высокие суммы при заключении контракта. При этом место прописки и проживания значения не имеет. Контракт для получения таких выплат необходимо заключить с 7 октября по 30 ноября 2025 года включительно.

10 декабря свой юбилей – 95 лет отмечают национальные округа, входящие в состав Тюменской области как полноправные субъекты, которые, кстати, участвуют в выборах губернатора области. Как-то мне пришлось отвечать на вопрос одного иностранного писателя в Ханты-Мансийске. Он спросил, как так получается, что округа старше, чем область, и как это – три субъекта в одном. Сначала я пошутил про кофе – три в одном, но потом всё же объяснил любознательному коллеге, что округа появились в результате национальной политики правящей тогда партии, а

региональный центр находился в Омске, что ещё дальше, чем Тюмень. Пришлось рассказать о первом русском городе, о столице самой большой губернии – Тобольске. О влиянии построенного в Российской империи Транссиба на развитие губерний, затем уже вернулся к открытию нефтяных и газовых месторождений, но завершил я мысль о субъектах федерации снова шуткой: это наша объективная субъективность или, если больше нравится, – субъективная объективность. Несмотря на подробный рассказ, мой коллега не всё понял, но, когда стоял на мосту «Красный Дракон» через Иртыш в Ханты-Мансийске, глядя в речную даль, произнёс такую фразу: «Ваша огромность просто обязывает вашу страну быть великой».

О сотрудничестве трёх субъектов в августе говорил губернатор Тюменской области Александр Моор на ежегодной пресс-конференции, посвящённой дню рождения региона.

В этом году на ней были аккредитованы более 100 журналистов, 40 средств массовой информации, из которых 9 федеральных, 25 региональных и районных СМИ. И, разумеется, были СМИ, представляющие национальные округа. Я, к примеру, оказался рядом с корреспондентом газеты «Новости Югры», главным редактором которой мне довелось когда-то работать. А рядом сидели журналисты Ямала. И все они смогли задать свои вопросы тюменскому губернатору. 37 вопросов за полтора часа: от муниципальных до глобальных, от личных до касающихся всего общества. Некоторые вопросы состояли из двух, а то и трёх, потому, говоря о 37-ми, сле-

«Сибирское богатство» No 5'2025

дует понимать, что речь идёт о количестве задававших вопросы. Лучшие из них были определены общим голосованием, по итогам которого Александр Моор наградил авторов памятными подарками.

Самыми волнующими население можно назвать вопросы о тарифах ЖКХ, о проблемах с мобильным интернетом, миграции, о работе по программе «Боевой кадровый резерв», о влиянии санкций на экономику региона и возвращении иностранных компаний на наш рынок, о новом российском мессенджере МАХ, о развитии исторического центра областной столицы, о межвузовском кампусе, о Тюмени-миллионнике, об обмелении и очистке реки Туры, о программе «Сотрудничество» и помощи Краснодару. Был даже вопрос о четырёхдневной рабочей неделе... На все были даны чёткие и аргументированные ответы, которые доступны на ресурсах десятков СМИ, и каждый читатель может с ними ознакомиться. Ну а призы получили журналисты за вопросы о трудовых мигрантах, стратегии развития области и четырёхдневной рабочей неделе; за вопрос о студенческой жизни губернатора приз получил ректор Тюменского государственного университета. Примечательно, что большинство в зале составляли выпускники этого вуза, включая самого Александра Моора.

Пресс-конференция проходила в новом замечательном главном корпусе университета, построенном в кратчайшие сроки компанией «Мостострой-11», генеральному директору которой, Николаю Руссу, в этом году присвоено звание «Почётный гражданин Тюменской области». Наш журнал в предыдущих номерах провёл для читателей экскурсию по этому зданию, а в четвёртом номере, что вышел в свет накануне Дня области, можно прочитать развёрнутое интервью с Николаем Руссу.

Вопрос от «Сибирского богатства».

Фото С. Куликова

Пресс-конференция губернатора Тюменской области.

Фото Д. Моргунова

А планета-область Тюмения начала свой 82-й виток и продолжает путь по орбите, несмотря на вселенские бури. Кстати, для любителей малой и большой астрономии дополню: где-то рядом с космической Тюменией летит и малая планета Тобольск (так решил её назвать бельгийский астроном Эрик Элст, который специально приезжал в Тобольск, чтобы вручить официальное свидетельство). Но обязательно надо отметить на этой звёздной карте Иртыш, Сибирь, Сургут, Берёзов, Юган и Шаим... Там и Меншиков, и Менделеев, и Миллер, и Слобцов... А есть ещё планета Стеллер, которая была открыта 16 января 1994 года и названа в честь немецкого врача, естествоиспытателя Георга Вильгельма Стеллера. Мало кто знает, что он скончался в Тюмени в 1746 году. Там же - в поясе астероидов - летит каравелла писателя Владислава Крапивина. И в юбилейный год Победы нельзя не напомнить, что одна из планет носит имя нашего земляка - легендарного разведчика Николая Кузнецова. Где-то рядом с ним летит поэт-фронтовик Юлия Друнина. Астрономы утверждают, что малая планета Тюмения похожа на летящую картофелину с кратерами. А я думаю о другом: о том, что история пишется не только на Земле, но и на небе...

И там её не стереть, не переписать...

А на обложке этого номера - набережная. У новой набережной нынче юбилей. Ругали мы чиновников да строителей, а теперь гуляем в своё удовольствие по берегу древней Туры - реки времени, а набережная будто 400 лет назад началась от символа города - Свято-Троицкого монастыря на яру. Фотографии на развороте позволят читателям пройти по ней в недалёкое прошлое, а с последней страницы из таких же бурных 60-х годов XX века смотрят в будущее две девочки. Разверните обложку, взгляните их глазами...

«Говорит Тюмень»

Тюменскому радио – 95 лет

Без малого век тому назад, в апреле 1930 года, в Тюмени состоялось историческое для города событие – началось регулярное ежедневное радиовещание. Архивов записей радиопередач тогда ещё не создавали, а их слушателей и очевидцев среди нас уже нет, поэтому про то, чем был наполнен тюменский радиоэфир начала тридцатых, остаётся только догадываться. Впрочем, некоторые из тем радиовыпусков исторические документы всё же сохранили и донесли до нас. В их числе – «искривление партийной линии» в проведении коллективизации, городское строительство, сбор утильсырья, подготовка и проведение «антипасхальной недели», ликвидация неграмотности, организация огородничества, лозунги к Первомайским праздникам и другие кажущиеся нам сейчас по большей части архаичными, но для той эпохи актуальные и злободневные темы.

Три года спустя в Тюмени работали уже 1 250 радиоточек. Тысячи жителей города принимали к приёмникам, слышав позывной «Говорит Тюмень». В редакционном штате городского радио помимо двух дикторов, массовика и секретаря-машинистки числился целый музыкальный коллектив – пианист, мандолист, домбрист, баянист и музыкальный руководитель. Исходя из этого можно предположить, что в радиовещании тех лет большое значение придавалось развлекательному контенту в ущерб идеологически-пропагандистскому. Временами это вызывало раздражение Москвы. Газета «Красное знамя», в частности, писала: «Кое-где местный микрофон используется не для проведения ударных политических кампаний (ликвидация прорывов на производстве, подготовка к весеннему севу и т. п.), а для исполнения сомнительно-художественных, а иногда и логически-вредных песен. Необходимо создать решительный перелом в деле улучшения использования радио». В конечном итоге дальнейшее развитие радио в Тюменском округе было передано под контроль горисполкома.

Голоса великих строек

И уже тогда, за треть столетия до времён большого освоения Сибири, в тюменских радиопередачах пророчески прозвучала нефтяная тема. В 1930 году, в одном из августовских выпусков радиогазеты с присущей той эпохе торжественностью говорилось: «В груди седого Урала закипела нефть. На утлой, до сих пор малоизвестной станции – свежена-

Здание ГТРК «Регион-Тюмень» сегодня.

Фото предоставлено ГТРК «Регион-Тюмень».

Автор неизвестен

малёванная вывеска: «Уралнефть». Щетинятся вышки, гудят машины, суетятся тысячи рабочих. 1 500 строителей ставят всё новые и новые вышки, бараки, проведут железную дорогу. Сотни бурильщиков бурят упрямые недра седого Урала. С 20 мая 1929 года здесь начались огромные работы: из тысячеметровых скважин стала просачиваться тёмная густая нефть. Молодая вышка уже даёт 60 тонн в сутки. В мае отсюда направлены разведки в Кунгур, Красноуфимск, где предполагается вскрыть главную жилу Уральской нефти».

Пройдёт ещё три десятка лет, и нефтегазовая тема станет для тюменских радиийщиков главной. В годы покорения Севера они первыми рассказывали огромной стране о самых важных событиях той исторической эпохи – открытии

и освоении сырьевых месторождений, которые по сей день являются основой экономического благополучия России. Журналист Анатолий Малышев писал: «Север ещё не видел такого скопления людей, техники. Повсюду грохотало, лязгало, гудело. Всё здесь находилось в движении – словно развёртывалось генеральное сражение».

– Шестидесятые – время расцвета тюменского радио, – рассказал шеф-редактор радио ГТРК «Регион-Тюмень» Игорь Емельянов. – Оно приобрело такой большой размах, потому что наши московские коллеги охотно брали материалы местных новостников. Наши корреспонденты Сергей Фатеев, Людмила Губанова, Джалинда Заводовская и другие радиийные «мастодонты» всё время были в командировках, буквально из них не вылезали,

и Москва постоянно заказывала их репортажи. Благодаря Всесоюзному радио они звучали по всей стране, и даже за её пределами. В одном только 1969 году прозвучало 25 передач из Тюмени, а две из них переведены на иностранные языки и отданы на зарубежные радиостанции.

«В Западной Сибири в те далёкие уже шестидесятые-семидесятые годы путь зачастую был один: по воздуху, – вспоминала радиокорреспондент Нина Зарубина. – И не на нынешних комфортабельных воздушных судах, а на необогреваемых в зимнее время «тихоходах» Ан-2 или вертолётках Ми-4. Пока летишь, кажется, что превращаешься в ледышку. У экипажа и нефтяников – тёплые унты, полушубки, а ты в тоненьком пальтишке, в сапожках на рыбьем меху. Купить тёплые вещи негде. На летучках на вопрос: «Нельзя ли через нашу «контору» приобрести тёплое обмундирование для командировок?» – ответ один: «Не положено!»

Из каждой командировки привозила я в Тюмень не только записи о работе передовых строителей, но и рассказы о всевозможных ЧП, случавшихся со мной. Коллеги покатывались со смеху, так как я преподносила это всё с юмором, хотя порой бывало не до смеха. Трасса – это не побережье южного моря, на Тюменском Севере климат иной и жизнь другая. Значит, надо было, стиснув зубы, забыв об усталости, ехать, идти, лететь хоть к чёрту на рога ради нескольких минут звучания в эфире. Однажды знакомый командир экипажа Ан-24 по-джентльмен-

ски решил помочь донести мой походный портфель до самолёта. Поднял и ахнул: «Что у тебя там, кирпичи, что ли?» – «Да нет, всего лишь магнитофон, приставка к нему, кассеты и кое-какие мелочи...» Словом, лиха журналистки радио хлебнули в те далёкие годы вдоволь. И всё-таки, если б снова начать, я пошла бы опять в репортёры! Это была сумасшедшая, интересная и неповторимая жизнь».

Память о мирном подвиге

О тюменской журналистике шестидесятых и её героях рассказывает постоянно действующая выставка «Рядовые великого похода» в Библиотеке журналистики. Её инициатором и создателем стал главный редактор газеты «Тюменский курьер» Рафаэль Гольдберг, который тоже в своё время был не чужд радиожурналистике. С 1976 по 1987 год он являлся заведующим отделом общественно-политического вещания областного радио, автором и ведущим ежемесячного радиожурнала «Магистраль», вёл репортажи со строительства нефтепровода Шаим – Тюмень, железной дороги Сургут – Уренгой и множества других великих строек советской эпохи.

– На такую мысль меня подтолкнул один случай, – рассказывает Рафаэль Соломонович. – Однажды я собрал тринадцать фотографий знаменитых некогда тюменских журналистов – тех, с кем работал в одной редакции, с кем летал в командировки или просто пересекался на северных маршрутах, при-

Первый окружной съезд Общества друзей радио, г. Тюмень, 30.09.28 г.
Фото предоставлено ГТРК «Регион-Тюмень».
Автор С. Шустер

**Директор ГТРК
«Регион-Тюмень»
Виктория Борецкая.**
Фото предоставлено
ГТРК «Регион-
Тюмень».
Автор неизвестен

ехал к молодым коллегам – студентам факультета журналистики Тюменского университета и, показав портреты, спросил – кого из этих людей они знают. Угадайте, скольких они назвали? Лишь одного.

Здесь я в очередной раз вспомнил строки замечательного поэта Белого Зарубежья Жоржа Иванова: «Невероятно до смешного – был целый мир, и нет его, вдруг – ни похода ледяного, ни капитана Иванова, ну абсолютно ничего». И мне стало очень обидно за старых товарищей. Это были яркие, честные, талантливые журналисты, отличные ребята, и они не заслужили того, чтобы их забывали.

Я назвал свою выставку «Рядовые великого похода» не случайно. То был действительно великий поход за освоение нефтяного и газового богатства Тюменской области. По-настоящему великий – без преувеличений и не ради красного словца. Конечно, мы были в этом походе не полководцами и командирами, а рядовыми. Но мы ходили по тем же дорогам и мёрзли на том же сибирском холоде. Перефразируя Олега Куваева, «мы были на тех тракторных санях, и наше лицо обжигал морозный февральский ветер».

Конечно, в числе героев выставки есть и тюменские радиийщики. Это Наталья Астафьева и Сергей Фатеев.

– Наташа Астафьева приехала в Тюмень после факультета журналистики Уральского университета. Работала на радио. Сначала в сельской редакции, затем в промышленной, – рассказывал Рафаэль Соломонович. – Сколько было дальних командировок! Особенно много, когда строился сверхдальний газопровод, как его ещё называли – «большая труба» – Уренгой – Помары – Ужгород. Попутные машины, вертолёты, трассовые посёлки... Как она умела находить общий язык с любым собеседником, как быстро менялся её мягкий нежный голос, когда надо было растормошить и разговорить руководителя сварочной колонны!

Наталья привозила в редакцию новых героев, и они становились общими героями в те времена. Потом перешла на центральное телевидение: какие удивительные очерки она писала! Наташа погибла в автокатастрофе, возвращаясь из командировки...

Сергей Фатеев пришёл на Тюменское областное радио в 1958 году, а через семь лет стал собкором Всесоюзного радио и телевидения по Тюменской области. Его репортажи об открытии Самотлора и Уренгоя, о пуске нефтепроводов, о Юрии Эрвье и Викторе Муравленко вошли в «Золотой фонд» Гостелерадио.

– У Сергея Александровича многому можно было поучиться, – вспоминает Игорь Емельянов. – Он был мастером репортажа. Всегда записывал очень много звуков – как звучит буровая вышка, как урчит вертолёт, как работает бульдозер, и использовал их для создания у слушателя впечатления личного присутствия. Сейчас многим журналистам, которые приходят к нам на радио, я рекомендую послушать эти репортажи, чтобы научиться основам мастерства. Фатеев объездил весь Север, был знаком с очень многими людьми, ставшими впоследствии героями социалистического труда и орденоносцами, о которых сейчас написаны целые тома. Как-то раз он познакомился с Аллой Пугачёвой, которая приезжала сюда к нам, и записал с ней большое интервью, в ходе которого она даже спела несколько песен. Репортажи Сергея Фатеева сохранились в архиве ГТРК «Регион-Тюмень», и сейчас, готовясь к 95-летию Тюменского областного радио, мы используем их для того, чтобы рассказать о том, как работали наши предшественники.

На стыке веков

На смену эпохе великих строек пришли времена Перестройки и Гласности. Самый, наверное, неоднозначный период отечественной истории XX века. С одной стороны – долгожданное освобо-

**Буровая бригада
в ожидании
катора. В центре
– журналист
А. Марковская,
г. Нефтеюганск.**
Фото предоставлено
ГТРК «Регион-
Тюмень».
Автор неизвестен

ждение от идеологических догм, с другой – первые раскаты тектонических процессов, на целое десятилетие погрузивших население страны во мглу «лихих девяностых». Казалось бы, информационное радио, обретя долгожданную свободу слова, должно было бы переживать свой расцвет. Но на деле значительная часть радиовещания ушла в развлекательно-музыкальный сектор.

– Информационные передачи, конечно, не исчезли совсем, но эфир заполнили FM-радиостанции, – комментирует Игорь Емельянов. – По большому счёту, каждая такая радиостанция – машинка для зарабатывания денег на эфирной частоте. Реклама – основной источник дохода. Всё остальное – музыка, болтовня – оригинальная упаковка.

Но несмотря ни на что, серьёзная тюменская радиожурналистика сдаваться не собиралась. Тем более что появились новые возможности и новые методы. В конце восьмидесятых был ликвидирован цензурный отдел при областном телерадиокомитете, так называемое лито, без предварительного согласования с которым не могла выйти в эфир ни одна радиопередача. Благодаря этому на радио вернулся прямой эфир и двусторонний формат. Впервые на тюменском радио на такую доселе неслыханную авантюру, как непосредственный диалог со слушателем, пошла Валентина Логинова в своей авторской программе «Три четверти часа».

А 25 сентября 1987 года состоялось ещё одно небывалое ранее событие – прямой международный эфир «Тюмень – Москва – София», посвящённый строительству газопровода «Прогресс». Вопреки всем опасениям он завершился полным триумфом тюменских радиийщиков. Новый председатель комитета по ТВ и РВ Тюменского облисполкома Анатолий Омельчук на очередном заседании местного отделения Союза журналистов заявил: «Сегодня тюменские радиожурналисты стараются максимально использовать представившиеся возможности, чтобы телевидение и радиовещание отвечали запросам нашего бурного, дерзкого времени».

Подтверждением этих слов может служить минутная хроника событий 21-23 августа 1991 года в Москве, записанная на плёнку и хранящаяся сейчас в фонотеке ВГТРК «Регион-Тюмень». Все эти три дня молодёжная редакция тюменского радио держала связь с депутатом Верховного Совета РСФСР Виктором Егоровым, который вёл репортажи из Белого дома в режиме реального времени.

Новое время – новые решения

Поворотным этапом, началом новой эры в истории тюменского радиовещания стал приказ «О создании государственной телевизионной и радиовещательной компании «Регион-Тюмень», подписанный 20 марта 1992 года. Первый президент компании Анатолий Омельчук с присущей ему общностью потом скажет: «Регион-Тюмень» стал

**Шеф-редактор
ГТРК «Регион-
Тюмень»
Игорь Емельянов.**
Фото предоставлено
ГТРК «Регион-
Тюмень».
Автор неизвестен

формой новой свободы, формой нового осмысления жизни, честного творчества».

Вновь созданной телерадиокомпании предстояла долгая борьба за слушателя в непривычных ещё условиях рыночной экономики. Достойным ответом коммерческим радиостанциям в соперничестве за молодую аудиторию стал «Молодёжный канал». А радиогазету почившей в бозе пионерии «Горн зовёт» сменила подростковая «Компания», давшая начало первому в истории ГТРК «Регион-Тюмень» творческому фестивалю. Им стал Областной фестиваль детских радиопрограмм «Птенец», собравший радиных юнкоров, многие из которых впоследствии пришли работать на радио и внесли достойный вклад в его развитие. «Вылупившийся» в девяностых «Птенец» существует по сей день, и уже отпраздновал тридцатилетний юбилей.

– Фестиваль входит в официальную сетку ВГТРК. Это значит, что все филиалы компании, разбросанные по стране, имеют возможность поучаствовать в этом мероприятии. И никто не отказывается, – рассказывает Игорь Емельянов. – Здесь, в Тюмени работает и творческая мастерская «Птенца». Это своеобразная школа юного радиожурналиста. Мои коллеги Татьяна Яценко и Галина Вилком проводят для ребят, собирающихся принять участие в фестивале, специальные занятия по написанию сценария передачи, искусству брать интервью, культуре речи, звуковому оформлению и т. д. Наука эта не проходит даром. На протяжении всего года ребята участвуют в создании молодёжной передачи «Компания», которая выходит в эфир «Радио России» по четвергам. Тем самым они набивают руку в искусстве и ремесле радиожурналиста. Не мудрено, что эти передачи в дальнейшем выставляются на творческий конкурс фестиваля. К нам ежегодно приезжает много ребят из самых разных городов. Председателем жюри «Птенца» является заместитель генерального директора и руководитель региональ-

ного департамента ВГТРК Рифат Сабитов. Он любит общаться с детьми. На каждом фестивале мы устраиваем для ребят отдельную встречу с Рифатом Абдулвагаповичем, где они в режиме пресс-конференции задают ему вопросы о работе телевидения, радио и о жизненном опыте.

Нынешний директор ГТРК «Регион-Тюмень» Виктория Борецкая тоже из энергичной и амбициозной «молодой поросли» деваностых.

– В 1996 году я пришла на «Регион» на кастинг, и меня взяли диктором на радио, которым проработала год. Приезжала на работу в пять часов утра, выходила в прямой эфир, читала новости, рассказывала про погоду. Потом стали привлекать на телевидение, но радио стало для меня точкой отсчёта карьеры.

– Какие у тюменских радийщиков планы на будущее? Как вы видите дальнейшее развитие ГТРК «Регион-Тюмень» и к каким изменениям стремитесь? – спрашиваю я Викторю Владимировну.

– В этом году в рамках юбилейных мероприятий мы организовали открытую студию – всей редакцией в сопровождении наших технических служб выехали на пешеходную улицу Дзержинского, чтобы жители нашего города смогли услышать и увидеть, как организован радиоэфир. Естественно, что мы анонсировали это мероприятие, самые верные наши радиослушатели специально пришли поздравить с юбилеем. Пришёл и глава города. Максим Афанасьев поздравил нас в прямом эфире и ответил на вопросы ведущей Валерии Рудневой. Все три часа открытой уличной студии транслировались в прямом радиоэфире. Для тюменцев была организована выставка раритетной радиоаппаратуры, которая вызвала живой интерес собравшихся. Надеемся, что опыт проведения такой студии получит продолжение и станет нашей доброй традицией. Рассматриваем вариант проведения подобных мероприятий ежемесячно.

Несколько лет назад внедрили в работу интернет-видеотрансляцию. Раньше бытовало мнение, что радиоведущему можно выглядеть как угодно – всё равно его никто не видит. Сейчас же, когда мы выходим в эфир, наши слушатели посредством интернет-вещания могут видеть и ведущего, и гостя программы. Ещё лет десять назад о подобном никто и не мечтал. Надо сказать, что наше радио всегда идёт рука об руку с телевидением. Все новые проекты планируются в плотном тандеме ТВ+РВ. Яркий пример тому – проект «Наш человек», существующий уже пятый год, который

Сотрудники областного радио со знаменитым боксёром

Константином Цзю. Фото предоставлено ГТРК «Регион-Тюмень».

Автор неизвестен

Фестиваль «Птенец». Перед юнкорами выступает российский спортсмен и политик Николай Валуев.

Фото предоставлено ГТРК «Регион-Тюмень».

Автор неизвестен

рассказывает о тюменцах, внёсших значительный вклад в развитие областного центра. Радиоверсии телевизионных сюжетов регулярно выходят в эфир.

Ещё один пример радиотелевизионного взаимодействия – экспедиция «Север». Каждую осень несколько творческих бригад стартуют из Тюмени и собирают информационный урожай на просторах Югры и Ямала.

Сюжеты, репортажи, фильмы, зарисовки о жизни и праведных трудах северян отправляются в столицу Западной Сибири, а оттуда сигнал распространяется на весь регион. Таким образом, материал, например, о посвящении в нефтяники в Сургуте увидят и услышат и в Надыме, и в Салехарде, и в Ханты-Мансийске, и в Нижневартовске, и в Тюмени. Там, где не забудут включить радио или телевизор в определённое время. Многие такие материалы забирает Москва, заинтересованная в информации о строящихся объектах, положительных тенденциях, новых методах работы, улучшении жизни населения. На территории нашего региона это реально происходит. Так что репортажи из телеэкспедиции «Север» нередко видит вся Россия.

Сейчас на Тюменском радио сильно помолодел коллектив. Пришло очень много новых инженеров, операторов, технических работников. Все они талантливые и любознательные, это наша гордость. Постоянно приходят новые журналисты, и мы сами обучаем и «ставим на крыло» свою будущую смену. Так что Тюменское радио с уверенностью смотрит в будущее и готово к любым переменам.

«Сибирское богатство» No 5'2025

Тюменская набережная отмечает две своеобразные юбилейные даты: в 2000 году началось укрепление речных берегов, а в 2005-м был дан старт работам по строительству её центральной части. В настоящее время уникальный четырёхуровневый променад – место притяжения для гостей города и его жителей. Тюменцы собираются здесь на праздники, устраивают на гранитных плитах концерты, а на специально оборудованных площадках проводят спортивные состязания. И, конечно же, целыми семьями приходят к реке, чтобы просто здесь погулять...

А ведь многие из нас не забыли непроходимые кустарники, росшие когда-то на крутом берегу Туры, и топкие пляжи под ним, и снежные горки зимой для бесстрашных и чуточку сумасшедших... Так что наша набережная – это ещё и своеобразная черта между прошлым и настоящим, мостик, перекинутый от века ушедшего к веку нынешнему, из города тихого и патриархального – в динамичный почти миллионник. Сегодня, собрав сохранившиеся фотографии, предлагаем вспомнить, как это было раньше, кадр за кадром, вернуться в реальное время, а если получится, помечтать о дне завтрашнем.

1964 г.

Фото С. Козлова

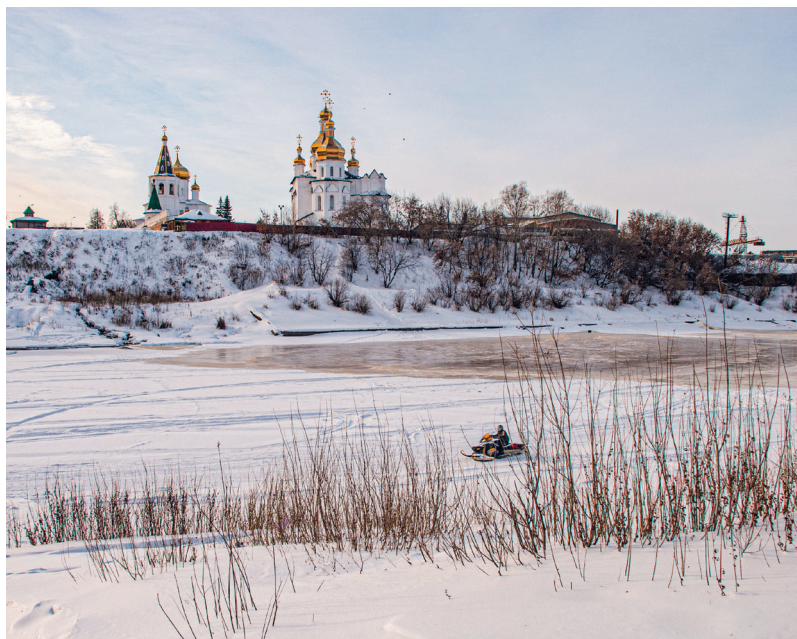
1966 г.

Фото С. Козлова

2008 г.

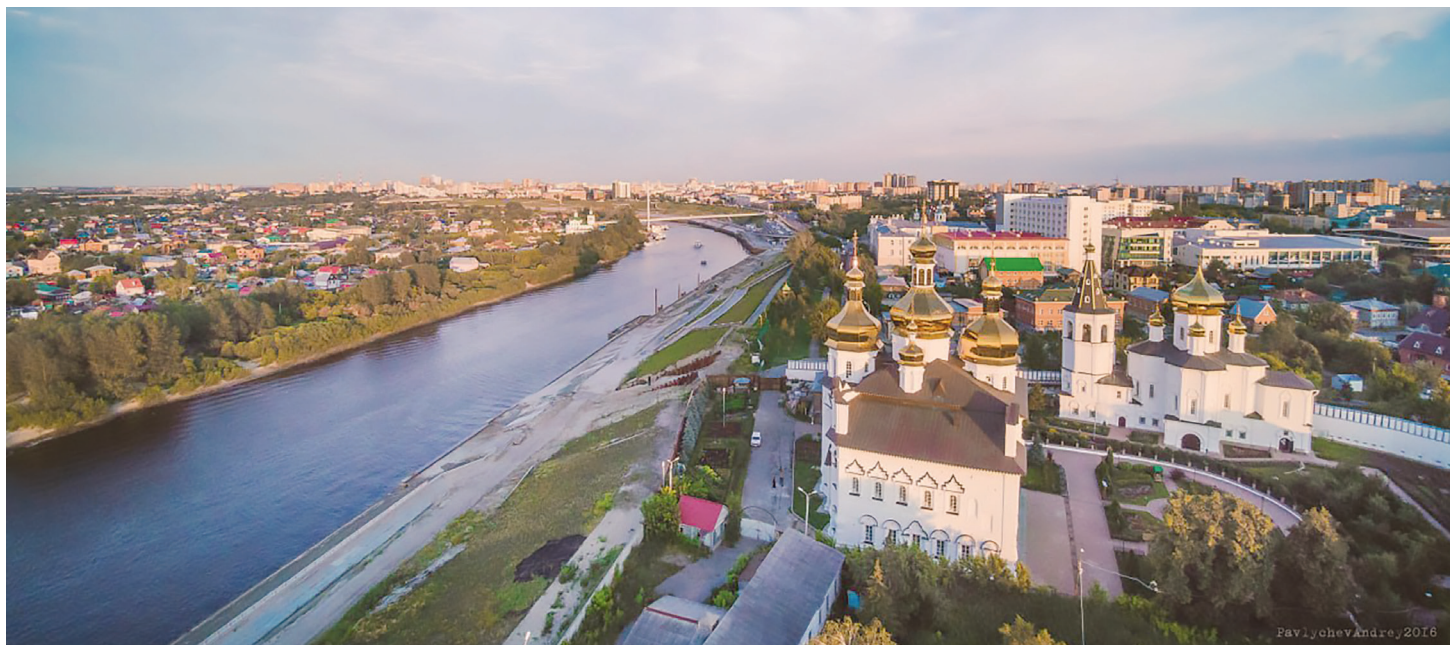
Фото В. Ермаковой

2009 г.

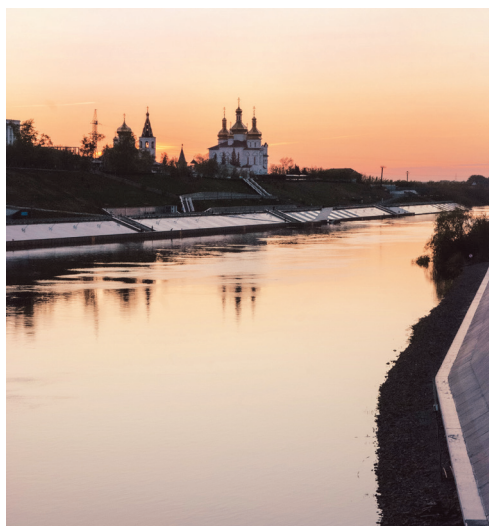
Фото В. Ермаковой

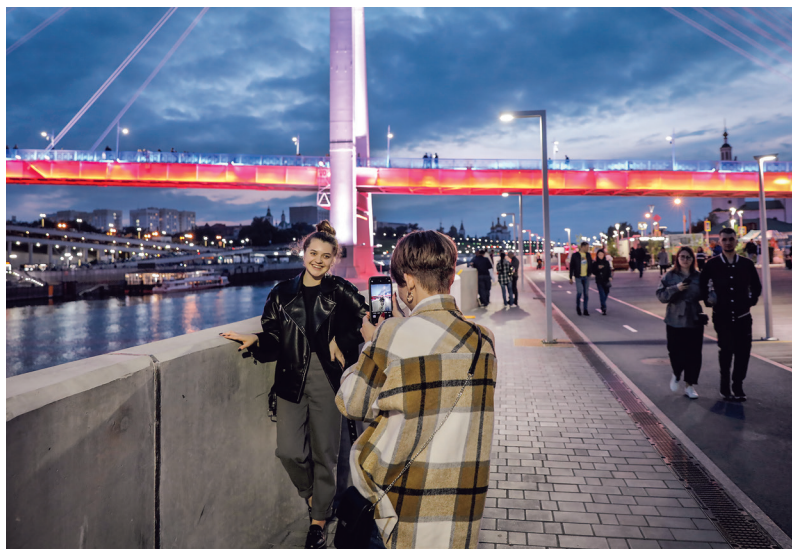
2024 г.
Фото В. Ермаковой

2018 г.
Фото А. Павлычева

2022 г.
Фото Е. Христовой

2023 г.
Фото Е. Христовой

2025 г.
Фото
Е. Христовой

Спас

Недалеко от Тюмени, в деревне Зубарева, стоит небольшой, но крепкий духом домовый храм, который в народе называют: наш храм воинской славы в честь Архистратига Михаила!

До трагических богоборческих событий XX века здесь была часовня, посвящённая победе русского народа в Великой Отечественной войне 1812 года, а сейчас установлен памятный Крест. В Тюменском районе это единственное место, напоминающее о той славной странице нашей истории. Надо отметить, что жители Зубарева на протяжении двух столетий поступали на службу в 38-й Тобольский пехотный полк – один из старейших в Русской императорской армии. За 215 лет существования (1703–1918) он верой и правдой служил 13 государям России, его солдаты принимали участие в 45 крупных сражениях и многих походах. В 1924 году часовня в Зубарева была разрушена, а из её материалов построен Переваловский элеватор.

С первых дней специальной военной операции прихожане храма Архангела Михаила стали оказывать поддержку фронту: собирали гуманитарную помощь, писали письма, плели маскировочные сети, изготовили и передали солдатам 15 тысяч окопных свечей! Гуманитарная помощь регулярно отправляется не только бойцам на передовую, но и госпиталям, больницам, православным храмам и монастырям, а также мирным жителям в ДНР, ЛНР, в Запорожье, Херсон, в Курскую и Белгород-

Екатерина Владимировна Володина – русская поэтесса, общественный деятель, член Союза писателей России, Русского ПЕН-центра, сопредседатель литературного совета Ассамблеи народов мира. Фото из личного архива Е. Володиной. Автор неизвестен

скую области. Религиозная группа храма активно сотрудничает с региональными организациями: «Союз десантников», «Союз пограничников», «Боевое братство», «Тюмень православная – Донбассу», с тюменским комитетом солдатских матерей и с Союзом офицерских жён и семей военнослужащих.

За три с половиной года подобных взаимодействий накопилось немало свидетельств невидимой помощи, божественного заступничества, когда православные святыни, казалось, творили чудеса, спасая солдат от смерти. Я начала записывать эти истории, стараясь бережно сохранять каждое слово. Они были разные: о крестиках, останавливающих пули, о молитвах, отводящих снаряды, о ладанках, исцеляющих раны. Но каждая из них наполнена верой, надеждой и благодарностью. Пока называю этот цикл рассказов «Небесный щит». Считаю, что эти истории должны быть рассказаны, чтобы укрепить веру и дать надежду тем, кто сейчас находится на передовой, поддержать семьи, где ждут близких с войны. С каждым днём коллекция «Небесного щита» пополняется новыми свидетельствами. Пусть Господь хранит наших солдат! Пусть свет веры, исходящий от храма Архангела Михаила, согревает их сердца и дарует им силу и мужество!

Земля гудела, каждый взрыв отзывался дрожью в теле и тупой болью в ушах. Подлесок вокруг опорника, ещё вчера шелестевший листвой, теперь являл собой месиво из срезанных сучьев и дёрна, пропитанных гарью.

Взвод в окружении, третий день на «подножном корму», а главное – боекомплект и вода почти на исходе. И мало надежды на помощь. Напрасно вчерашний курсант лейтенант Воронцов пытался скрывать отчаяние, бойцы всё понимали – они видели его глаза после каждого доклада по рации. Выход один, прорываться.

Воронцов окинул взглядом блиндаж – не забыл ли чего важного – и снял со стены стяг Спаса Нерукотворного – дар земляков-волонтеров. Тщательно свернул и, ослабив бронежилет, убрал за пазуху. Это верно – на фронте атеистов не бывает. Он понял это при первом в своей жизни налёте вражьей арты, когда, вжавшись в траву, не мог подавить животный ужас и лишь шептал, как заведённый: «Господи, господи, господи...» Теперь же со стыдом вспомнил, как смутился перед отъездом от слов матери, подавшей ему простой нательный крестик на верёвочке: «Надень, Андрюша, он остался от бабушки. Он тебя сохранит». Да, сохранит. А он, Андрей Воронцов, постарается сохранить в этой неразберихе две дюжины вверенных ему душ, таких же почти необстрелянных, как он сам.

Вскоре небо потемнело, и стал накрапывать дождь. Самое время.

– Ну что, готовы? – спросил Андрей. – Тогда вперёд, держать дистанцию, экономить патроны.

И они двинулись – где ползком, где перебежками, то продираясь через кустарник, то увязая берцами в размокшем густом чернозёме. К обеду дождь кончился, и опять ожила арта, и не разобрать было, кто и откуда «накладывал» – враги или наши. Пару раз взвод вступал в короткие перестрелки, оба раза, словно по согласию с врагом, расходились без прямого боя. А потом увязли в болоте, и когда выбрались, силы были уже на исходе.

– Больше не могу, – сказал со стоном Димка, молодой контрактник из Подмосквья. – Кто как, а я снимаю броню.

Андрей промолчал, он и сам был того же мнения. И первым снял бронежилет. За ним последовали другие. У троих бронежилетов вообще не было, оставили у опорника, чтобы двигаться налегке. А зря. Под вечер они напоролась всерьёз, банально утратили от усталости бдительность. Завязался бой, пошли раненные. Экономь не экономь, а патроны кончались. Рядом охнул и свалился Димка.

– Живой? – склонился над ним Андрей.

– Я всё, – сказал паренёк, потом побелел и вытянулся. Андрей закрыл ему глаза. И вдруг наступила гробовая тишина, совершенно непонятная в данной обстановке. А потом началась суматошная пальба со стороны противника, но в этот раз не по ним.

– Это наши пришли на выручку! – крикнул Андрей и поднялся во весь рост, оглядывая бойцов – У кого

патроны остались – за мной! – и тут же острая боль обожгла грудь, правая рука онемела и повисла плетью, автомат выпал из рук в траву. Воронцов ещё по инерции сделал пару шагов и уткнулся лицом в дёрн, а потом провалился в бездну.

Очнулся Андрей уже в госпитале, после операции. Ранение в грудь, пробито лёгкое.

– А знамя твоё в сохранности, – сказала ему пожилая медсестра. – Только кровью залито. Стирать я не стала, это на вечную память будет. Я так думаю, это Бог от вас смерть отвёл, ребята.

– Не от всех, – вздохнул лейтенант. – Димку убило.

– Это какого Димку – Кругликова?

– Его, а вы-то откуда знаете?

– Живой твой Димка, в соседней палате лежит. Его вперёд тебя оперировали, тяжёлое ранение, в живот.

– А я ему глаза закрыл...

– Это не беда. Ты закрыл, а Бог открыл. А чего у тебя с глазами, слёзы, что ли? Поплачь, поплачь, это полезно, если от радости.

Вот, пожалуй, и всё, что рассказал Андрей Воронцов землякам-волонтерам по прибытии домой. А знамя Спаса Нерукотворного с кровавым пятном с тех пор бережно хранится в местном храме. И каждый год, в День Победы его выносят на крестный ход, напоминая всем о мужестве воинов и о силе веры, способной творить чудеса.

Под знаменем
Спаса
Нерукотворного.
Фото из личного
архива
Е. Володиной.
Автор неизвестен

День белых журавлей

22 октября наша страна ежегодно отмечает день павших воинов. Впервые Праздник белых журавлей отметили в августе 1986 года в Дагестане, когда открывали первый монумент с изображением журавлей, посвящённый Великой Отечественной войне. Но после журавли «полетели» по всей России. А в 2009 году ЮНЕСКО официально зарегистрировала Праздник белых журавлей в международном календаре памятных дат и назначила число празднования – 22 октября. И для нашей страны этот день связан с именем поэта Расула Гамзатова и легендарной песней на его стихи. Этот образ пришёл к поэту, точнее – прилетел, в Японию, когда он увидел там прилетевших на зимовку журавлей. Впервые песню «Журавли» Марк Бернес исполнил в 1968 году в редакции газеты «Комсомольская правда» для ветеранов войны, генералов и маршалов Победы. А в 2014 году журавль появился на эмблеме движения «Бессмертный полк».

И наша редакция в этот день отдаёт свои страницы журавлям вечной памяти... Стихи участников СВО и поэтов Тюмени.

«Хип-хоп»

*Памяти санинструктора Радика М.
Позывной Рэпер*

Он был веселый балагур из Татарстана,
Над анекдотами смеялись мы всей ротой,
Не к месту повторял, я врать не стану:
«А что ты сделал в свои годы для хип-хопа?»

Мы были старше, не фанаты рэпа,
Не жаловали эту субкультуру,
Когда между боями на привале,
Он что-то рифмовал про «пулю-дуру».

Но иногда бывало не до смеха,
Когда тянули под огнём «трёхсотых»...
Кричал он раненым: «Держись, бродяга!
Ты ж ничего ещё не сделал для хип-хопа!»

.....
Всё как обычно... Прикрывал отход медгруппы,
Когда поблизости разрыв снаряда хлопнул.
И я уверен, что шептал он в те минуты...
«А что ты сделал в свои годы для хип-хопа?»

Станислав Туляков

Ненаписанная песня

Когда закончится Великая война
И будет вложен в ножны меч державы,
Я на рассвете выйду в русские поля
И упаду в росу и в эти травы.
А в этих травах кровный сок течёт

Всех тех, кто лёг когда-то в эту землю.
И Бог с небес из вечности речёт:
«Ко Мне идите, русских воинов приемлю».

А те, кто выжил, выйдут на парад
И мимо стен Кремля пройдут рядами.
А от моей земли отступит ад,
Что остановлен нашими руками.
Над ними сам Архангел Михаил,
А поведёт Святой Георгий-воин.
Спасибо, Господи, что я в России жил,
Где каждый миг испытан и намолен.

Но если мне дожить не суждено
До славных дней победы и расцвета,
Меня ищите у Бородино
Или в полку монаха Пересвета...
Испившие свинцового вина
Идут к Престолу вечному Мессии,
Когда закончится Великая война,
Мы будем в небе – небе над Россией.
Сергей Козлов

Хранитель

Неказистый мужичок с самокруткой –
Что ни скажет, сдобрит то прибауткою,
Выделялся в роте он своим возрастом
Да шинелью, что носил не по росту он.
И служил тот мужичок в части строевой:
Не разведчик, не стрелок – просто ездовой,
По плацу он не шагал горой поступью –
Свою лошадь угощал яблок россыпью.
В сорок первом из котла по грязи болот

Выходила рота, как много прочих рот,
Целых восемь человек – все, кто был живой:
Семь солдат по двадцать лет да наш ездовой.

Где ощерилась земля буераками –
Обложили их враги, жмут собаками.
Чтоб уйти по ручейку ближе к вечеру,
Должен кто-то всех прикрыть – делать нечего.

Прохрипел тут мужичок, оглядев солдат:
«Мне оставьте автомат да чуток гранат.
И давайте-ка, сынки, растудят в качель,
Потихоньку, по воде, двигайте отсель...»

И на утренней заре по густой росе
Вышли семеро солдат и – живые все:
Ведь Хранитель с ними был ночью чуткою –
Неказистый мужичок с самокруткой...

Владимир Молдованов

Брату Косте

Как трактор на весенней пашне,
С какой-то пьяною лихвой
«Утюжил» взвод передовой
Немецкий танк с крестом на башне.
Стреляя яростно от злости
Из трёхлинейки по броне,
Там в сорок пятом, на войне,
Лежал в окопе брат мой Костя.
Контужен, ранен... Слава Богу,
Отбил окоп соседний взвод,
Летели в чёрный небосвод
То стон, то крики – «на подмогу»!
...Спасли девчата из санбата,
Ещё бы час – и опоздали!
Ещё бы час – и без медали!
Ещё б чуть-чуть и мы – без брата!
...В сыром окопном блиндаже,
Бинты в агонии срывая,
Он всё ещё стонал, не зная,
Что многих нет в живых уже!
Он всё ещё кричал душою,
К друзьям взывая уцелевшим,
Всю ночь не спавшим и не евшим,
Он был ещё в разгаре боя...
Осталась память там – в окопе!
Была весна...
Теплынь такая!!!!
Сирень цвела в начале мая,
Война закончилась в Европе!
С войны братишку долго ждали –
Был госпиталь! В сорок седьмом
Он в орденах и при медали
Вернулся с честью в отчий дом.
Павел Плюхин

Дед

Приземист и не худо сложен,
Дед крепок был ещё вполне.
Какой же сон присниться должен
Ему, что умер он во сне?

Быть может, он под Сталинградом
Услышал, как рокошет шквал
И как огнём или снарядом
Испепелённый он упал?

А может, в дни лесоповала
В промозглых дебрях сентября
Сосна, как облако, упало,
Его подмяло под себя?

Он в прошлом времени не спился,
Не сгинул в ельцинском вранье.
Какой же сон ему приснился,
Что так и умер он во сне?

А вдруг он очутился в детстве,
Где сад в цвету и дом не стар,
Так было благодно на сердце,
Что просыпаться он не стал?

Владимир Волковец

Весна всегда похожа на победу...
На солнце – жизнь, в оврагах – трупный снег.
И как-то убедительней «приеду»
Сегодня я пишу в своём письме.
Ты знаешь без меня, как брали Нальчик,
Как выстоял суровый Сталинград.
Но знаешь ли, что я, вчерашний мальчик,
Сегодня стал – мужчина и солдат...
Ты далеко, совсем с другого края
Кроваво-красной карты на стене,
Но я гляжу в глаза твои, родная,
Пусть фотографии – в твоём письме.
Узнай меня: такой же, хоть и старше.
Я жил и жив, и долго буду жить!
Пусть по немцам траурные марши
Взахлёб чужое радио визжит.
Люблю тебя, далёкая Ирина!
Не волен я: я воин, я солдат!
Поэтому горячей грудью сына
Я к матери – сырой земле прижат.
Она меня от смерти сохранила –
Осколком не пробить, снарядом – не порвать...
Грабителю – глубокая могила.
Для русского бойца
земля – родная мать!
Сергей Добронравов,
1942

Записки военврача

Станислав Сергеевич Туляков – родился 3 ноября 1978 года. Врач-травматолог, нейрохирург, сосудистый хирург, кандидат медицинских наук, участник СВО, командир медицинской группы, имеет награды, автор замечательных стихов, в том числе фронтовых.

Все позывные в тексте не актуальны, места событий на данный момент уже находятся в тылу группировки войск РФ СВО.

Знаете, кого я здесь встретил?

Всех!

Имперцев-державников, монархистов, единоклассников, коммунистов и даже так называемых либералов (у тех сложнее всего во взглядах разобраться).

30 декабря 2023 года по центру Белгорода отстрелялись неуправляемыми кассетными боеприпасами на пределе дальности, что не оставляло сомнений – били не прицельно. Просто по городу. Вид пробитых насквозь детских колясок до сих пор перед глазами.

Я был уверен, все украинские медиа будут в голос орать, что Украине это невыгодно, и как обычно про «зловещую гэбню». Но, к моему изумлению, обстрелы продолжились, а из всех украинских СМИ полилась желчная радость и смакование количества убитых граждан России.

Роковая ошибка...

Пока Украина старательно строила из себя жертву – терзали сомнения. Дискуссия о происходящем вызвала понимание, но кто-то убедил их, что они хищники. А вот тут действуют другие законы. Законы схватки. И крики: «А вы сами первые начали!» – уже не являются аргументом.

Эти атаки готовили люди явно не с нашим менталитетом. Мы как представители общинной цивилизации, развившейся в суровом климате, после убийства наших женщин и детей не идём делать революции, мы идём уничтожать тех, кто это сделал. Это закон выживания.

Рядом со мной люди разных политических убеждений, национальностей и вероисповеданий.

Важно другое...

Рядом со мной те, кто считает себя – Мужчиной и Защитником. Именно так – с большой буквы.

Станислав Туляков.
Фото предоставлено автором

«Пятнадцать»

15 – сакральное число для тех, кто увлекается нумерологией, астрологией, Таро и прочими оккультными практиками. Я посчитал – нас в отряде было пятнадцать опытных докторов из разных городов Сибири от Тюмени до Читы, проходивших подготовку перед отправкой в зону проведения СВО.

По странному стечению обстоятельств именно 15-я статья Женевской конвенции как раз защищала право на нейтральный статус раненых и мест расположения госпиталей. Листы Женевской конвенции были разорваны и сожжены украинскими гаубичными снарядами вместе с первыми полевыми госпиталями в самом начале СВО.

Об этом нам рассказывал куратор нашего отряда подготовки. Полковник медицинской службы, прошедший с рюкзаком-укладкой военно-полевого хирурга саванны Анголы, безжизненные ущелья Афганистана и горы Кавказа.

Первые госпитали разворачивались по уставам ещё времён Варшавского договора с учётом соблюдения конвенций – белыми кругами с красными крестами на флагах и палатках.

Но война была совершенно другой. Эти красные кресты стали приоритетной мишенью. Киевское артиллерийское училище значилось в списке самых элитных военных вузов СССР и сомневаться в профессионализме украинских артиллеристов не приходилось. В условиях современной войны с применением спутниковой, радиоэлектронной и воздушной разведки цели они поражали надёжно.

По словам полковника, в действиях ВСУ чувствовалась безжалостное и бесстрастное руководство. Там была чётко посчитана цена жизни. Штурмовика, медика, связиста... И военные медики, а особенно врачи, оценивались этим холодным бухгалтерским умом весьма высоко. Вернее – высоко ценилось их уничтожение.

Полковник так мрачно рассказывал об этом, что мне на фронте нередко снился неприятный сон. В чёрно-белом полутёмном кабинете сидит суховатый мужчина с равнодушно-холодным лицом в полблещущих очках, за которыми не видно глаз, банковская машинка, щёлкая и шелестя, отсчитывает купюры за... мою жизнь.

Перестраивать стратегию, тактику и, конечно, методы работы военной медицины пришлось в ходе СВО.

– У меня нет для вас готовых тактических рецептов, – откровенно говорил наш куратор. – Вы будете действовать на передовой по всей линии фронта, и тактика организации оказания медицинской помощи в условиях степей нижнего течения Днепра и плотных городских и поселковых агломераций ДНР будет разная. И в том числе ваш опыт в итоге ляжет в основу приказов и уставов, – говорил полковник.

Операция в полевых условиях.
Фото предоставлено автором

Но к 2024 году военная медицина уже здорово трансформировалась. И первое правило военного медика на этой войне – не быть похожим на военного медика! На передовой никаких специальных знаков различия! Инструменты и медикаменты – носить в стандартных армейских рюкзаках. Сливаться по обмундированию и амуниции с воинскими частями, в полосе которых вы будете действовать.

Много про что рассказал полковник. Но ещё больше пришлось узнать и изобретать самим в ходе боев.

Нас было пятнадцать. Пятнадцать сибиряков. Пятнадцать военных медиков, которых война раскидает по тысячекилометровому фронту. Пятнадцать сыновей, мужей, отцов, только что встретивших 2024 год в кругу семей. Нас было пятнадцать, и мы ещё не знали, что семерым из нас не суждено встретить 2025 год. А говорят, что в нумерологии «7» – счастливое число... Предрассудки это. Не верю в нумерологию.

«День медика»

Замначальника оперативного штаба направления носил позывной Матёрый. Бойцы подозревали, что это была не только дань опыту подполковника, который свой первый бой принял в центре декабрьского Грозного образца 1994 года, когда сам был ещё молодым летёхой. Дело ещё и в том, что спокойная и вежливая манера общения пугающе резко преображалась, когда он руководил боем. В приказы для краткости и ясности чётко, к месту вплетались непечатные слова и целые выражения русского непереводаемого языка, но все они звучали необычайно понятно и логично, применимо к ситуации. За манеру такого резкого перехода от вежливого спокойствия к ёмкому и понятному объяснению боевой обстановки и твоего места в ней Матёрого побаивались даже опытные офицеры.

После двухсуточного успешного боя было назначено совещание в оперативном штабе, до позиций противника – полтора километра. В этом же месте, в подвале промзоны, находится основной передовой госпиталь направления. Позывной госпиталя – Сирота.

На совещание оперативного штаба военно-полевой хирург – командир медгруппы направления с позывным Змей Горыныч – опоздал и завалился как есть: уставший, небритый, в бронежилете. По дороге с резервного стабилизационного пункта с позывным Приёмыш (вот юмор у штабных!) ему пришлось пережить артналёт во время транспортировки тяжелораненого, только что прооперированного бойца.

Но вот штаб. Совещание. Идёт доклад о результатах боя, потерях, проделанной работе. Перед замначем планшет, где в электронном виде оперативный журнал со всеми событиями.

Доклад Горыныча он прервал вопросом, тон которого сразу показал Матёрый ещё в режиме боя.

– Какого... вы забыли в... Приёмыше?

Пейзажи Донбасса.

Фото предоставлено автором

- Ездил на операцию.
- Второй хирург есть! Пусть он бы и ехал! Обстрел... был. Орден захотели? Не дам. Мне тут на... героизм. Любой героизм - чья-то ошибка. Вы хотите сказать, товарищ хирург, что я ошибся?!

Звучало всё довольно зловеще.

- Там нейротравма была, товарищ подполковник, второй хирург бы не справился, молодой он.

- Настоящий командир должен сделать так, чтобы подчинённые справлялись несмотря ни на что! - с убеждённой, свойственной профессиональным военным, продолжал настаивать Матёрый. И тут Горыныч не удержался. Чувство юмора точно родилось вперёд него. А может, сказались двухсуточное напряжение и усталость, которые требовали разрядки. Повернувшись к одному из офицеров, с видом совершенного профана он спросил:

- Скажите, а если нет танка, можно приказать пулемётчику, чтобы он дал залп осколочно-фугасным?

Все командиры сидят с красными рожам и уже не сдерживают смех. Совещание начало напоминать собрание школьных хулиганов, которых отчитывает директор. Совещание оперативного штаба... После тяжелейшего боя...

У Горыныча промелькнула мысль: ну вот, теперь приготовься записывать самые неизведанные обороты русского языка. Но реакция Матёрого была неожиданной. Замнач, похоже, тоже едва сдерживался, чтобы не засмеяться.

Он взял себя в руки и отрывисто произнёс:

- Товарищ военврач. В честь Дня медика. В первый и последний раз! Я делаю вид, что не понимаю вашего... медицинского юмора!!! Продолжаем совещание.

Точно! Праздник же сегодня. Удачно...

«Эфир»

Прозрачный на вид воздух совсем не так пуст, как кажется на первый взгляд. Он забит множеством волн. Разной длины и частоты. Различного происхождения и массой информации. На войне особенно ощущалось напряжение этого эфира, заполненного приказами, криками раненых, информацией о координатах целей.

Кратчайший кодированный сигнал мог содержать в себе столько информации, которую не унесёт в седельной сумке или ранце ни один гонец или вестовой прошлых войн.

Связисты - оракулы и шаманы войны, добывающие из этого безумного хаоса нужную именно тебе информацию и приказ. Запрос о помощи или победный рапорт.

Позывной Эфир Семён придумал сам. Ему нравилось быть военным связистом.

В гражданском прошлом - престижный питерский технический вуз и высокооплачиваемая работа в IT-компании. Да, Сёма был айтишником из Санкт-Петербурга. Вот прямо таким, каким вы себе его представляете. Щуплый, интеллигентный, в очках. Классика...

Когда его спрашивали, почему он подписал контракт с Министерством обороны, он не уходил в высокие материи. Просто отвечал:

- Я ненавижу один день в году - теперь я этот день люблю. 23 февраля.

Семён не служил в армии, и ему было мучительно стыдно принимать подарки от девочек из отдела маркетинговых систем, тем более что к одной из них он был равнодушен.

Несмотря на то, что праздник давно пытаются дистанцировать непосредственно от воинской службы и сделать просто Днём мужчин, получается это плохо. Военные марши и дембеля различных годов и родов войск на улицах почти весеннего Питера настойчиво напоминали ему о сути этого дня. И контракт он подписал именно в этот день. Семён снова не смог найти смелости пригласить Её пообщаться наедине после корпоратива и клял себя за слюнтяйство и нерешительность.

И он решился...

Центры набора на контрактную службу работали по-военному чётко - 24/7, без выходных и праздников.

Передвижная операционная.

Фото предоставлено автором

Эфир прошёл тяжелейшую для Российской армии кампанию 2023 года. Стал закалённым бойцом. Теперь очки только подчёркивали стальной взгляд его серых глаз, напоминающих осеннее питерское небо.

В современной войне связисты это не только про – «протянуть кабель». Сложнейшие системы телекоммуникаций требовали специалистов высокого класса, и Эфир был точно к месту.

К 2024 году связисты армии РФ замечательно приручили космический проект Илона Маска. Усилиями таких IT-спецов планшеты сборки дружественного Китая послушно соединялись со спутниками, запущенными с мыса полуострова Флорида. Они раздавали интернет в штабах российской группировки, абсолютно уверенные, что абонент работает с украинской, германской или... ещё какой точки доступа, превратившись во вполне значимый канал связи, наряду со многими другими зашифрованными в разной степени системами.

Спутниковые тарелки приёма сигнала выносили далеко за позиции, и замаскировать их было отдельным видом военного искусства. Дроны обеих сторон беспощадно уничтожали всё, что напоминало систему связи.

В подчинении Эфира к летнему наступлению 2024 года была уже команда связистов, и на обрыв связи КП батальона он мог лично не идти. Но пошёл... Может, потому что не хотел показаться недостаточно мужественным. Хотя в его храбрости давно никто не сомневался.

Ушёл он как обычно – вместе с напарником. Полк держал частный сектор, и антенна была замаскирована где-то в полуразрушенных домах буквально в сотне метров от позиций. Но те, кто штурмовал посёлки и городскую застройку, знают, что такое «сотня метров»...

Многие потом утверждали, что слышали хлопок гранаты. Но, скорее всего, это было послезнание. На линии боевого соприкосновения редко бывает полная тишина. За гулом канонады по фронту и спорадической стрельбой по дронам услышать взрыв гранаты, приглушённый стенами, трудно.

Тем более, что через полчаса после выхода Эфира и его напарника начался мощный артобстрел и накат украинских штурмовиков. Позже мы узнали, что атака на участке была отвлекающей – перед попыткой крупного контрнаступления. Но это тоже было потом.

А утром разведчики принесли тела Семёв-Эфира и его товарища. Семён всегда носил с собой гранату на груди с подрагнутыми усиками, чтобы было легче привести в боевое положение. Он часто говорил, что не будет сдаваться в плен. Аргументируя, что там будут бить, а его и так достаточно били во дворе за очки и «интеллигентские замашки».

Связист для диверсионно-разведывательной группы – всегда ценный трофей. Рация с кодами и много информации в голове. Напарника сняли бес-

шумно, ножом. Его тело нашли снаружи дома. А Эфир, по всей видимости, успел заметить атакующих из темноты и подорвался. Не знаю, о чём думал он в эти последние секунды, когда вырывал расчеканное кольцо. Может быть, о маме, о девушке из отдела маркетинговых систем. Или о том, что рация не должна попасть в руки противника...

Наутро рядом с ним лежали два поверженных врага, разбитая рация и очки, отлетевшие в угол дома. Шевроны, как обычно у разведчиков, были сняты, оружие и патроны оставшиеся члены диверсионной группы унесли с собой. Но по амуниции и почерку было понятно – работал спецназ ГУР.

Когда закрылись двери уазика-буханки, увозящего Эфира навсегда в тыл, командир разведвзвода внезапно произнёс:

– Даже не знаю, про какого ещё айтишника в этом мире можно сказать, что он уделал двух матёрых спецов...

А в эфир ушло сообщение, которое приняли и поняли связисты местной группировки: «Эфир-Посох», «Эфир-Посох»...

Оно означало, что ещё один из связистов – (ПСХ) Пал Смертью Храбрых.

**Доктор Туляков
с семьёй.**

Фото предоставлено
автором

Жизнь как чудесный дар

Разговор двух мастеров-журналистов мы перехватили почти случайно: вопросы задавал Анатолий Омельчук, а отвечал Рафаэль Гольдберг – уже этим беседа была интересна. Кроме того, 12 августа 2025 года Рафаэль Соломонович Гольдберг отметил 60-летний юбилей работы в Тюмени и Тюменской области. Чтобы проиллюстрировать это интервью, наша редакция попросила у него несколько раритетных фотографий. И получилось, что перед нами даже не история человека, посвятившего жизнь журналистике, а, скорее, история тюменской журналистики.

Рафаэль Соломонович Гольдберг-Гуревич. Заслуженный журналист РФ. Почётный гражданин города Тюмени. Редактор городской газеты «Тюменский курьер».

Анатолий Константинович Омельчук. Писатель, журналист, краевед, медиаменеджер. Заслуженный работник культуры РФ. Почётный гражданин Тюменской области.

– Когда был я на курсе, кажется, третьем, в Свердловск приехал известный журналист, редактор журнала «Юность» Борис Полевой. Ну и пошли мы, несколько человек, к нему в гостиницу. Именно тогда он рассказал историю, которая многое изменила в моей работе.

Однажды Борис Полевой, в ту пору корреспондент газеты «Правда» и даже заведомо, был приглашён на какое-то совещание в ЦК. Идёт совещание, Полевой делает записи на оказавшемся под рукой листочке. И вдруг председательствующий останавливается и обращается к нему с такими примерно словами: «Борис Николаевич, вам доверяются очень важные вещи, а вы как к ним относитесь? Записываете на каком-то клочке бумаги?..»

– Я покраснел, – рассказывал Полевой, – а когда совещание закончилось, помчался на Кузнецкий в писчебумажный магазин, купил самый толстый блокнот, в коже, с медными застёжками.

История произвела на меня сильное впечатление. И сама идея понравилась. Конечно, я не мог всякий раз бежать на Кузнецкий мост, но с тех пор всегда выбирал самый большой, самый толстый и самый яркий (чтобы не потерялся) блокнот. Все блокноты за последние пятьдесят с лишним лет стоят в моём шкафу. Пижонство? Нет, просто я уважаю нашу работу и стараюсь относиться к ней серьёзно. Лет двадцать назад мне предложили написать тексты для фотоальбома, посвящённого 40-летию Тюменского нефтегазового комплекса. Я взял отпуск, уехал на дачу с моими блокнотами и, используя собственные записи, написал восемнадцать больших очерков о геологах, нефтяниках, строителях. Не считая, как сказал однажды кот Базилио, «мелкой сырой рыбы на закуску», – маленьких заметок к фотографиям. Вот такое вступление. Ладно, задавай свои вопросы...

– *Шаблонный вопрос: ты выбрал журналистику или она выбрала тебя?*

– Никогда об этом не думал.

Корреспондент газеты «Тюменский комсомолец».

Фото из личного архива Рафаэля Гольдберга.

Автор неизвестен

– *Но ты ведь как-то определялся...*

– Элемент случайности был, как многое в моей жизни. Учился я на металлургическом факультете политехнического института – а где ещё в Челябинске может учиться мальчик, окончивший школу в шахтёрском городе Копейске? Почти всё своё свободное время я проводил в читальном зале библиотеки на улице Цвиллинга. И была у меня подружка, библиограф Регина Шубина. Однажды Регина показала мне новенькое удостоверение нештатного корреспондента челябинской молодёжной газеты «Комсомолец». Как так? А вот так! А своди меня туда... В редакции Наташа Бетева, заведомо, дала мне задание, и я написал заметку – про завод в моей школе, где ученики делали из оргстекла пособия по стереометрии для других школ, которые до такого не додумались... Эта заметка вышла 29 мая 1959 года. Кстати, в день рождения нашего друга Вити Строгальщикова, которому тогда было девять лет, и он ещё бегал где-то в Башкирии, в городе Октябрьском, и тоже не знал, что станет журналистом, а потом и писателем, но это отдельная история...

Но коготок увяз – всей птичке пропасть. Я ещё маленько поучился на металлургическом факультете. Начал печататься. Получил такое же, как у Регины, удостоверение и через год поступил на первый курс факультета журналистики Уральского университета.

С политехническим институтом мы, конечно, расстались. Я устроился в типографию корректором. Там работали 15 женщин, а я – шестнадцатый. Там из меня сделали настоящего типографского мальчика – гранки, полосы, пробельный материал: марзаны, реглеты, шпоны, шпации и бабашки век не забуду. Среди корректорш были, как я их называл, «сталинские старухи», которые ели меня поедом. «Как ты можешь этого не знать? Как можно не заметить такую ошибку?» Они работали ещё в те времена, когда опечатка могла стоить жизни, и вколотили в меня ненависть к ошибкам.

Но поступать я приехал уже с приличной стопкой публикаций. Потом были полугодовые практики (на весь второй семестр на третьем и четвёртом курсах – такая была у нас программа!) в газетах Копейска и Хабаровска. А дальше на моём пути оказалась Тюмень, куда я попал совершенно случайно. Мой однокурсник Вовка Дементьев, когда мы стояли в приёмной ректора для последнего рукопожатия, уговорил поменяться с ним местами. Так я приехал в город, о котором ничего не знал, и стал старшим литсотрудником газеты «Тюменский комсомолец».

– «Тюменский комсомолец» – это, можно сказать, первая настоящая ступенька в журналистику?

– Длинная ступенька... Одиннадцать лет...

– И как мальчик типографский ты вдруг уходишь на радио? И всё сначала?

– За пятьдесят с лишним лет я увольнялся всего четыре раза. Не слишком много? Думаю, уходил потому, что на этом месте вырабатывал ресурс. Не мог больше оставаться. Из «Комсомольца» на радио. Но все творческие организации похожи одна на другую. И новичков встречают одинаково... Пока ты сам не утверишь себя.

Дорога на Ямбург, станция Тундра.

Фото из личного архива Рафаэля Гольдберга.

Автор неизвестен

Первая северная командировка: Шайм,

нефтепровод.

Фото из личного архива Рафаэля Гольдберга.

Автор неизвестен

– Многие твои работы вошли в Золотой фонд тюменского радио.

– Правда, что ли? А нельзя хоть что-нибудь получить с этого фонда?

(мы оба смеёмся)

– Но в этом десятилетии была дорога Сургут – Уренгой. Лучшая пора твоей журналистской жизни, как ты сам однажды сказал.

– Да, с 1976 по 1981 год я занимался, в качестве журналиста, конечно, строительством этой дороги. После командировки, когда первый поезд прибывал на станцию Нижневартовск, мы с Сергеем Фатеевым придумали радиожурнал «Магистраль». Со многими ветеранами стройки дружу до сих пор, особенно с мостовиками. «Голубая кровь» – так они о себе говорят.

– Вторая твоя ступень?

– И тоже довольно длинная. Принц Гамлет не сказал бы про меня: и башмаков ещё не износил... Потом стало невмоготу. Трудно сформулировать, но работать из-под палки – так это, кажется, называется, – не могу. Пионерный, романтический период закончился... Виктор Горбачёв, ставший редактором «Тюменской правды», позвал меня снова в газету. Но я – промышленник, а там оказалась свободной только вакансия заведомо пропаганды.

– «А вы умеете играть на скрипке? Не знаю, не пробовал». Так?

– Был уже 1986 год. Перестройка. Помнишь публикацию Лагунова в «Тюменской правде»? Очень острую и нашумевшую – «Берега гласности»? Она проходила по моему отделу. И вся дискуссия по этому поводу тоже. А я придумал цикл «Мы и наша история» – о забытых, закрытых страницах истории нашей. О Платоне Лопареве, о Викторе Вановском, организаторе первого съезда РСДРП – он жил и похоронен в Тюмени. О других белых пятнах... Как трудно – ещё действовали многие запреты! Как интересно! Четыре с половиной года... Раздрай в стране.

Р.С. Гольдберг
на своих привычных
дорогах.

Фото из личного
архива Рафаэля
Гольдберга.
Автор неизвестен

В редакционных коллективах – то же самое... В «Тюменской правде» вызрело то, что в конце концов привело к созданию «Тюменских известий». Ушла команда: Бакулин, Строгальщиков, Князев и я.

– Газетчик и радищик – что у них общего?

– Общее: и то, и другое – журналистика. Увидел своими глазами, потрогал руками – написал или рассказал. Никакой разницы. На радио я научился слышать – не только слова, но и голоса, интонации, паузы. «Голоса» работающих механизмов. Научился писать текст, который можно произносить. Писать в определенной тональности. Годы работы на радио шлифуют речевой аппарат, ты начинаешь говорить свободно, и текст так и пишется «под твой голос». Иногда я предлагаю молодому журналисту – спой свой текст! И сразу видно, что слова составлены во фразе неестественно. Учишься говорить складно, законченными фразами, а писать – быстро.

– А желание создать газету...

– ...вызвано усталостью от некоторых редакторов. Легко было с Володией Фатеевым – дружили, как говорится, до гробовой, но я ушёл из «Комсомольца», когда Володи там уже не было... Установилось взаимопонимание с Горбачёвым. Наверное, я не лучше их, но у меня просто накопилось что-то своё, что требовало каких-то шагов. Почему бы не реализовать, сделав информационную газету, отдав информации всю первую полосу? Формула: шестнадцать плюс десять. Чтобы на одной странице

уместились 16 информации и десять снимков! Кстати, «Курьер» начался с того, что две творческие бригады сотрудников предлагали свои модели первой полосы. Та, которую выбрали, живёт до сих пор. А в городе не было городской газеты. И я спросил Киричука: «Давай?»

– А почему «Курьер»?

– Потому что – он курьер. Не «правда», не «известия» – курьер. Пришёл, отдал информацию – и свободен. Какие могут быть претензии к курьеру? Он – функция.

– Когда ты создавал свою газету, видел проблему кадров. Хорошо пишущие журналисты удобно сидели в своих креслах. А плохие тебя не интересовали.

– Не так... Во-первых, нас уже было двое – моя дочь Женя и я. Во-вторых, был Костя Малых, Женин одноклассник. Он пришёл с нами сразу же – ответственным секретарём. Вот на стене фотография середины 1990-х, там видно, кто есть кто. Пришёл Русанов фотокором. Коллегам, видимо, показалось, что мы делаем что-то интересное, ну и... Мы брали молодых: не умеешь – научим, если захочешь. У нас была клетушка, где они сидели друг на дружке. Наш принцип учёбы совершенно вывернутый, наверное. Ты помнишь старую постепенную схему? Сперва молодого отправляют в отдел учащейся молодёжи, потом в «письма», потом в «промышленность»... Лет через сто дорастёт до вопросов общественной и политической жизни. Я считаю, что всё должно быть наоборот: придя к школьным темам от политики, он поймет, что актуально в школе. Вот примерно так... Я сам человек любопытный... Может быть, лучшее время журналистики и лучшее время «Курьера» уже в прошлом? Tempora mutantur et nos mutamur in illis – времена меняются, и мы меняемся вместе с ними... Журналистика – как любовь. Тут ничего не может быть через силу. Из-под палки ничего не напишешь...

– Тема «запрещённые солдаты» как появилась? Это же страшная работа...

– Всё началось с шестидесяти восьмью года, когда редактор Фатеев поручил мне подготовить серию рассказов школьников под рубрикой «Орден моего отца». У него была гипотеза: дети ничего об этом не знают! Опросим их, и будет проблемная публикация... А мы получили совершенно волнующие рассказы об отцах-фронтовиках. Этот цикл печатался в «Комсомольце» месяца два или больше. Потом был клуб для будущих солдат «Есть статья в строй!», а затем много встреч с ещё молодыми ветеранами. С теми, кто не в кино и не в книжках, а наяву штурмовал рейхстаг, под пулемётами пересекая Королевскую площадь в Берлине... Спустя годы, в канун 60-летия Победы, мы разговаривали с Сашей Новопашиным, тогда директором департамента информационной политики. Он сказал: что

бы нам придумать к юбилею, чего ни у кого нет? И у меня вырвалось: запрещённые солдаты. К этому времени я знал, что фильтрационные дела бывших военнопленных, уроженцев Тюменской области, переданы в областной архив социально-политической истории. Пришлось похлопотать о допуске... И в августе 2005 года вышел первый том книги с этим названием. По-моему, едва ли ни единственный в стране. Потом были другие книги - «Возвращённые имена» (о 229-й стрелковой дивизии), «В лабиринтах военных архивов»...

- Не подводил итоги, хотя бы предварительные - сколько ты восстановил имён? А книжек сколько написал?

- Книжек, думаю, десятка два. А что касается имён... Великая война велика во всём. В том числе и в потерях. Последний солдат всё ещё не похоронен. Даже все исследователи вместе не в состоянии воссоздать всю историю войны. Каждый новый документ, даже случайно обнаруженный листок добавляет к этой истории ещё какой-то неизвестный прежде факт, ещё одно позабытое имя. И даже в завершающем эпизоде - штурме Берлина - столько подробностей, о которых мы пока не знаем! Ни чьей жизни не хватит. У людей моего поколения,

Тонкий лёд – чем не смысл нашей профессии, не всегда видимый и нам самим?

Фото из личного архива Рафаэля Гольдберга.

Автор неизвестен

у тех, кто в войну были детьми, она как будто в генетической памяти. И всякая мелочь, подробность, книжная страница эту память будит.

Вот у меня дома есть один, скажем так, сувенир. Офицерские часы. Мой дядька, капитан, который со своим полком пришёл в Берлин, выменял эти часы у американца на толкучке у разбитого рейхстага. Я нашёл их, разбирая его портфель много лет спустя. И этот мёртвый, по сути, кусочек металла с мёртвым циферблатом и замершими на без четверти два стрелками тоже о чём-то мне рассказывает. А может, только пытается рассказать, а я пытаюсь его понять. О документах, которые никто не перечитывал после войны, трудно говорить. Чем больше узнаёшь, тем труднее... Но хватит о войне...

- Давай о редакции: ты для журналистов - друг, советчик, наставник или диктатор?

- Всё. Всё вместе.

- И последний вопрос: ты по жизни оптимист, пессимист, человек импульсивный или законченный трудоголик?

- Я по жизни счастливчик. Я воспринимаю свою жизнь как чудесный дар.

С Тюменью в сердце и в альбоме

Об Александре Павловиче Митинском тюменцы хранят самые добрые воспоминания. Его именем названа детская художественная школа, в одном из молодых районов города меньше десятилетия назад появилась улица Митинского, а собираясь посетить очередную выставку в зале регионального отделения Союза художников России, гость нет-нет да и бросит взгляд на памятную доску с профилем основателя и первого председателя этой организации.

Сегодня, когда исполняется 120 лет со дня его рождения, мы решили поговорить об этом человеке – художнике, педагоге и организаторе – с продолжателями его дела. Выставочная площадка тюменского СХР – настоящий магнит для горожан, равнодушных к изобразительному искусству. Сколько встреч с мастерами здесь состоялось, сколько работ без натяжки музейного уровня было представлено вниманию зри-

Старый архитектурный мотив. 1942 г.
Фото предоставлено ТРО СХР

телей! А традиции этих выставок закладывались в Тюмени давным-давно, можно сказать, в первые годы советской власти. И уже тогда юный Александр Митинский был одним из деятельных участников этих событий.

Прежде чем войти внутрь здания, ненадолго задерживаюсь на крыльце. Отсюда хорошо виден зелёный массив – мемориальное Текутьевское кладбище. Вот оно, совсем рядом, – достаточно пе-

рейти улицу... Там, побродив по дорожкам среди ржавеющих оград, вероятно, можно найти место, где покоятся родители Александра Павловича – их тоже когда-то в нашем городе знали и уважали. Павел Петрович Митинский, полиграфист-печатник, был известен как незаурядный кулачный боец, его супруга Анна Михайловна, мать десяти-рых детей, – как хлебосольная хозяйка. Сын Саша в семье один из старших – на свет появился в 1905 году. А пару лет спустя Митинский-отец, работавший иногда по четырнадцать часов в сутки, сумел скопить нужную сумму и приобрёл для растущего семейства большой дом на улице Туринской, практически у самого Лога.

Лог, район Городища, исторический центр Тюмени... Сегодня так мало осталось от его прежних неровных улочек, от пахнущих травами дворов, от почти деревенского уклада жизни. Сейчас там асфальт, а из-за высоких металлических заборов видны только крыши современных коттеджей. И всё равно во время прогулок нет-нет да и притянет взгляд своей тёмной фактурной древесиной сохранившаяся столетняя избушка – не случайно сюда до сих пор за вдохновением приходят фотографы и художники. Тогда же, в начале прошлого века, эта живописная среда, казалось, подпитывала и пробуждала в местных обитателях скрытые творческие способности.

Кстати, о способностях... Вдобавок к прочим своим увлечениям, Павел Митинский обладал склонностью к рисованию, развивал её как мог не только в себе, но и в своих детях. Особенно ярко она проявилась у старших сыновей – Всеволода и Александра. Всеволод со временем уехал в Москву, получил художественное образование, начал работать по специальности. В 1941 году, вступив в ополчение, не вернулся из боя на подступах к столице...

Саша тоже мечтал о переезде – и ему хотелось выучиться на художника, но оставить родителей с младшими детьми без поддержки в те трудные времена он себе не позволил. К счастью, для одарённого юноши и здесь нашлись замечательные педагоги. Вскоре после революции в Тюмень приехал выпускник Императорской Академии Художеств Михаил Авилов – иллюстратор, декоратор, мастер батальных и исторических сюжетов. В 1918 году будущий народный художник РСФСР и лауреат Сталинской премии организовал в нашем городе первую изостудию (она тогда располагалась в здании Александровского реального училища), и одним из её самых успешных учеников оказался Александр Митинский. Чуть позже студия будет реорганизована в художественную школу, а новыми учителями Саши станут тоболяк Иван Овешков и выпускник Строгановского художественно-промышленного училища Константин Трофимов. Под их руководством в возрасте всего пятнадцати лет мальчик впервые представит свои работы на настоящей «взрослой» выставке...

Юный Александр Митинский был не только участником, но и организатором первых послереволюционных художественных выставок в нашем городе.
Фото предоставлено ТРО СХР.

Деятельность художественной школы самым положительным образом отразилась на культурной жизни нашего города. С момента её создания выставки стали проводиться здесь регулярно, и, что примечательно, Александр Павлович зачастую выступал не только их участником, но и одним из организаторов. В 1935 году он заочно окончил Государственный институт практических знаний в Ростове-на-Дону, а ещё год спустя провёл свою первую персональную выставку, имевшую весьма положительный резонанс... Когда началась война, здоровье не позволило ему отправиться на фронт. Он преподавал в тюменских школах, занимался оформительской работой, писал агитационные плакаты и лозунги. О тыловой деятельности Митинского сведений сохранилось не так уж и много, но есть факты, которые говорят сами за себя: центральная газета «Красное знамя» отмечала успехи военных агитаторов, в том числе Александра Митинского, а в 1946 году Александру Павловичу была вручена медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Позже он получил медаль «За доблестный труд» и орден «Знак Почёта».

В 1947 году наш земляк прошёл обучение в Москве на Центральных курсах повышения квалификации в мастерской знаменитого художника Бориса Иогансона – признанного мастера соцреализма, президента Академии художеств СССР, лауреата двух Сталинских премий, народного художника СССР. С этого момента в его жизни настал новый этап – он перешёл к созданию больших работ, в том числе на основе прежних этюдов, стал много и успешно выставляться.

Тюменцы знают Александра Митинского как замечательного педагога: почти сорок лет он преподавал рисование и черчение в школах, техникумах и вузах родного города, способствовал открытию нескольких студий изобразительного искусства... В последние годы жизни стоило Александру Павловичу выйти на улицу, с ним здоровался едва ли не каждый встречный – столько у него было учеников и просто поклонников таланта. А ещё мы и сегодня благодарны ему за преданность любимой Тюмени. За то, что он годами рисовал и писал её самые милые уголки, фиксируя в своих альбомах происходящие с ней изменения.

Современники отмечали, что Митинский много гулял по тюменским кварталам, делая зарисовки, наброски, этюды. Часто выбирался в окружающие областной центр старинные деревни. Все свои работы тщательно подписывал – не случайно знатоки его творчества по сохранившимся записям отслеживают любимые им маршруты... Ну и, конечно, мы не забываем, что именно Александр Павлович был первым руководителем областного Союза художников СССР. Вспомнить его, рассказать о том, какое имела значение его деятельность для нашего города, просим народного художника РФ, председателя ТРО Союза художников России Александра Новика:

– Александр Сергеевич, а вы были знакомы с Митинским?

– Я не могу назвать нашу единственную встречу знакомством, но до сих пор с удовольствием о ней вспоминаю. Мне было тринадцать лет. Мы с другом занимались в изостудии Дворца пионеров, и наши преподаватели Владимир Мокин и Евгений Герасимов, талантливый, стоит сказать, скульптор, автор

**Старые ивы под
Тобольском.**

1963 г.

Фото предоставлено
ТРО СХР.

эскиза памятника борцам революции, очень рекомендовали ученикам посетить выставку, открывшуюся в картинной галерее. Она располагалась в старинном здании недалеко от филармонии, и как-то после занятий мы решили туда зайти. На втором этаже были представлены работы Митинского, которые нам действительно понравились! Мы не торопясь переходили от картины к картине и вдруг услышали, что зрители оживились: «Молодые люди, вам повезло! Идёт автор экспозиции!» Поворачиваемся, видим человека – довольно грузного и, как нам тогда показалось, совсем не молодого, хотя ему было чуть больше шестидесяти... Он подошёл, заговорил с нами, стал рассказывать о своих сюжетах, о технике работы маслом и акварелью. Потом, увидев в наших руках альбомчики, предложил: а теперь вы мне покажите, чему вас учат! Посмотрел внимательно, похвалил наши рисунки. Он был прекрасным педагогом: умел построить общение и со студенческой молодёжью, и со школьниками, чувствовал, в какой момент ребёнка надо поддержать... В дальнейшем я много общался с ведущими тюменскими мастерами, которые гордились знакомством с Александром Павловичем, считали его своим наставником. Например, Александр Иванович Мурычев, великолепный график и живописец, много работавший с тюменской натурой, всякий раз, когда я заходил в его мастерскую, вспоминал о Митинском, подчёркивал его влияние на свою судьбу... Был его учеником и график Евстафий Кlementьевич Кобелев, позднее окончивший Московский государственный художественный институт им. Сурикова – он дважды избирался председателем областной организации «Союз художников СССР», и художник-документалист Степан Семёнович Лопатин. Эти имена приходят мне на память в первую очередь, но, конечно, были и многие другие... Александр Павлович воспитывал настоящих творцов, не просто производственников, – каждый из них внёс вклад в развитие художественной мысли Тюмени...

– Насколько я понимаю, у него был настоящий организаторский дар...

– Да, это был очень активный человек. Например, он одним из первых вступил в ряды свердловской Ассоциации художников Революции – АХР (объединение было основано в 1922 году по инициативе Товарищества передвижников, Союза русских художников и Общества художников Московской школы, его филиалы появились во многих крупных промышленных центрах СССР. Свою главную задачу участники ассоциации формулировали как «живописное документирование эпохи становления и развития Страны Советов в реалистическом ключе». Их искусство было адресовано, прежде всего, простому народу и рассказывало о радости созидательного труда и перемен к лучшему, которые происходят в обществе).

В 1925 году состоялась Первая выставка уральских художников – в ней участвовали тюменцы Александр Митинский, Иван Кротов, Иван Котовщиков, причём Александр Павлович в очередной раз включился в её подготовку. А в 1934 году он организовал в Тюмени крупную выставку, посвящённую Первому областному съезду Советов, каталог которой сохранился до наших дней. В ней участвовало двенадцать художников, представивших 269 работ! Это была масштабная демонстрация достижений местной школы, сразу же сделавшая известными тюменские имена. Практически все её участники вскоре стали членами Союза художников СССР – насколько серьёзным и знаковым оказалось это мероприятие.

– Но успех тюменских художников тогда пошёл в копилку Омской области, в состав которой наш город был включён в 1934 году.

– Это так, и даже первая персональная выставка Александра Павловича состоялась именно в Омске... Но десятилетие спустя, 22 сентября 1944 года, сразу вслед за образованием самостоятельной Тюменской области, было принято решение облисполкома о создании Тюменской областной организации «Союз художников СССР» и проведении её отчётной выставки. 15 ноября на фоне этой выставки прошло общее собрание, где Митинский был избран первым председателем новой организации. Находясь на своём посту, а потом просто в её рядах, он вёл активную организаторскую работу, продолжавшуюся примерно до начала шестидесятых. А дальше настало время перемен: в Тюмень из Ленинграда и Москвы прибыла целая плеяда молодых художников с собственным сти-

Яблоневый сад весной. 1954 г.

Фото предоставлено ТРО СХР.

Таким Александра Павловича запомнили его многочисленные ученики.

Фото предоставлено ТРО СХР.

лем, техниками, сюжетами. Этим ребятам, среди которых были такие замечательные мастера, как Пётр Токарев или Остап Шруб, был интересен север, они стали выезжать в геологические посёлки, на месторождения. Уже гремела нефтяная тема, и лирические пейзажи или старинная городская архитектура стали уступать на холстах место стройкам, портретам буровиков, суровым картинам таёжной природы. Надо признать, что молодёжь немного «подвинула» мастеров старой школы, но по-прежнему, как это было заложено нашим первым председателем, каждая тюменская выставка становилась событием и широко обсуждалась.

– От искусствоведов я слышала, что Шруб был прекрасным оратором и нередко вступал с Митинским в полемику, но со временем признал его выдающийся вклад в становление Тюменской художественной школы. А что бы вы сказали о наследии, которое оставил нам Александр Павлович?

– Это был человек, безусловно преданный изобразительному искусству, не представлявший без него своей жизни. Люди, близко его знавшие, рассказывали, что он никогда не расставался с альбомом и постоянно делал зарисовки – я могу это подтвердить. Во время нашей встречи в картинной галерее мне запомнился альбом в его руках... При жизни Александра Павловича состоялось пять его персональных выставок. Последняя проходила в 1965 году – после её завершения он подарил тюменскому музею более трёх сотен своих работ. В их числе – около ста акварелей, маленьких, открыточного формата. На них виды старой Тюмени – подробно прорисованные, со множеством архитектурных деталей. Я бы сказал, это материалы краеведческого порядка: основываясь на них, можно изучать наше деревянное зодчество... Живопись его тоже интересна: колористика, свет и тон необыкновенно точны, они убедительно передают состояние природы, настроение изображаемого сезона. Такая декоративность и натурность живописных акварельных работ, на мой взгляд, очень ярко характеризуют творчество Александра Павловича Митинского.

Незавершённое время Владимира Александровича Рогачёва

К 85-летию создателя тюменского литературоведения, преподавателя, филолога, журналиста и автора нашего журнала В.А. Рогачёва.

Современный писатель-фантаст и программист Тед Чан, размышляя о судьбе культуры в эпоху искусственного интеллекта, привёл знаменательный пример преодоления закона редукции, лежащего в основе любой искус-

Путь в
журналистику,
г. Петрозаводск.

Фото из
архива семьи
Рогачёвых.
Автор
неизвестен

ственной системы. Художник отбрасывает десятки черновых вариантов, которые представляются ему тривиальными, в то время как именно из таких вариантов нейросеть компокует тексты для среднестатистического пользователя. Так сегодня рабо-

тает классическая формула Бюффона «Стиль – это сам человек»: всё, что кажется нелогичным или ошибочным, таит в себе новое знание, открывает иной взгляд на реальность.

О Владимире Александровиче Рогачёве невозможно говорить и писать в прошедшем времени, даже в форме имперфекта (несовершенного времени), – настолько ощутимо его присутствие в повседневной и тем более литературной жизни. Поэтому все глаголы прошедшего времени в данной статье лишь дань условности повествования, которое начинается в момент завершения самого события.

«Записывай!»

Всем известно, что В.А. Рогачёв всюду опаздывает, – на занятия, на частные и официальные встречи, на празднования... Но при этом ничего не забывает: ни дат, в том числе дней рождения и смерти, ни сроков сдачи статей или студенческих работ, ни выставок или спектаклей... Рукописи всегда поступают вовремя и в заданном объёме. Он точно знает, какой знак нужно поставить в библиографическом описании и какой ГОСТ определяет саму расстановку знаков. Подсказывает, где найти нужную информацию и как её искать до или вне интернет-ресурсов.

«Записывай!» – домашний вопль, когда что-то забыто, пропущено, перепутано. Именно это слово определяет стиль его собственной жизни с классификацией папок, записными книжками, конспектами, упорядоченной библиотекой. Лишь кажется, что это стиль прошлой эпохи, когда ещё не было поисковых систем. Однако тот, кто создаёт такие системы, а не просто пользуется ими, хорошо знает, насколько трудно, а порой невозможно придумать (увидеть) удобный принцип поиска.

Тюменская литературоведческая регионалистика (не краеведение) начиналась на кухне – с тонких тетрадок, исписанных мелким почерком Владимира Александровича, где за хаосом библиогра-

Студия СЭН.
Второй справа –
Владимир Рогачёв.
Фото Н. Сабанова.
ГБУТО ГАТО

На уборочной:
будни
университетского
филолога
(1980-е, г. Тюмень)
Фото из архива семьи
Рогачёвых.
Автор неизвестен

фических заметок просматривалась система, причём система, которая охватывает практически весь ландшафт литературы Тюменского края второй половины XX века. Пришёл Юрий Лукич Мандрика, в прошлом – студент ТюмГУ, в настоящем – замечательный и умный издатель (Ю.Л. Мандрика ушёл из жизни 7 августа 2025 года, когда материал готовился к публикации) с идеей создать хрестоматию для обеспечения «регионального компонента» в школьных программах по литературе. Тетрадная система заработала, преобразовавшись в трёхтомную книгу, снабжённую биобиблиографическим справочником. Система оказалась «порождающей» (по Ю.М. Лотману), книга – концептуальной, «тюменский текст» сложился из фрагментов разнородных текстов, методических рекомендаций, связавших локальные сюжеты с «большой» русской литературой.

Иначе разворачивается десятилетняя история «Такой культурной жизни» – серии еженедельных статей в газете «Тюменский курьер», публикаций в журнале «Сибирское богатство», цикле радиопередач «Субъективно говоря». Журналист и исследователь становится не только наблюдателем событий, но и их активным участником, сплетая в целое разнородные факты. В.А. Рогачёв создаёт не просто «летопись» тюменской культуры, охватывая образование, театр, живопись, литературу, издательское дело, – он выявляет её смысловое ядро. Сегодня разные люди предлагают свои интерпретации этого смысла: от идеи «тюменского Вавилона» до полного неверия автора в то, что тюменская почва способствует процветанию культурного слоя. Система работает независимо от её рукописного первоисточника, расширяясь, то есть создавая многополярное пространство «тюменского текста».

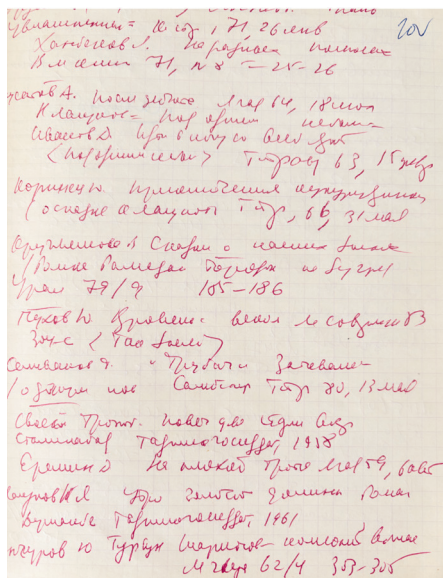
«Филолухи»

Примем за аксиому мысль Осипа Мандельштама, что филология держится на индивидуальном

чувстве слова, «на интонации и на цитате», на языковой игре в совокупности с интуитивным и одновременно рациональным отбором значений, которые слово получает в контексте обыденной и/или поэтической речи. Настоящая филология бывает только актуальной, поскольку именно филолог различает и скрещивает языковые «горизонты» прошлого и современности.

Слова и словечки Владимира Александровича Рогачёва рождались в ситуациях свободного общения со студентами. И не только с ними. «Филолух» – одно из таких словечек филологического дискурса, говорящее о пристрастиях исследователя. Те, кто учился в Тюменском государственном университете в годы работы В.А. Рогачёва, оказались участниками самого что ни на есть актуального литературоведения: кажется, что именно он принёс на семинарские занятия в начале семидесятых работы Ю.М. Лотмана, Б.А. Успенского, Е.Г. Эткинда и других авторов структурно-семиотической школы в отечественном литературоведении. Человек метода, ученик И.П. Лупановой, он формировал (именно формировал, а не проповедовал) чувство точности литературоведческой науки, понимая её значение

Рукописные материалы «К истории литературной критики Тюмени».
Фото из архива семьи Рогачёвых.
Автор неизвестен

не только в скрупулёзном подсчёте гласных и согласных звуков либо пиррихий в ямбе и хорее, но и в точности перехода от одного структурного уровня к другому вплоть до смысловых оппозиций. Первому можно научиться, второе держится на интуиции, на слухе.

Не нужно ждать второй волны «возвращённой литературы», если ты читаешь детские книги, воспринимая их как поле художественного эксперимента. Так входят в жизнь «детские» Даниил Хармс, Александр Введенский, Николай Заболоцкий, Юрий Владимиров и другие обериуты. Размышления над их творчеством, поэтикой Ф.И. Тютчева или современной литературой преобразуются в разные формы: монографию «Проблемы становления и развития русской советской детской поэзии 20-х годов» (Екатеринбург, 1990), учебные пособия по истории детской или «взрослой» литературы; литературно-критические работы соперничают с перформативностью творческого поведения.

Именно литература и филология создают контекст, позволяющий отличить перформанс от обыденных поступков, но граница игры и жизни при этом истончается, порой служа источником всевозможных недоразумений. Поэтический

Эпизод Коммунарского макаренковского движения: спектакль по пьесе Е. Шварца «Дракон», Москва, 6 ноября 1974 г.
Фото С. Икрянникова из семейного архива

театр «Союз энтузиастов» (СЭН) начинается с лирики поэтов военного поколения, когда исследование оформляется в сценарий и развивается в многочисленных эпизодах жизни студенческого сообщества, сложившегося вокруг Владимира Александровича. В рамках учебного семинара пишут курсовые о русском поэтическом авангарде, но одновременно – собственные стихи и прозу, объединяя тексты в самиздатские журналы и авторские сборники. Небольшая часть из них сегодня представлена на выставке «Культурный слой» в Музейном комплексе имени И.Я. Словцова, где раздел «40 лет тюменского самиздата» подготовлен учеником Рогачёва Львом Боярским. Методика «творческих дел», лежащая в основе коммунарско-макаренковского движения 1970-х годов, реализуется в практике университетской филологии уже как «проектная деятельность». Не станем множить примеры, поскольку суть их едина – обаяние личности, уважение к другому, интуитивное и потому не всегда осторожное балансирование на границе обыденного и игрового миров.

«Память детства»

Память детства – одна из тех метафор, которые стали терминами. В литературоведении применяется для установления видовой специфики детской литературы. В интерпретации В.А. Рогачёва формула предполагает скрещивание памяти детства 1) автора – писателя, реального человека и абстрактной фигуры, стоящей за текстом; 2) персонажа и повествователя, зачастую выступающего и как главный герой нарратива; 3) читателя, способного реагировать на разновременные, «не-

На выставке художника Анатолия Владимировича Седова (г. Тюмень, 2000 г.). Фото из архива семьи Рогачёвых. Автор неизвестен

раздельные и неслиянные» (М.М. Бахтин) миры говорящих субъектов художественного текста. Но не только: здесь личный опыт ребёнка встраивается в жизненный опыт взрослого читателя, «текущая, становящаяся, движущаяся» детская память оказывается и прошлым для взрослого человека, и его будущим, если смотреть на неё как на предустановление ещё не совершённых поступков, не оформленных мыслей, не сказанных слов... В этом смысле чуткий читатель детских книг и есть филолог, вне зависимости от его профессии или образования. И человек, живущий в незавершённом времени...

Рогачёв Владимир Александрович (9 сентября 1940, Брест – 15 марта 2004, Тюмень) – культуролог, публицист, журналист, исследователь детской и региональной литературы, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы ТюмГУ, организатор и руководитель (1975–1991) университетской поэтической студии. Получил известность как обозреватель культурной жизни города и области. В течение десяти лет вёл рубрику «Такая культурная жизнь» в газете «Тюменский курьер», «Субъективно говоря» на радио «Регион-Тюмень», сотрудничал с журналами «Сибирское богатство» и «Врата Сибири». Всероссийской газетой «Культура» отмечался в числе лучших культурологов страны.

Родился в семье военнослужащего. Раннее детство провёл в городе Мышкине Ярославской области, где его дед Фёдор Седов служил предисполкома. Вместе с родителями объездил почти всю страну. Учился в школах Азербайджана, на Ярославщине, в Свердловской области, 10 класс окончил в городе Красноводске Туркменской ССР в 1957 году. С 1960 по 1963 год служил в армии. Сотрудничал с армейской газетой, по её рекомендации в 1963 году поступил на историко-филологический факультет Петрозаводского университета им. О.В. Куусинена в Карельской АССР. В 1967-м стал дипломантом I Всесоюзного студенческого конкурса по общественным наукам. За год до окончания вуза был принят на работу старшим редактором молодёжных передач карельского телевидения.

В 1968 году с отличием окончил университет и поступил в аспирантуру, где под руководством профессора И.П. Лупановой написал кандидатскую диссертацию «Советская детская стихотворная книга 1920-х годов». В 1973-м прошёл по конкурсу на должность старшего преподавателя Тобольского государственного педагогического института и защитил диссертацию в Петрозаводском госуниверситете. С 1974 года работал в Тюменском государственном университете на кафедре русской и советской, позднее – русской литературы. Вёл такие курсы, как «Теория литературы», «Введение в литературоведение», «Детская литература», «Современная российская литература». С 1982 по 1988 год заведовал кафедрой. Подготовил диссертацию на соискание учёной степени доктора филологических наук на тему «Система жанров русской детской поэзии 1920-х годов». В.А. Рогачёв – автор более 60 работ по теории и истории русской детской литературы, русской поэзии.

Любовь как смысла жизни

Часто герои публикаций знакомят журналистов со своими родственниками и друзьями – людьми неординарными, увлечёнными, обладателями богатого жизненного и профессионального опыта. Так было и в этот раз... Мне предложили рассказать о моряке-подводнике, позднее на гражданской службе занимавшемся обеспечением транспортом нефтяных месторождений, да ещё всю жизнь писавшем стихи! Естественно, встречи я ждала с нетерпением: хотелось расспросить собеседника о военно-морских буднях, о работе на Севере в годы рекордных цифр нефтедобычи, заглянуть поскорее в его поэтические сборники. Но получилось иначе...

Набрав телефонный номер, я узнала, что Валерий Андреевич Армянинов восстанавливается после тяжёлой болезни. Благодаря заботам семьи и собственному волевому характеру сумел встать на ноги, уже привычно приветлив и обаятелен, но о нескольких часах вопросов и ответов думать пока не время. Вместо этого его супруга Тамара Тимофеевна пригласила меня на чашечку чая. И в ходе нашего с ней разговора вдруг сложился новый сюжет: я услышала рассказ о семье. О людях, счастливых тем, что они есть друг у друга и видят своё продолжение в детях и внуках, и тем, что долгие годы занимались любимым делом – каждый своим... Свадьбу чета Армяниновых сыграла в одном из живописных местечек Татарстана. Двадцать пять лет супружеской жизни отметила в Лангепасе, пятьдесят – в Тюмени. В нынешнем октябре у них цифра, пусть не круглая, но заслуживающая уважения – пятьдесят

О службе на флоте Валерий Андреевич Армянинов рассказывает нечасто, но фотографии говорят сами за себя. Фото из архива семьи Армяниновых

семь лет законного брака! «А ведь нашей встречи могло и не быть...» – моя собеседница улыбается и, кажется, сама не верит в свои слова...

– Мы оба родились в Татарстане, в разных его уголках. А встретились, когда по распределению из педагогического училища я приехала в Лениногорский район, в посёлок с романтическим названием Ромашкино, где, как потом узнала, жили Валерины родители. И именно в то же время он, ещё служивший во флоте, вместе с другом собрался провести у них отпуск. Помню: выходим с сестрой из автобуса, а перед нами два молодых человека в гражданской одежде. У нас в руках чемоданы, полные книг и яблок, – что ещё тогда могла дать мама дочкам в дорогу? И поскольку, несмотря на скромность, я была девушкой смелой, не удержалась и громко сказала: «Что это за парни – не могут помочь?!» На мои слова Валера обернулся...

– И первое впечатление?

– Сердце ёкнуло! Он такой светлый, чистый, интеллигентный! Я не из тех девочек, которым нравились хулиганы, поэтому сразу почувствовала: мой человек! А дальше всё шло, словно так и было задумано! По пути к общежитию мы проходили мимо его дома, и отец уже стоял на крыльце, готовясь встречать гостей. Заметил нашу компанию, рассмеялся: заносите сюда чемоданы! Валерий ему махнул: погоди, разберёмся! Ребята нас проводили, а вечером предложили вместе погулять. Обещали показать самые красивые здешние места... Но в назначенный час Валера пришёл один – у дру-

га нашлись дела. Сестра на нас только взглянула и, сославшись на усталость, отправила на прогулку вдвоём. Мы вышли на улицу, взялись за руки – и с тех пор рука об руку так и идём по жизни. Мне и в плавание пришлось его провожать, и возвращения дожидаться ...

– Так всё-таки Валерий Андреевич – военный человек или гражданский?

– Он четыре года провёл во флоте, попав туда по армейскому призыву после первого курса Казанского инженерно-строительного института. Честно скажу: о своей службе Валера мало мне рассказывал. Знаю только, что на подводной лодке пересекал экватор. И что в числе его наград есть медаль Ушакова, которую обычно моряки получают за воинские отличия. А вот когда, уже отслужив, захотел вернуться в институт, ему объяснили, что программа поменялась настолько, что другой возможности продолжить учёбу, кроме как поступить заново, у него нет. Ну, заново так заново! Только теперь он выбрал Московский нефтяной институт имени Губкина, филиал которого находился в Лениногорске. Твёрдо сказал, что будет учиться на вечернем отделении, чтобы не сидеть на шее у родителей. Работать устроился на ремонтно-механический завод, специализировавшийся на обслуживании нефтяного оборудования. Но поскольку лениногорский филиал давал только три курса подготовки, на четвёртый ему пришлось переводиться в филиал расположенного от нас в сорока с лишним километрах города Альметьевска. Три раза в неделю после работы ездил туда на лекции и последним автобусом возвращался в Лениногорск. А дальше

пешком – автобусы уже не ходили – шёл до Ромашкино, где мы тогда жили. Семь километров в любую погоду – в дождь, в мороз, в снег... Около полуночи появлялся на пороге, а в половине шестого надо вставать, чтобы успеть на завод.

– Как же вы, наверное, волновались во время этих «странствий»!

– Конечно волновалась! Каждый раз, когда его ждала... У нас был маленький сын, а я ещё и работала, так что, случалось, засыпала на ходу... Прилягу поспать и ровно за секундочку до того, как он откроет дверь, обязательно проснусь. Встречаю, кормлю его ужином, а он, чтобы поднять мне настроение, рассказывает какой-нибудь анекдот... А однажды весь вечер не просто жду, не просто волнуясь, мне так тревожно, что даже плохо становится. Он заходит, я к нему: «Валера, что случилось?» Оказывается, к ночи поднялась такая метель, что занесло дорогу. И вот он идёт, а куда – не понимает. Вокруг, сколько глаз видит – ни огонька. Чудом каким-то вышел в нужном направлении...

– И всё-таки долгожданный диплом был получен...

– Да, я присутствовала на его защите. К этому времени на заводе Валерий Андреевич уже был начальником цеха. А год спустя получил приглашение в Нижнекамск на должность главного механика автотранспортного предприятия. Звали вместе с семьёй. Естественно, обещали жильё, и мы решились на переезд.

– А в наши края как попали?

– Ещё через десять лет. На своём предприятии он дорос до должности главного инженера, и как опытного специалиста-транспортника его позвали возглавить управление спецтехники Лангепаснефтегаза. Управленческий аппарат там формировали наши татарские кадры – они знали об умении Валерия Андреевича организовать работу. К тому же благодаря своему образованию он был неплохо знаком со спецификой нефтяной отрасли.

– И вот в 1986 году вы всей семьёй переезжаете в, скажем прямо, вчерашний нефтяной посёлок, всего год назад получивший статус города...

– Муж сперва один туда уехал, а меня уговаривал повременить с переездом, пока не устроилась жизнь. Это я через полгода не выдержала, взяла нашу дочку Татьяну, тогда ученицу второго класса, и отправилась к нему. Сын уже учился в Ленинграде, в Военно-морском училище имени Фрунзе... Сразу скажу: нам повезло! Мы не жили в балках, не мёрзли в вагончиках – лиха, которого когда-то в избытке хватили нефтяники-первопроходцы, на нашу долю не досталось. Нас пригласили к себе друзья. У них уже была трёхкомнатная квартира, и одну комнату они отдали в наше распоряжение, пока мы не получим собственную. Это было прекрасно! Я по натуре романтик, и страха перед севером не испытывала. И насчёт работы

Первые годы в Лангепасе.
Фото из архива
семьи Армяниновых

не беспокоилась: за плечами – серьёзный опыт руководителя кадровой службы, а здесь одно за другим создаются новые предприятия. Мне же и сорока тогда не было! Об этом возрасте говорят так: нам ещё всё доступно, нам уже всё понятно... Помню морозный зимний день. Я, закутанная по самые глаза, захожу в первое попавшееся управление, обращаюсь к начальнику отдела кадров и слышу: «Где же вы были, мы только что приняли человека с «большой земли», вам же не подойдёт работа простого инспектора?» «Подойдёт, – отвечаю, – я хочу узнать с азов новую отрасль!» Так и устроилась в НГДУ Ласъеган, в замечательный коллектив, в окружение приветливых и доброжелательных людей. Многие приезжали на три года, пока не истечёт срок договора, а оставались на всю жизнь. Север затягивает!

– И чем притянул он лично вас?

– Небо там очень низкое. Кажется, рукой можно дотянуться. Когда оно полыхает всеми цветами, от этой красоты душа переворачивается. Правда, если долго живёшь на Севере, начинаешь тосковать по весне. У нас не зря бытовала шутка: июнь – ещё не лето, июль – уже не лето. В отпуск ехали, кутаясь в пуховые платки, а в Тюмени зеленели газоны. Забегая вперёд, скажу: когда встал вопрос о переезде в областной центр, нас так и заманили – погреться... Но в Лангепасе жара тоже случалась, начиналась очень резко: снимаешь шубу – и вот ты уже в купальнике! А Валерий Андреевич, большой любитель природы, нашёл для себя рыбалку и охоту. Природа – наша с ним самая большая страсть. Единственное, к чему я так и не смогла привыкнуть, это к одолевающим с наступлением тепла комарам и мошкам. Сколько раз бывало:

Природа Севера, покоряющая сердца.

Фото Т. Армяниновой

Большой любитель рыбалки и охоты.

Фото Т. Армяниновой

идём семьёй на рыбалку – дочка с мужем шагают налегке, песенки поют, а я за ними в тридцатиградусную жару, как пчеловод в плотном костюме и накомарнике... А осенью, в солнечные дни, когда начинало холодать, шли за клюквой и брусникой, и только однажды увидели морошку. Помню, как я срываю ягоду, приподнимаю сетку с лица, чтобы положить её в рот и – глотаю горсть мошкеры... Но морошка – удивительная ягода, не зря её называют царской! Соберёшь – и сразу в морозильник – она не теряет ни цвета, ни запаха, только ещё больше наполняется вкусом.

– Говорят, что все северяне от мала до велика осенью идут в лес на заготовки...

– Да, таёжные края щедрты на деликатесы: сколько гостинцев в ту пору мы посылали своим родным! Не забуду, как впервые отправились за орехами: кедровые дают урожай раз в четыре года, и чтобы не повредить дерево, сборщики обстукивают его специальными колотушками. Шишки при этом осыпаются дождём: зазеваешься – будешь ходить с синяками. Но мало набрать – надо их обработать, а я не умею! Наконец, придумала способ: сняла с панцирной кровати матрац и начала шелушить о сетку. Получила гору орехов вместе с мусором, просушила, вынесла на улицу. И поднявшийся ветер унёс всю шелуху! А вообще, если говорить о снабжении, у северных городов оно было лучше, чем на «большой земле». Сын, когда приезжал и открывал дверь нашей кладовочки, обязательно восхищался: мне бы такую в Ленинград! Ведь там была и сгущёнка, и банки с ком-

потом, и колбаса, которую мы называли «сухой» – продукты набирались с запасом, потому что зимой в любой момент могли ударить морозы, да такие, что вставал транспорт. Каждую зиму люди боялись, что случится авария на нашей единственной котельной, и дома останутся без тепла. Но ни разу, сколько помню, такой беды не было: грели очень хорошо. Мы обычно даже форточки не закрывали.

– А как отмечали праздники?

– Расскажу про 8 Марта: в этот день наша компания всегда выбиралась в лес. Он был рядом: город просматривался насквозь, а вокруг величественный сосновый бор! Взрослые и дети расчищали на любимой полянке место для костра и жарили шашлыки. А ещё в марте, когда становилось больше солнца, начиналось время лыжных прогулок. Я уже рассказывала о нашей объединяющей тяге к природе. Здесь, в Тюмени, выйдя на пенсию, мы с Валерием Андреевичем старались ни дня не терять: обязательно выезжали на горячий источник или просто за городскую черту, туда, где свежее воздух.

– Тамара Тимофеевна, а работа была сложной? Всё-таки Самотлор, «нефть любой ценой», под началом Валерия Андреевича огромный парк спецтехники...

– Удивлю вас, но слово «Самотлор» в Лангепасе не звучало, хотя это всё тот же Нижневартовский район... Управление Лангепаснефтегаз работало на собственных участках, и только в Тюмени мы узнали, что они относились к самотлорской группе месторождений. Но, конечно, задача Валерию Андреевичу выпала непростая. В одном из стихотворений он в шуточной форме описывает состояние дел, которое застал в Лангепасе: «Базы – лишь одно название: два вагончика без зданий; на отсыпке среди болота кое-где стоят ворота, на песке машин каркасы, ни воды, ни теплотрассы...» Действительно, было много недоработок, а производственный план всё повышался и повышался. Пришлось вводить жёсткий учёт техники, списывать вышедшую из строя, добиваться новых поступлений, организовывать обслуживание – это давалось большим напряжением сил. Для меня было естественным, что муж возвращается домой часов в девять-десять вечера – я и сама приходила немногим раньше. И чем больше каждый из нас был увлечён своим делом, тем ближе мы становились друг другу. Семья – это не слова, это отношение... Я понимала: чтобы отдохнуть и восстановиться, ему обязательно нужно побыть за городом, и спокойно воспринимала то, что каждую субботу после обеда он отправлялся на рыбалку. Сама в это время занималась домашними делами – в них был мой отдых. Могла даже обоим переклеить, причём мужа в известность не ставила. Он приходил домой, а я показывала ему обновлённую комнату: «Валера, тебе нравится?»

За морошкой!

Фото В. Армянинова

– Маленький таёжный городок, жизнь в тесном контакте с удивительной природой... Но ведь и культурных мероприятий вам, наверное, хотелось?

– С этим всё было в порядке: к нам часто приезжали известные артисты. Вспоминаю сюжет из девяностых – уже наступили времена Лукойла... Во время очередной поездки в Москву я решила сходить в театр на Таганке. Захожу в фойе, а там Валерий Золотухин у книжной стойки продаёт какие-то буклеты. Сам! Я настолько удивилась, что, видимо, не сумела этого скрыть. А он поймал мой изумлённый взгляд и только развёл руками: «А что делать?» Даже звёзды тогда выживали как могли. И в полной уверенности, что нефтяники живут богато, не отказывались поехать «по северам» с концертами. Однажды заместитель по кадрам попросил меня собрать сотрудников в Красном уголке. Спрашиваю: «Что будет?» – «Увидишь!» И вот, когда коллектив был в сборе, в зал вошли мужчина и женщина. Красавца-гостя я узнала сразу: Владимир Ивашов, знаменитый киноартист! А на даме была широкополая шляпа, и только приглядевшись мы поняли, что перед нами Светлана Светличная! Пара выступила шикарно: что-то они рассказывали из своей жизни, разыгрывали сценки из спектаклей... А вечером я пригласила их домой: успела прибежать пораньше, приготовила ужин... Общение было незабываемым: Володя играл на гитаре, а Светлана оказалась необыкновенно эрудированной женщиной. Потом она ещё дважды выступала перед жителями города, в том числе в школе, где моя дочь заканчивала десятый класс.

– В нынешнем году Лангепасу исполняется сорок лет – это и по человеческим-то меркам совсем немного... А ведь вся его юность, можно сказать, прошла на ваших глазах...

– Да, город быстро рос, менялся, развивалась его инфраструктура. Много средств и внимания отводилось «социалке»: строились садики, оснащались больницы – сегодня Лангепас гордится заме-

чательным больничным городком... Для детей были организованы цирковая студия, лыжная секция, карате – да много чего ещё... Наша Татьяна с серебряной медалью окончила математическую школу и успешно поступила в Московский институт нефти и газа имени Губкина – пошла по стопам отца. Так что мы не в обиде на образование, которое получили в глухой тайге... Жизнь не может быть пресной и скучной, когда тебя окружают сумасшедшие романтики – смелые и творческие люди. Сколько потрясающих инициатив было тогда реализовано! Какие у нас проводились конкурсы профессионального мастерства для молодых рабочих и научно-технические конкурсы для молодых специалистов-нефтяников! На них представлялось по 15-20 работ: ребята видели перспективы производства, стремились о себе заявить. А я стояла у истоков их организации, налаживала и поддерживала связи с тюменскими, московскими и уфимскими вузами.

Множество новаторских предложений исходило от главы администрации города – Владимира Михайловича Асеева. У нас появился один из первых в России кризисных центров для женщин в трудной ситуации и школа для особенных детей. В середине девяностых был организован деловой женский клуб «Россиянка», поднимавший и решавший проблемные вопросы – от молодёжного досуга до благо-

**Золотая свадьба,
г. Тюмень.**

Фото из архива семьи
Армяниновых.
Автор неизвестен

устройства дворов и улиц. Мы, например, добились введения в школах города такого предмета, как валеология, когда в стране о нём ещё мало кто знал... Всех нас объединяло общее понимание: Лангепас – родное гнездо, здесь растут наши дети, значит, он должен быть красивым и безопасным!

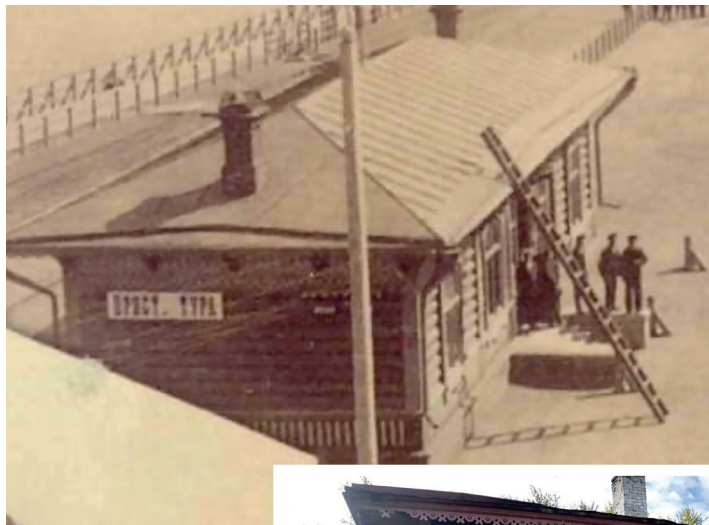
– Тамара Тимофеевна, сегодня молодёжь нередко ставит приоритетом карьеру, отодвигая создание семьи на второй план. Но пример вашей пары говорит о том, что эти цели друг другу не противоречат...

– Мы в начале совместной жизни о карьере и не задумывались. Просто любили друг друга и уважали – эти чувства диктовали нам наши поступки, и они до сих пор остаются основой отношений в доме. А если говорить о планах, да, они были: честно трудиться, зарабатывать, растить детей. И обязательно во всём поддерживать своих близких. Многое шло от истоков, от родительского примера. И у меня, и у Валеры родители – трудяги. Моя мама воспитала шестерых – у всех сложились счастливые семьи. Я её как-то спросила: «Почему ты не интересуешься моей жизнью?» Она ответила: «Доченька, а зачем? Ведь это твоя жизнь!» Думаю, она даже не сомневалась: своей судьбой мы сумеем распорядиться правильно.

Приключения железяки

«Маленькие тюменские истории»

«ПРИСТ. ТУРА»

– металлическая информационная железяка, всю свою жизнь прожившая на деревянном бараке, построенном в 1885

году (а может быть, и раньше) по случаю организации пароходно-железнодорожных перевозок в Тюмени на берегу реки Туры. И было их две по торцам здания. Та, что справа, была обделена вниманием, так как не видел её глаз человеческий ни с реки, ни с земли. А вот левая – со стороны пристани – радовала глаз и сообщала, куда прибывали корабли да поезда.

Старожилы Тюмени помнят, что от ж/д станции Тюмень через нынешнюю улицу Профсоюзную тянулись на пристань рельсы. К той самой станции Пристань Тура.

Где-то в первом десятилетии XX века из сарая решили сделать настоящую станцию и, сняв крышу, пристроили точно такой же объём в ширину. В боковых стенах появились окна. Чтoб соединения брёвен не бросались в глаза, избушку обшили тёсом, а опознавательную табличку «ПРИСТ. ТУРА» прикрепить забыли. Когда опомнились, одну табличку извозчики прихватизировали себе в хозяйство. Прибили оставшуюся «ПРИСТ. ТУРА» на левую стенку на самом углу домика. Не очень красиво. И какой-то дореволюционный дизайнер объяснил станционному смотрителю, что не золотое это сечение так важную

Та самая станция Тура на набережной (вчера и сегодня).

Фото предоставлено автором

А вот и вагон на станции-пристани.

Фото предоставлено автором

информацию лепить. Сдвинули табличку почти на метр к центру, и стало дорого-богато.

Постепенно пристань всё больше становилась станцией, и, скорее всего в первые революционные годы, в моде того времени решили ПРИСТАНЬ переименовать в СТАНЦИЮ. Местный гениальный оптимизатор бюджетных средств просто обрезал металлический лист с лишними буквами ручными ножницами. Измученную, укороченную теперь уже «СТ. ТУРА» повесили на фасад здания. Получилось ужасно, но информативно. Так она и провисела много десятилетий, пока её не лишили места – здания, на котором она красовалась. Отправилась «СТ. ТУРА» в начале двухтысячных, как я думал, на металлолом, однако совсем недавно она нашлась. И живёт теперь у меня. Поэтому я с уверенностью и написал эту короткую историю. А чтобы читателям было интереснее, сопроводил её старыми и новыми фотографиями из истории этой железяки, которая, как ни крути, тоже частичка большой истории большой Тюменской области. То бишь – часть нашего общего сибирского богатства, которое прославляет одноимённый журнал.

Тяжеленный, кованый вручную, высокоуглеродистый железный лист. Квадратные дореволюционные гайки. Обрезанный с одной стороны металл. Дырки от части крепления буквы «И». Даже след от неё... Всё это теперь перед моими и вашими глазами. Бесспорно, это та самая первая вывеска, снятая в 1880-х годах с «Тюменского памятника архитектуры» – «Станция Тура», а не жестяной лист из семидесятых, как считали многие.

О Ермаке в Тюмени

(авторская версия-исследование)

Рассуждая о походе Ермака в Сибирь, историки обычно упускают из вида, что при подготовке и во время экспедиции казакам приходилось решать сложные даже по современным меркам инженерные и транспортные задачи. Между тем их исследование помогает определить временную протяжённость похода от начала до его завершения.

Опустим причины, подвигнувшие казаков и их спонсоров на это предприятие. Начнём с конца августа 1581 года, когда Максим Строганов согласился снарядить дружину. Строгановский историк XVIII века П.С. Икосов подсчитал, что все припасы, отданные казакам, стоили по тогдашним ценам 20 000 рублей. И хотя проверить достоверность этой суммы невозможно, она поражает воображение. Натуральный объём и вес полученного снаряжения хотя бы приблизительно должны были ей соответствовать.

Атаманы требовали выдать оружия и продовольствия на 5 000 человек из расчёта 3 пуда (1 пуд равен 16,3 кг) ржаной муки, пуд сухарей, 2 пуда круп и толокна, пуд соли, безмен (~ 1 кг)

Поход Ермака в Сибирь вдохновлял не только исследователей, но и людей творческих. Вот так, например, представлял прибытие прославленного атамана в наши края живописец Василий Суриков

масла, половина свиной туши, некоторое количество рыбы, по 3 фунта пороха и свинца на казака и знамёна полковые «с иконами, всякому сту по знамени» (Сибирские летописи, стр. 315).

Казаки взяли с собой всё, что могло понадобиться в дальнем путешествии: топоры, пилы, гвозди, конопатки (зубила), смолу, лопаты, всевозможные судовые снасти, паруса, пологи (шатры) и т. д. Не забыли и рыболовные неводы (мережи). Загрузка судов шла днём и ночью: нужно было до ледостава перевалить через Камень (Уральские горы). Однако грузов оказалось больше, чем могли принять лёгкие струги. Чтобы увеличить их грузоподъёмность, делали набоины (древнерусские ладьи, которые строились путём наращивания выдолбленного корпуса судна из дуба или липы досками) к бортам, но всё равно часть добра пришлось оставить.

Уподобляя казачий полк стрелецкому, исследователь Сергеев определил численность дружины вместе с приданными ей охотчими людьми приблизительно в 1 650 человек (В.И. Сергеев. К вопросу о походе в Сибирь дружины Ермака – Вопросы истории, 1959 год, №1, стр. 123). Дружина имела трубачей, сурначей, литавричников и барабанщиков, следовательно, музыкальные инструменты, имеющие размер и вес. Вес продовольствия, приходящегося на каждого казака, составлял около 10 пудов

(160 кг), а казака с боевым снаряжением и зимней одеждой – не менее 100 кг, прочее снаряжение и инструмент – не менее 50 кг на человека. В каждой лодке имелся свой большой котёл (ермак) для варки пищи.

Краевед Д.Е. Копылов считает, что количество судов во флотилии Ермака могло достигать восьми-десяти. Это означает, что если в одной лодке размещалось около 20 казаков плюс груз, то её полезное водоизмещение должно было составлять не менее семи тонн. Для размещения такого количества людей и груза длина типичной лодки волжской конструкции при ширине от 2,5 до 3 метров должна была составлять не менее 12 метров, а её собственный вес, учитывая набухание в воде, – около полутора тонн.

Летописи отмечают, что для обеспечения продвижения столь значительных судов по мелководным верховьям Чусовой и Серебрянки Ермак был вынужден перегораживать русло позади флотилии парусами и дожидаться подъёма воды. Затем паруса переносились вслед за флотилией, а операция повторялась, пока казаки не достигли водораздела между Серебрянкой и текущей в сибирскую сторону Баранчой – ближайшим притоком Тагила. Отсюда начинался сибирский волок. Свои внушительные и тяжёлые суда казаки на сибирскую сторону перетаскать не смогли и весь груз взяли на плечи. Историк Икосов в 1761 году писал: «Струги Ермаковы в коем месте оставлены – и поныне суть многим лесникам и ловцам известны, ибо где оные на берегах оставлены, вырос на них кустарник не малой». На преодоление волока у казаков ушла вся зима. Значительно уменьшились запасы продовольствия, но в результате стычек с местным населением сократилась и численность казачьего войска. Это частично облегчило задачу продвижения в Сибирь.

Достигнув речки Жаровли, впадающей с юга в Баранчу, Ермак приказал строить небольшие плоты, на которых, преодолев 66 км, его люди спустились до Тагила. Возможным это стало только в конце апреля, когда Баранча поднялась из-за паводка. Расстояние до Тагила (в переводе с мансийского – «много воды») плоты могли пройти за двое суток благодаря большой скорости весеннего течения и продолжительного светового дня. Расстояние от места её впадения в Тагил до впадения Тагила в Туру – 288 км.

На Тагиле, при устье реки Медведки, в дремучем лесу казаки стали лагерем, чтобы построить новые струги. Народное предание так описывает этот период: «Поплыли по той Баранче-реке, и скоро оне выплыли на Тагил-реку. У того Медведя камня, у Магницкова горы остановились. А на другой стороне была у них плотбища: делали большие коломенки, чтобы можно им со всем убраться. Жили оне тут, казаки, с весны до Троицова дни, и были у них промыслы рыбные, тем оне и кормились.

И как им путь надлежал, со всем в коломенки убирались. И поплыли по Тагиль-реке, а и выплыли на Туру реку...» Поскольку почти все летописи говорят о постройке здесь Ермаком коломенок (речных судов), следует дать некоторые пояснения.

Это были длинные и довольно узкие суда с совершенно плоским дном, отвесными штевнями (прочные вертикальные элементы на носу и корме судна) и бортами почти везде равной вышины и без всякого подбора в соединении с днищем, с потупным образованием носа и кормы. Борта коломенки на протяжении примерно одной трети длины судна в середине идут совершенно параллельно, в остальных же двух третях к обеим оконечностям переходят в кривые, пересекаясь у штевней под острым углом. Вообще судно по внешнему виду очень напоминает простую берестяную табакерку. В источниках XVI века по размерам торговых пошлин коломенка приравнивается к стругам. Вероятнее всего, волжские казаки строили не неуклюжие коломенки, а более привычные им струги. В фундаментальной работе «Волга и волжское судоходство» известный русский исследователь И.А. Шубин так определяет это понятие: «Сделанные из гладких выструганных досок, плоскодонные и первое время небольшие грузовые суда, свободно скользившие по волнам – «стругам», плававшие по мелким речкам – «стругам» и легко проходившие отмели – «заструги», естественно, этими именно чертами и обращали на себя наибольшее внимание, отличались от других судов своего времени и получили название стругов». История их прослеживается на протяжении многих веков, что даёт право говорить о высоких мореходных и эксплуатационных качествах.

Есть основание думать, что волжские казаки строили именно струги. Такое судно имеет простейшую конструкцию и представляет собой большую лодку. Да у Ермаковой дружины и не было времени и особой необходимости для строительства более серьёзных посудин. Для военного похода необходимы были суда вместительные и манёвренные. Из предания следует, что строили лодки на пологом берегу, с которого их удобно спускать на воду. К тому же для закладки стапеля (наклонный помост на верфях для постройки судов и спуска их на воду) необходима ровная площадка.

В летописях постройка лодок описана одной фразой, а на самом деле это процесс сложный и долгий. Прежде всего был необходим пригодный для судостроения лес: еловый, кедровый, хуже – если сосновый. Его следовало спилить, разделить на брёвна длиной 12–15 метров, очистить от сучьев и коры. Затем брёвна требовалось на себе (лошадей у Ермака не было) доставить к месту постройки. Там на специально сооружённых козлах плотники топорами и клиньями должны были распустить их на

«В летописях постройка лодок описана одной фразой, а на самом деле это процесс сложный и долгий. Прежде всего был необходим пригодный для судостроения лес: еловый, кедровый, хуже – если сосновый»

доски толщиной 25–30 мм, которые следовало обязательно обстрогать и выровнять по поверхности. Отсюда пошло название «струги».

На одно бревно, из которого получались четыре полноценных доски, мог уйти целый день. А на одну лодку их требовалось не менее 25. Одновременно следовало заготовить штевни (общее название конструкций в носовой и кормовой частях судна, к которым примыкает обшивка), шпангоуты (рёбра корпуса судна, служащие основой для обшивки) и кокоры (лесина с частью корня, образующая угольник, идёт на стройку судов). Заготовленный материал обязательно нужно было хорошо просушить, иначе герметичность новой лодки не обеспечить, и она будет нещадно протекать. Просохшие доски надо было окромить и прострогать, чтобы обеспечить плотность их прилегания. Затем наступал процесс непосредственного создания судна, которое строилось сверху днищем. Сначала на стапеле (наклонный помост на верфях для постройки судов и спуска их на воду) выставлялись штевни и шпангоуты, затем на них укладывалось днище, а потом крепились борта «внакрой». Делалось это ручным сверлением накроя насквозь и сшиванием древесными корнями. Потому эти суда назывались ещё и шитиками.

На этом длительный процесс не заканчивался: сначала швы тщательно конопатились, затем их смолили. Смоле давали просохнуть и впитаться, тогда лодку переворачивали. На одно судно требовалось не менее двух вёдер смолы, а на всю флотилию – около двухсот. Взять такое количество с собой от Строгановых Ермак не мог. Значит, им была организована смолокурня на месте. Но и это ещё не всё: лодку конопатили и смолили изнутри, устанавливали три пары уключин, три парных сидения для гребцов, ещё одно для вперёдсмотрящего и одно для рулевого. Для предохранения груза от воды на дно настилались решётки-рыбины. Дополнительно

Современных реконструкторов тоже волнуют образы прошлого.
Фото В. Ермаковой

для каждой лодки необходимы были шесть гребей (гребное весло), кормовое весло, черпак для воды и отпорный крюк. Вполне вероятно, что струги оснащались и мачтой с прямым парусом, ведь упоминается, что паруса у Ермака в запасе были. После спуска лодку оставляли на воде, чтобы швы набухли (вот для чего доски сушили), устраняли обнаруженные течи, и только потом она могла считаться готовой для плавания.

На постройку одной облегчённой коломенки у казаков должно было уйти не менее месяца. Если допустить, что постройка восьмидесяти лодок шла параллельно, то для всей флотилии потребовалось бы около года. Именно этот отрезок времени некоторые исследователи теряют из вида при исчислении даты похода Ермака. В половодье следующей весны плавание по мелким речкам стало возможно примерно в конце мая. Ермак покинул начинающий мелеть Тагил и отправился вниз по Туре. 288 километров до устья Тагила флотилия тяжело груженных лодок на медленном течении, даже если «на гребях» сидели три пары гребцов, менявшихся каждые два часа, должна была пройти дней за десять. Караван лодок с дистанцией 30–40 метров (а на воде это мало) должен был растянуться километра на два-три. Чтобы всем причалить на ночь, с интервалом между лодками на стоянке 5 метров (диктуется длиной гребей), необходимо было около 600 метров пологого берега. Скорость течения на Туре в летнее время не превышает четырёх километров в час. Скорость груженого гребного судна по течению может составлять около восьми километров в час при усиленной гребле. Опыт показывает, что за световой день, без остановки на обед, караван гребных судов способен преодолеть около 40 километров. Значительные затраты времени приходится на разведку, промысел продуктов питания, взаимодействие с местным населением, приготовление и приём пищи, оборудование места ночлега, отдых. Но даже с учётом этого караван судов Ермака должен был достичь развалин города Чинги-Тура не позже конца июля.

Из летописей нам известно, что за исключением небольшого боя за Епанчин городок на всём пути Ермак не встретил никакого сопротивления. Прибрежные селения сдавались без боя. Не стала исключением и Чинги-Тура, бывшая столица царства Тюмень Великая. Ко времени прихода Ермака она почти опустела и не представляла никакого интереса ни в торговом, ни в стратегическом плане, а для базирования флотилии была совершенно непригодна. Только тот, кто никогда не сплавливался по реке на весельной лодке, может предположить, что флотилия из 80 судов пристала к крутояру, не имеющему пологого спуска к воде. Быстрое привальное течение под этим берегом должно было или сносить, или, если они крепко зачалены носовой частью, прижимать лодки к берегу бортом и кренить. И то и другое делало их разгрузку очень неудобной.

А теперь представьте, что своё имущество казаки должны были поднимать на собственных плечах на крутой и нести ещё километр к нынешнему Цареву городищу, тогда – развалинам городка Чинги-Тура. Оставить имущество на зиму в лодках, означало подарить его местным жителям, которые обязательно воспользовались бы беспечностью пришельцев. И сами лодки, оставленные под крутояром, весенний ледоход превратил бы в щепки.

Теперь о Чинги-Туре... Для казаков она представляла не убежище, а ловушку. Даже если предположить, что в ней нашлось достаточно помещений, чтобы обеспечить зимовку полуторатысячного войска, других необходимых условий здесь не было. Эти условия – дрова для обогрева и приготовления пищи и вода. Лес вокруг городка был давно вырублен местными жителями, а территория распахана. Лошадей и саней для подвоза дров издалека у казаков не было. Между тем их требовалось много – не только для обогрева, но и для сторожевых костров. Если предположить, что казаки использовали для зимовки оставленные татарами жилища, следует вспомнить, что же собой представляли зимние юрты.

Обычно это были постройки из круглого леса, иногда наполовину заглублённые в землю, которые отапливались по-чёрному открытыми очагами, а дым от них выходил через отверстие в крыше и узенькие оконца под ней. В некоторых жилищах могли быть глиняные чурбалы (пристенные или отдельно стоящие очаги с открытым топочным отверстием и прямым дымоходом), которые энергоэффективностью от костров-очагов на земляном полу мало отличались. Как только огонь затухал, тепло улетучивалось. Единственным способом пережить холодную ночь для обитателей юрты было плотнее прижаться друг к другу. От стены к стене

**Вот таких хорошо
экипированных по
меркам середины
XVI в. ребят можно
встречать
на тобольских
праздниках.**
Фото В. Ермаковой

устраивались нары, покрытые сеном, мхом и звериными шкурами. А на них вповалку, спина к спине, спали обитатели. На каждого приходилось около трёх метров площади юрты. Сама же юрта вряд ли превышала по площади 50 квадратных метров. Приблизительно считаем: на обогрев в течение зимы одного такого дома, способного принять на ночлег полтора десятка казаков, требовалось 10-15 кубометров дров. Чтобы разместить на зиму всё войско, требовалось сто домов и тысяча кубометров дров. А ещё нужна была пекарня для выпечки хлеба, часовня для молитв и, конечно же, баня. Чтобы обслужить всех людей, баня должна была дымить ежедневно и безостановочно. А источником воды могла служить только река Тюменка, к которой летом можно было спуститься по невероятно крутой тропинке, но зимой, да ещё и с ведром воды, подняться по обледеневшему склону почти невозможно. Ежедневно войску требовалось не менее тысячи вёдер. Скромная по размерам не была способна обеспечить полноценную зимовку казачьего войска. К тому же, если бы неприятель обложил казаков за стенами, для них она стала бы западней. Следует также принять во внимание, что к моменту достижения города казаки не имели достаточных для зимовки продовольственных запасов. Взятые у Строганова подошли к концу, снабжать отряд на пустынных берегах некому, а самим промышлять было некогда – всё время ушло на постройку стругов. Тура же здесь изобилием рыбы не баловала и для ловли неводом была неудобна.

Другой проблемой являлось зимнее хранение лодок. На зиму их полагается вытаскивать на сушу и переворачивать кверху дном, чтобы не гнили, не рассыхались и ждали весеннего ремонта. Сделать это можно было только на противоположном от городка пологом берегу реки. Но тогда пришлось бы решать вопрос их постоянной охраны и строить жилище для усиленного караула. Ведь сумеи аборигены уничтожить лодки, для казаков настанут непреодолимые трудности. Новых они не построят из-за отсутствия поблизости подходящего леса.

Вероятно, Ермак, будучи опытным атаманом, оценил все эти обстоятельства и не принял решения об остановке на зимовку. Какая может быть зимовка, если плыли на стругах казаки не так уж и долго? Лето в самом разгаре, впереди ещё три месяца до ледостава, за это время можно найти лучшее место, решить продовольственную проблему и выполнить главную задачу – вернуть Сибирское царство «под руку Москвы». И, видимо, правы Строгановская и Есиповская летописи, которые сообщают, что дружина не задержалась в Чинги-Туре и сразу же проследовала дальше. Бездействие и медлительность были не в характере волжского атамана. И в начале августа 1582 года казачья дружина покинула место, на котором в 1586 году русские люди возведут град Тюмень.

А теперь вернёмся к вероятному вопросу о том, был ли атаман Ермак на территории нынешней Тюмени, стоял ли он на том высоком мысу, где тюменские казаки поставили ему памятный крест. Ответить можно только утвердительно. Чтобы принять решение, атаман должен был оценить все обстоятельства и осмотреть местность, что он, безусловно, и сделал. С Ермаком в Сибирь пришли новые социальные и экономические отношения, ставшие основой её нынешнего расцвета. А для вогулов, хантов и сибирских татар атаман с татарским именем Ермак принёс освобождение от засилья чужеродного хана, кочевого узбека Кучума и его мурз. Сибирские татары чтили героя Ермака как святого. После его похода они не потеряли ни земель, ни угодий, сохранили своих родовых старшин и веру, но зато приобрели статус сибирских казаков со всеми их свободами и вольностями. И верно служили московскому государству без единого возмущения и выступления.

А крест на месте высадки Ермака не что иное, как навигационный знак, какие всегда устанавливали русские землепроходцы на открытых ими диких берегах. Похожие навигационные знаки до сих пор стоят вдоль Туры на каждом перекате. Тем не менее краткая стоянка Ермака возле Чинги-Туры, бывшей столицы Тюменского ханства, не прошла бесследно для города. На этом месте поселился один из Ермаковых казаков, который женился на местной девице и завёл хозяйство. А.И. Оборкин в исследовании «Сибирское казачье войско» сообщал:

Именно здесь, на пологом берегу Туры, автор предлагает поставить памятник Ермаку – не завоевателю, а носителю технологий и родоначальнику сибирского судостроения.

Фото В. Ермаковой

ет: «В первой четверти XVII века в городе Тюмени служили участники Сибирского похода атамана Ермака Тимофеевича: пеший казак Ивашка Захаров, сын которого М.И. Захаров исправлял должность тюменского городничего (15 ст. 38, 18, стр. 71). А также: книги дозорные Тюменскому городу и посаду, письма к дозору письменного головы Никиты Наумова да подьячего Третьяка Васильева (1624 г., Тюмень в XVII в.). И ещё: Н.И. Никитин «Соратники Ермака после Сибирского взятия. Проблемы истории России». Сб. научных трудов. Выпуск 4, Екатеринбург, 2021».

В этой связи хотелось бы добавить несколько слов о недавнем конкурсе на памятник основателям Тюмени. Из представленных вариантов не нашлось ни одного, который бы отразил истинную глубину и значение освоения Сибири. В результате тогдашний глава администрации города проявил настоящую мудрость, приостановив конкурс. Что касается Ермака, памятник ему как носителю новых технологий и родоначальнику сибирского судостроения поставить в городе следует. Но на нём атаман должен быть изображён в обычной казачьей одежде или армяке, с плотницким топором и кормовым рулевым веслом в руках. И самое правильное для него место – на противоположном от набережной берегу, возле Вознесенско-Георгиевской церкви на улице Береговой. Там, где когда-то временно останавливалась его флотилия. Таким образом, память атамана в Тюмени будет увековечена, ведь улица Ермака на Мысу носит имя не атамана, а ледокола.

Близкая глубокая история

Масштабная реконструкция улицы Ленина, начавшаяся в 2023 году, сегодня добралась до пересечения с другой артерией тюменского центра – улицей Первомайской. И поскольку обе они лежат в исторических кварталах города, почти одновременно со строителями в границах запланированных работ появилась команда археологов.

превышающей сто квадратных метров по соседству со зданием, которое горожане привычно называют Дворцом пионеров. Там мог бы сохраниться культурный слой конца XIX века и ближе к сегодняшнему дню, но активные строительные работы, десятилетиями преобразовавшие центр города, привели к его разрушению. Вот и у нас не обошлось без казусов: в самом начале сезона мы обнаружили в земле хорошо сохранившиеся брёвна. Обрадовались, решив, что это фрагменты срубов, и они дадут интересные сведения об этапах тюменской застройки. А когда с большим трудом их извлекли и очистили от грязи, оказалось, что это фонарные столбы примерно 50-60-х годов XX века. Видимо, заменив их, коммунальщики не потрудились вывезти старые стойки на свалку, а просто закопали в землю...

– Но и удачные находки у вас нынче были?

– Конечно! Мы собрали всевозможные образцы гончарной посуды: крынки, банки, горшки, сковородки, корчаги – большие сосуды с широким горлышком, использовавшиеся для хранения различных продуктов. Эти находки подкрепили наблюдения, сделанные другими тюменскими археологами, работавшими в черте города – Валентиной Ивановной Семёновой и четой Матвеевых. Изделия тюменских гончаров отличались нарядностью и орнаментированностью по сравнению, например, с произведёнными в Тобольске. В главный губернский город ещё в XVIII веке начали завозить много импорта – стекла, фаянса, фарфора... Даже удивительной красоты китайские сервизы не считались у тоболяков редкостью. Со временем там стало развиваться своё стекольное производство... Тюмень же от Сибирского тракта находилась немного в стороне, и до определённого момента такого притока заграничных товаров у нас не наблюдалось. Но тюменцам тоже хотелось украсить и разнообразить домашний быт, так что гончары на этот запрос отвечали своими предло-

Улица Ленина берёт начало от берега Туры, то есть примерно с того места, где четыре с половиной века назад был заложен первый русский город Сибири – это делает её особенно перспективной для археологических исследований. При этом, мне кажется, раньше так обстоятельно и углублённо (во всех смыслах слова) никто этот район не изучал. Не случайно раскопки, которые велись здесь три последних года, всё больше и больше возбуждали любопытство тюменцев, их желание узнать, что же скрыто там, внизу – под слоем грунта и элементами современного благоустройства?

Сбор материалов наконец-то окончен, впереди долгий период их систематизации и изучения. Так чего всё-таки больше Тюменская земля приготовила учёным – новых загадок или ответов на давно волновавшие их вопросы? Спрашиваю об этом старшего научного сотрудника ИПОС ТюмНЦ СО РАН Светлану Ивановну Цембалюк, осуществлявшую общее руководство археологическими работами в исторической части Тюмени:

– Светлана Ивановна, нынешним летом археологов на улице Ленина практически не было видно. Сезон раскопок в городе оказался коротким?

– Да, в этом году мы работали с апреля до начала мая. Строители подняли асфальт на площади, чуть

Начало ремонтных работ в центре города позволило археологам провести изыскания.

Фото О. Аношко

**Светлана
Цембалюк,**
старший научный
сотрудник ИПОС
ТюмНЦ СО РАН.
Фото из архива
С. Цембалюк.
Автор неизвестен

жениями. Было собрано и множество железных предметов: подковы, монетки, целая коллекция гвоздей – от огромных рельсовых, до изящных мебельных. Главное, что нынче мы сумели подтвердить предположение о том, что XVIII век тюменской истории остался за границами улицы Кирова, а от неё в направлении улицы Челюскинцев начинается XIX век.

– Тогда не будем томить читателя и перейдём к рассказу о находках прошлого и позапрошлого сезонов. Ведь, судя по доходящим до нас слухам, они были гораздо масштабнее...

– Реконструкция улицы Ленина действительно позволила собрать обширный и важный материал. Согласно федеральному законодательству, перед началом хозяйственных работ застройщику надлежит заказать проведение государственной историко-культурной экспертизы. Им выступала компания «Мостострой-11», которая ответственно отнеслась к своим обязанностям. Строители откликались на все наши просьбы, своевременно проводили расчистку, вывозили с места раскопок отработанный грунт. Но я бы хотела обратить особое внимание вот на какой момент: несмотря на то, что учёные имели достаточно точное представление о месте, где находились первый острог города и примыкающий к нему посад, наш исторический центр до сих пор не был включён в перечень выявленных объектов культурного наследия Тюменской области. Чтобы поставить его под юридическую охрану, надо было провести разведочные работы, которые мы и начали в 2023 году.

– Исследуя незастроенные территории, археолог обычно опирается на космоснимки, топо-

графические данные, да и сама местность нередко даёт ему подсказки... А как ведётся разведка в городской черте?

– Тема интересная, хотя бы потому, что ландшафт тоже не всегда нам помогает. Иной раз смотришь и думаешь: так бы тут и жил – бугорок зелёный, речка рядом... А начинаешь шурфить и понимаешь: место-то пустое. Зато в заболоченной низине вскрываешь слой за слоем, и оказывается, что люди здесь селились с каменного века до Средневековья. Чем это объяснить? Тем, что с течением времени менялся климат, русла рек и род людских занятий. Угодья, которые нравились охотникам и рыболовам, не годились для скотоводов и земледельцев. Но вы правы: в городских условиях археологическая разведка носит совершенно другой характер. Мы много работали с архивами, изучали карты Семёна Ремезова, путешественников Миллера и Палласа, труды Виктора Кочедамова – архитектора и учёного, признанного знатока истории градостроительства Сибири. Эти сведения позволили наметить границы культурного слоя и заложить по ним шурфы. Догадки подтвердились: в 2023 году был открыт археологический памятник «Культурный слой города Тюмени (ранняя застройка)», датируемый концом XVI – началом XX века, с границами от музея Городская Дума по Ленина до Красина, плюс по Перекопской до речки Тюменки и от улицы Красина до Урицкого.

– Хочется услышать подробности!

– Первый же сезон принёс удачу: нам удалось обнаружить остатки самой ранней сторожевой стены города – типичный частокол с помостом для наблюдения и обороны. Когда-то часть берега, где стояла эта стена, обвалилась и ушла в реку, да и город в этих кварталах неоднократно перестраивался, так что шансы отыскать настолько древнее сооружение были минимальны. Мы отправили часть материалов в Красноярск, в крупнейшую дендрохронологическую лабораторию, специализирующуюся по Западной Сибири – её заключение позволит точно датировать находку. А за сторожевой стеной сохранилось посадское кладбище примерно конца

**Погружаться в
прошлое – только
с хорошим
настроением.**
Фото С. Цембалюк

Вот такая богато
орнаментированная
посуда стояла
когда-то на столах
у тюменцев.
Фото из архива
С. Цембалюк

XVII - начала XVIII веков, о котором в исторических документах нет никаких упоминаний. Вот уж, действительно, где возникал вопрос за вопросом!

Начнём с того, что русский погребальный обряд хорошо изучен, а мы нашли ряд захоронений без нательных крестов и особой обуви, которую было принято надевать на умерших. Встречались парные захоронения: женщина с младенцем - очевидно, не перенёвшие тяжёлых родов... Ещё одна женщина с ребёнком не старше года - опять же грустная история, подробностей которой никто и никогда не узнает, можно только предположить, что они погибли во время эпидемии.

Неожиданностью стали найденные на православном кладбище могилы шведки и татарочки - этот вывод нам помог сделать известный антрополог Константин Николаевич Солодовников. Он же составил заключение о том, что большинство людей, которые здесь лежат, - типичные представители русского народа, пришедшие из-за Урала. И поскольку их черепа позволяют провести графическую реконструкцию по известной всему миру методике Герасимова, возможно, уже в следующем году тюменцы смогут увидеть лица первых жителей своего города.

- А что представляли собой дома, в которых жили наши далёкие предки - об этом вы сможете нам рассказать? Ведь каменного строительства здесь ещё не было...

- Первым каменным зданием Тюмени был Благовещенский собор начала XVIII века, выстроенный на берегу Туры недалеко от места сегодняшних

раскопок. К сожалению, он был уничтожен в 1932 году. Тем не менее, проводя работы там, где некогда стоял посад, мы смогли найти и обследовать остатки старых срубов. Тип строения оказался типичным пятистенком. При строительстве горожане применяли классические технологии «в чашу» и «в лапу», часто делали погреб и подполья, причём капитальные - многие были обложены горбылём или брёвнами. Но особенно интересным, несмотря на трудоёмкость процесса (попробуй-ка разбери старинную каменную кадку), оказалось исследование сохранившихся печных фрагментов. Печь - источник тепла, центр домашней жизни, и люди старались держаться к ней как можно ближе. Возле печек мы находили деньги и украшения, нательные кресты, пуговицы, застёжки кафтанов, остатки кожаных изделий. А ещё до середины XVIII века тюменцы строили довольно много землянок - если смотреть на современную городскую «географию», они встречаются примерно до улицы Кирова.

- Землянки в городе? Значит, людям в то время не хватало жилья?

- Есть гипотеза, объясняющая их наличие, и, судя по всему, верная. Дело в том, что деревянная Тюмень часто горела. Об этом свидетельствуют найденные нами слои угля и обгоревшей древесины, плотные, с красной почвенной каёмкой, которые остаются после сильнейших пожаров. А куда деваться семье, у которой сгорел дом? Только рыть землянку и жить там, пока город отстраивается. Сведения о пожарах встречаются в исторических документах, так что мы получили возможность проверить и подтвердить их примерную хронологию.

Ещё одна находка
в общую копилку.
Фото С. Цембалюк

- Ваш прошлогодний сезон тоже был «урожайным»?

- Да, в 2024 году мы отыскивали двойную острожную стену, постройка которой датируется второй четвертью XVII века. Опираясь на исторические данные (хотя они не всегда бывают точными), историки предполагали, что очередная линия обороны шла примерно там, где сейчас проходит улица Семакова. Теперь мы знаем, что она была построена гораздо ближе к мысовой части города, к современной улице Тургенева. Даже небольшой её фрагмент – свидетельство того, какой серьёзной конструкцией являлось это укрепление, называемое «тараса». Две деревянные стены с вертикально поставленными брёвнами диаметром 28–30 см шли параллельно друг другу. Для прочности вдоль столбов устраивались пазы с закладыванием туда досок или плах, а промежуток между стенами заполнялся составом из перемешанной с остатками древесины, коры, щепы и земли. Такую стену (техника строительства известна как «двойной заплот») невозможно было пробить из мушкета. Мы аккуратно разобрали её найденные части, небольшой образец взяли для дендрохронологической экспертизы, а всё прочее законсервировали и увезли в музей имени И.Я. Словцова. В нынешнем году надеялись найти остатки третьей острожной стены в районе улицы Челюскинцев, но безуспешно. Может быть, она полностью уничтожена позднейшими строительными работами, а, может, просто ждёт своего часа и откроется кому-то из наших коллег.

- А были находки, которые вас удивили?

- Очень любопытными оказались остатки, возможно, самого первого тюменского водопровода, проложенного во второй половине XIX века. Судя

Коллекция подков должна принести удачу тюменским учёным.

Фото из архива С. Цембалюк

Примерить старинный артефакт – отдельное удовольствие.

Фото С. Цембалюк

по историческим источникам, первый деревянный водопровод появился в Тюмени в 1864 году. На глубине трёх метров от современной поверхности мы обнаружили деревянную просмоленную трубу круглого сечения, идущую под наклоном от церкви Михаила Архангела в сторону лога. Бревно плохо сохранилось и было либо разделено пополам, а сердцевина вынута, либо расколото на несколько частей. Очень вероятно, что эти части соединялись металлическими скобами или обручами, которые в границы исследованной нами части канавы не попали. Скорее всего, этот водопровод был сооружён для снабжения водой строений церкви Михаила Архангела. Интересно будет узнать состав смолы, которой он пропитан – это даст нам дополнительные представления о технологиях того времени. Но, главное, подобные находки позволяют более или менее точно реконструировать быт местных жителей и даже говорить о том, что Тюмень была достаточно благоустроенным городом. Кстати, распространённые байки о жуткой тюменской грязи не подтверждаются документально. Наоборот, мы установили, что булыжником здесь мостили не только центральные, но и второстепенные улицы. Фрагменты булыжных тротуаров сохранились на улочках Тургенева и Семакова, правда, это довольно современная кладка. Специалисты ТюмГУ определили, что камень для неё доставлен с уральского месторождения, которое стало разрабатываться в сороковые годы XX века.

– Светлана Ивановна, вы работали в самом центре города, на виду у местных жителей. Тюменцы проявляли интерес к тому, что делают археологи?

– Да, прохожие постоянно останавливались и начинали нас расспрашивать, причём это были самые разные люди: и школьники, и студенты, и домохозяйки, и водители, и врачи. Многих интересовало: где и когда можно будет увидеть наши находки? А булыжный тротуар вызвал настоящий ажиотаж: дамы просили разрешения пройти по нему на каблучках, на шпильках. Потом признавались, что было не очень удобно, но всё же предпочтительнее, чем идти в красивой обуви по жидкой грязи. И ещё добавлю несколько слов в защиту тюменского благоустройства: на отрезке между музеем «Городская Дума» и зданием военкомата мы нашли фрагмент ливневой канализации, составленной из досок, укрепленных деревянными столбиками. Построена она была примерно в 1825–27 годах – как раз в то время жители Тюмени надеялись на визит императора Николая I, к сожалению, так и не состоявшийся, и тщательно к нему готовились. Эти находки помогли нам сделать вывод о том, что в городе, выстроенном в болотистой местности, с грязью боролись всеми силами. Даже многоуровневые мостовые, какими славился Великий Новгород, у нас тоже прокладывались.

– А сколько человек трудилось в раскопах и были ли у вас помощники из горожан?

– Конечно, помощь нам требовалась, ведь объём работы был очень серьёзным. В 2023 году мы через соцсети пригласили желающих поучаствовать в предстоящих раскопках. Брали, естественно, не всех подряд, старались проверять, не связаны ли наши кандидаты с «чёрными копателями». Часть помощников отсеялась сама, убедившись, какой это тяжёлый труд: восемь часов стоять «на лопате» и в жару, и в дождь. Процесс археологического поиска идёт медленно: слой, который мы вскрываем, не превышает десяти сантиметров. Он тщательно зачищается, все находки фиксируются, и так до глубины двух, а иногда и более метров. Не у всех хватало на это сил и терпения – к нам просились ребята, которые думали, что их ждут приключения в стиле Индианы Джонса, кстати, типичного представителя «чёрной археологии». Повозившись день-другой, они понимали, что их ожидания не оправдываются. Но были и те, кто оставался – подработать во время отпуска или просто помочь нам в качестве волонтеров, потому что им самим это интересно. За первый сезон сформировалась замечательная команда наших друзей-тюменцев, подключающаяся к раскопкам и в следующие годы. Были периоды, когда на четырёх раскопах трудились одновременно 60–80 человек.

– Вопрос-шутка: если Индиана Джонс – «чёрный археолог», то с кем бы вы сравнили археолога настоящего, ответственного, преданного своему делу?

– С детективом, который по крупинкам ищет истину, опираясь на дедукцию. Только так – неторо-

пливо, шаг за шагом, мы сможем более или менее точно реконструировать далёкое прошлое. К сожалению, большая проблема нашего города состоит в том, что здесь нет специалистов, которые целенаправленно, комплексно изучали бы его историю. Тобольску в этом смысле повезло гораздо больше... Да, у нас сложился круг увлечённых краеведов, но каждый из них занимается одним или несколькими узкими направлениями. Археолог же должен работать в паре с профессиональным историком, имеющим достаточный объём знаний – в этом случае наша деятельность будет наиболее эффективна. Но определённая надежда у нас появилась – ТюмГУ недавно открыл магистратуру по специальности «Историческое регионоведение».

– Светлана Ивановна, завершая нашу беседу, задам тот же самый вопрос, который, как я поняла, задавали многие тюменцы: где и когда можно будет увидеть ваши находки и подробно почитать о сделанных вами открытиях?

– Я уже упоминала о том, что в нашей работе началась лабораторная фаза: разбор, мойка, шлифовка собранных артефактов, их анализ на основании данных естественных наук. Этот титанический труд требует специалистов различного профиля, и пройдёт ещё немало времени, прежде чем мы сможем поделиться окончательными выводами. Кстати, я хочу воспользоваться случаем, чтобы поблагодарить студентов Тюменского института культуры, которые помогают нам обрабатывать полевой материал. Но первый подарок жителям и гостям города уже готовится. На пересечении улиц Ленина и Семакова будет открыто выставочное пространство с подсветкой: «Окно в историю». Над фрагментом булыжной мостовой появится стекло, под которым планируется разместить обнаруженные нами предметы быта: ухват, утюг, горшки, монеты, гвозди... Любый желающий сможет туда заглянуть и почувствовать, как на самом деле близка к нам наша далёкая история.

Идёт выборка культурного слоя.
Фото Е. Огневой

«... Возле мельницы Текутьева»

В этом году одному из главных тюменских культурно-исторических памятников – Текутьевскому кладбищу – исполнилось 140 лет. Его история началась в июне 1885 года, когда крестьяне деревни Букинской Богандинской волости уступили часть своих земель Тюменской городской управе за арендную плату. Отправной точкой послужили решения городской Думы от 6 (по новому стилю – 18) и 18 (30) июля. Изначально кладбище предназначалось для упокоения прихожан Благовещенской, Знаменской, Ильинской, Михаило-Архангельской, Спасской и Успенской церквей.

Исходя из названия кладбища можно подумать, что знаменитый тюменский купец и городской голова был каким-то образом причастен к его созданию, однако это не так. Да и Текутьевским оно стало не сразу.

Краевед Сергей Кубочкин поясняет: «Под кладбище было отведено место, соседствующее с участком земли, принадлежащим Текутьеву, и находящейся на этом участке его мельницей. Кладбище сначала называлось «новое», затем в архивных документах начала XX века оно стало упоминаться как «кладбище возле мельницы Текутьева». Позже в документах оно фигурировало как «так называемое Текутьевское кладбище», и, наконец, его стали называть коротко и ясно: Текутьевское.

В 1913 году кладбище оказалось переполнено захоронениями, и городским властям пришлось вновь вступать в переговоры с крестьянами-арендодателями, которые продлились около двух лет. Но в итоге крестьяне пошли навстречу, и площадь некрополя увеличилась почти вдвое – с 10 до 18 гектаров.

В 1937–1938 годах юго-восточная часть Текутьевского кладбища стала местом захоронения жертв политических репрессий (на этом месте сейчас стоит памятный знак). А в годы Великой Отечественной войны здесь проводжали в последний путь советских военных, умерших от ран в тюменских госпиталях, а также пленных немецких солдат и офицеров, попавших в Сибирь после разгрома армии Паулюса под Сталинградом.

Ничто не может рассказать об истории города лучше, чем его кладбища, считают участники краеведческого проекта «Мы жили», поставившие своей целью изучение самого известного из городских некрополей. За семь лет краоведам-энтузиастам Владе Нерадовской, Дарье Новиковой, Наталье Сирюшовой и Максиму Орлову удалось сделать немало: установить имена нескольких тысяч похороненных на Текутьевском кладбище тюменцев (буквально с нуля, ибо все архивы были утрачены в девяностых), издать путеводитель с описанием исторических надгробий и разработать ряд интереснейших экскурсионных маршрутов. Экскурсии по некрополю для всех желающих регулярно проводит Влада Нерадовская.

– Судьбы людей, которые похоронены в этом месте, неразрывно связаны с непростыми временами и большими потрясениями в

истории нашей страны, – говорит Влада. – И через их биографии мы можем многое узнать не только о прошлом Тюмени...

Мы подходим к большой каменной плите, на боках которой выгравированы надписи с дореволюционными «ятами». Эта плита была установлена на могиле семилетнего мальчика Антонина Ширкалова. В начале XX века многие из болезней, с которыми легко справляется современная медицина, оказывались фатальными. В том числе и скарлатина, от которой в 1906 году умер маленький Тося, как называли его родители. Детских захоронений того периода на Текутьевском кладбище немало, но надгробие Антонина представляет интерес своей эпитафией. Как правило, надписи на памятниках некрополя достаточно стандартны и немногословны. Здесь же можно прочесть целое стихотворение: «Спи, дитя наше родное, ангел милый, дорогой. Теперь одно нам утешенье: придти поплакать над тобой. Близок ты теперь к престолу Всевышнего Творца. Помолись за маму Богу, вспомни и отца». Судя по несовершенству строф и стихотворного размера, авторами этих строк были сами безутешные родители.

На стоящей неподалёку высокой стеле, увенчанной крестом, можно прочесть известную каждому жителю Тюмени фамилию – Машаров. Хотя здесь похоронен не сам знаменитый заводчик, а его брат Яков Дмитриевич, согласно записи в метрической книге Пророко-Ильинской церкви «утопившийся по неосторожности в реке Туре» 2 октября 1906 года в возрасте 38 лет. Здесь же погребены родители братьев – Дмитрий Епифанович Машаров, крестьянин Екатеринбургского уезда Шайтанской волости, скончавшийся в возрасте 65 лет 13 января 1906 года и мать, ненадолго пережившая супруга и умершая 25 мая 1907 года. Их имена нанесены на других гранях обелиска.

Рядом, под чугунным надгробием с изображением ангелов, лежат дети Николая Дмитриевича Машарова – Вася и Шура, умершие в раннем возрасте. А вот захоронения его родного дяди Виссариона Епифановича Машарова и жены другого дяди – Акулины Николаевны Машаровой, к сожалению, утрачены.

Влада заостряет внимание на том, что крест, венчающий памятник, выглядит чужеродно и «новодельно». Дело в том, что после Октябрьской революции кресты на кладбищенских памятниках были сбиты, и в постсоветское время пришлось восста-

навливать их заново, но даже это не самый печальный случай. К сожалению, многие надгробия не дожили целыми до настоящего времени. Например, верхняя часть обелиска на могиле скончавшегося в 1892 году инженера-технолога Николая Яковлевича Андреева лежит на земле возле его основания.

– Хочется, чтобы части памятника воссоединились, но, хотя и очевидно, что перед нами фрагменты единого целого, подтвердить это должна культурно-историческая экспертиза, – комментирует Влада. – И всё же будем надеяться, что однажды мы увидим обелиск на могиле Николая Андреева в первоизданном виде.

На краю кладбища, рядом с оградой, замечаем массивную, занесённую палой листвой надгробную плиту с надписью: «Степан Фёдорович Загриняев. 1905-1943». Известно, что здесь похоронен бывший председатель Тюменского городского Совета депутатов трудящихся. По современным меркам – мэр города. Прямо скажем, не самая спокойная в годы войны должность. Именно он организовывал приём и размещение ленинградских архивов, крымских музейных фондов и главной реликвии Советского государства – саркофага с телом вождя мирового пролетариата, перевезённым из московского мавзолея в Тюмень. А самое главное – курировал эвакуацию с территорий промышленных предприятий и переориентацию на оборонные нужды местных заводов и фабрик. Может быть, этот непосильный груз и подорвал здоровье председателя – Степан Фёдорович умер, не дожив до сорока лет.

Любопытная деталь – памятник деятелю советского времени сделан из фрагментов дореволюционных надгробий. Видимо, сказался недостаток материалов в военные годы. Кстати, подобные памятники можно встретить на петербургских кладбищах – они тоже относятся к военным временам, в том числе к периоду Блокады Ленинграда.

В нескольких десятках метрах от места захоронения Степана Загриняева надгробие ещё одного тюменского мэра, но другой исторической эпохи – дореволюционной. Могила Петра Ивановича Матягина – единственная на Текутьевском кладбище, сохранившая аутентичный надгробный крест – видимо, он оказался слишком массивным и тяжёлым, и ревнители новой, политической религии просто поленились его извлекать.

Пётр Иванович занимал должность городского головы с 1885 по 1888 год, был гласным городской Думы, церковным старостой церкви Тюремного замка, председателем попечительского совета Владимирского сиропитательного заведения. При его участии был построен городской водопровод. Рядом с Матягиным, скончавшимся 30 января 1905 года («в 2 часа дня» – скрупулёзно уточняет надпись) покоится его жена Анна Ильинична, умершая пятнадцатью годами раньше, в сентябре 1890-го, после очередных родов. У супругов было 11 детей.

На экскурсионном маршруте ещё множество подобных памятников. С каждым связаны свои интересные истории, в которых, как в кусочках зеркала, отражается многогранная история Тюмени. А другие ещё ждут своего изучения и своих исследователей. Участники проекта «Мы жили» продолжают поисковую работу и наверняка впереди у них немало удивительных открытий.

К середине прошлого века Текутьевское кладбище, до сей поры находящееся на окраине Тюмени, неожиданно оказалось в центре бурно растущего и расширяющегося города. В 1960 году его территорию уменьшили до 11,2 гектара. А в апреле 1962 года, по решению исполкома Тюменского городского совета, захоронения на Текутьевском кладбище были прекращены, и спу-

стя некоторое время пришло в запустение.

В семидесятых оно слыло довольно жутким местом. И вовсе не из-за суеверий. Тот, кто по случайности или по недомыслию забредал сюда, рисковал быть ограбленным и в лучшем случае избитым. В городе свирепствовала подростковая банда, которую боялись даже взрослые, а Текутьевское кладбище было для этой шайки чем-то вроде штаб-квартиры. Терпение тюменцев лопнуло после убийства девушки. Преступление получило большой общественный резонанс и наделало много шума. На его раскрытие были брошены все силы правоохранительных органов. И, разумеется, поимка головорезов стала лишь делом времени.

Впоследствии территорию Текутьевского кладбища урезали ещё несколько раз: под строительство и обустройство различных городских объектов – ДК «Геолог», улицы Малыгина и других. Самый большой урон кладбищу был нанесён в 1986 году, когда к 400-летию Тюмени проводилась реконструкция улицы Республики. Границу некрополя отодвинули на 50 метров, часть захоронений перенесли (если находились родственники усопших), а остальные сравняли для обустройства будущего Текутьевского бульвара. Кстати, под бульваром оказалась могила одного из известных тюменцев – главного архитектора города, автора нескольких архитектурных памятников Константина Чакина. В результате территория некрополя уменьшилась до 5 гектаров.

И только в 1994 году Текутьевское кладбище постановлением городской администрации было признано памятником истории местного значения и взято под охрану. В 2005 году категория была изменена на объект культурного наследия в статусе «исторический некрополь».

– Текутьевское кладбище – официально признанный памятник истории, и оно могло бы стать большим городским музеем под открытым небом, – считает Влада Нерадовская. – К сожалению, на сегодняшний момент его вид и состояние не соответствуют подобному статусу.

Памятник
А.И. Текутьеву.
Фото
В. Ермаковой

«Провидение ведёт вас...»

В наш стремительный век личность одного из первых историографов Сибири – Петра Словцова – вряд ли известна широкому кругу читателей, хотя в свободном доступе можно без труда найти сведения об основных вехах его жизни.

Сибирский Карамзин – Пётр Словцов

Пётр Андреевич Словцов родился в 1767 году на Урале в семье священника. Благодаря выдающимся способностям учился в Тобольской духовной семинарии, откуда был направлен в Санкт-Петербургскую Александро-Невскую духовную академию. Там подружился с однокурсником Михаилом Сперанским – в дальнейшем их пути разошлись, хотя, как явствуют документальные свидетельства, связь между ними не прервалась.

После академии Пётр Словцов вернулся в родную Тобольскую семинарию, где преподавал философию и риторику. В ноябре 1793 года ему было поручено выступить в Тобольском кафедральном Софийско-Успенском соборе с проповедью в честь бракосочетания наследника престола великого князя Александра Павловича с принцессой Елизаветой

Алексеевной. Событие это произошло в Санкт-Петербурге ещё 28 сентября, но до Сибири известие о нём докатилось позже. Произнесённую Словцовым проповедь сочли едва ли не антимонархической. Текст её сохранился до наших дней, и сегодня каждый может при желании с ней ознакомиться. Тогда же начальство доложило по инстанциям, и автора увезли в столицу для выяснения произошедшего. Протоколы дела до нас не дошли или пока не выявлены. Но известно, что «на исправление» наш проповедник был направлен на остров Валаам.

Там он пробыл около года, едва избежав участи быть постриженным в монахи, и, скорее всего, благодаря чьему-то высокому покровительству оказался вновь в Санкт-Петербурге, на гражданской службе в качестве экспедитора департамента Министерства коммерции. Благополучно пережил время царствования императора Павла, а в 1808 году ему было предъявлено обвинение о взяточничестве. Эти документы хранятся в архивах, но из них следует, что взятки как таковой не было, а просто по доносу Петра Словцова отстранили от должности. Не понизили в чине, тем более не приговорили к тюремному заключению, а направили в ставший ему почти родным Тобольск для определения в штат сибирского губернатора Ивана Борисовича Пестеля, отца будущего декабриста.

Город Тобольск.
Гравюра, 1783 г.

М.М. Сперанский

Портретов Михаила Михайловича Сперанского до наших дней дошло множество. А вот достоверных изображений Петра Андреевича Словцова не сохранилось. Зато художники и путешественники часто изображали город, в котором он жил долгие годы. Тобольск, почти такой, как на представленных гравюрах, наш герой мог видеть своими глазами.

После окончания своего губернаторства Иван Пестель вернулся в столицу, и Словцов поехал вместе с ним в административном обозе с прочими чиновниками. Но, преодолев полпути, вернулся в Сибирь и остался здесь до конца жизни. Успешно продвинулся по служебной лестнице, в отставку вышел в чине действительного статского советника (что приравнивалось к чину генерала в российской «Табели о рангах»). Смерть его застала в возрасте 76 лет 9 апреля 1843 года в Тобольске, где сибирский историограф и был похоронен.

Могила Петра Словцова находится у входа на Завальное кладбище и внешне ничем не примечательна в отличие от могил участников известного выступления на Сенатской площади. Их имена советская власть почитала и всячески лелеяла, а меж тем возможности оставить след в истории у этих людей были равные. Вот только в памяти народных масс мятеж декабристов запечатлелся крепче и ярче, нежели каждодневный труд исследователя.

Меня же заинтересовала судьба скромного сибирского историка, оказавшаяся чрезвычайно интересной и во многом загадочной. Обратившись в центральные архивы, я выяснил, что нам известна лишь малая часть его весьма непростой и порой противоречивой биографии. Хочу предложить вниманию читателей свою историческую новеллу, куда вошли авторские размышления, составленные на основе подлинных документов.

Тобольск, 1840 год. Дом инспектора тобольской гимназии Ивана Порфирьевича Помаскина, что рядом с Рождественской церковью. Зима. На втором этаже кирпичного особняка, возле полузамёрзшего окна, за огромным столом сидит закутанная в шубу фигура семидесятилетнего старика. В кабинете холодно до такой степени, что при дыхании идёт пар. Чернила за пером тянутся густо и не высыхают, а, скорее, замерзают на больших листах бумаги. Рядом с креслом стоит жаровня с углями, которые его слуга (со странным для здешних мест именем – Полиевкт) время от времени подкладывает, заимствуя из хозяйских печей.

Полвека мотается за ним Полиевкт по городам и весям Сибири, опекая и оберегая. Вот и недавно, усмотрев, что перо не держат старческие пальцы, заказал каретному мастеру стальное колечко с хитринкой: надевается на палец указательный, а сбоку выемка под перо. Теперь можно и вовсе не держать – как приклеено к пальцу пёрышко. Пётр Андреевич знает, что лет ему отмерено мало, но судьба не допустит, чтоб главный труд жизни – «Историческое обозрение Сибири» – остался незавершённым. Судьбе угодно, чтоб начатые дела завершались.

Через извивы морозных узоров проглядывает, сама как узор, соборная колокольня. Когда увозили его из Тобольска с курьером, не было её. Только огромная яма зияла жёлтой глиняной пастью. Вынули такую же глину, обожгли и слепили белую свечу, к Богу обращённую, сияющую пламенем золотого купола. Не так ли и люди: одни ямы в преисподнюю роют, другие – свечи каждодневным трудом своим ставят. И он чувствует себя свечой горящей, роняющей воск чернил на чистые листы. Голова который год горит жаром желаний. Жаль, лучшие годы разменял на перепрыгивание ям и колдобин жизни своей.

Прав был владыка Варлаам, говоривший: «Молодость, молодость... Она как зелёная брага: пены много, а ни вкуса, ни крепости нет пока. Выдержка нужна, терпение...» Пастырь его и наставник, провидец на многие лета угадал в кичившемся дипломатическом выпускнике столичной Александро-Невской академии, скорее, пиита, государственного мужа, но никак не келейного затворника, проводящего время за постом и молитвами. Воспротивился его прошению о постриге и определил срок: десять лет строгого послушания. Десять лет... Двух не прошло, как вышла та злосчастная проповедь. Проповедь? Скорее, воззвание, манифест, а не душеспасительное обращение к страждущим.

Петербургское учение не прошло даром. Северная столица бурлила и кипела новыми веяниями и ожиданием коль не революции, то иной крамолы типа радищевского «Путешествия...». Тот тоже провидцем оказался – напроорочил себе путешествие, только чуть дальше Москвы, аж до глухого, дальнего Илимска.

Новиков с «Трутнем». Иллюминаты, масоны, розенкрейцеры... Каждый со своей правдой и пророчицанием будущности России. Чего только не слушался он в свои двадцать лет! Везде успевал, во всё вникал и впитывал. Для чего, спрашивается? Чтоб потом здесь, в полусонном Тобольске, своё общество основать? Стать трибуном? Пророком? Стал? Пророков бьют камнями и распинают. Его же сослали на каменный остров Валаам.

- Сегодня по случаю бракосочетания великого князя Александра Павловича с принцессой Елизаветой будет произнесена благодарственная проповедь семинарии учителем Словоцовым Петром. Многие лета молодым...

...От клироса до кафедры Софийского собора двадцать с небольшим шагов. Двадцать шагов, чтобы решиться, какую проповедь говорить. Ту, что прочитана и подписана ректором, или обговорённую давно с друзьями при закрытых дверях в семинарской келье. Они ждут. Должны поддержать, выступить.

Но не видно знакомых лиц в толпе, тяжело дышащей под сводами древнего храма. Жёлтые огоньки свечей. Жёлтые лица. Отблески на пуговицах, эполетах, в тёмных зрачках, к нему обращённых. Заронятся ли в памяти слова? Вызовут ли ответ и действие? Не так ли и Христос обращался к сынам израилевым со словами разума, горящими и жгучими, как расплавленный свинец? Долог и труден путь пророков. Можно повернуть, остановиться, никто не осудит. Тебе самому всего двадцать пять. Примешь ли ты сам свою проповедь через десять лет?

«Тишина народная есть иногда молчание при нуждённое, продолжающееся дотоле, пока неудовольствия, постепенно раздражая общественное терпение, не прервут оного...»

Если не все сограждане в одних и тех же законах, если в руках одной части захвачены преимущества, отличия и удовольствия, а прочим оставлены труды и тяжесть законов или одни несчастья, то...

...там спокойствие, считающееся залогом всеобщего счастья, есть глубокий вздох народа после удара...

Правда, что спокойствие следует из повиновения, но от повиновения до согласия столько же расстояния, как от невольника до гражданина.

Что такое монархия? Это великие гробницы, замыкающие в себе несчастные стекающие трупы, а троны их - пышные надгробия! И народы в них несчастны и злополучны! Могущество монархии есть коварное орудие, которое истощает её... И самая величественная для неё эпоха всегда бывает роковой годиной!»

И пошёл прочь из храма меж расступившимися и опешившими людьми. Ни вскрика, ни вздоха. Тишина... Потом долгий и многотрудный разговор с владыкой. Сперва молчал. Лишь, вобрав голову в плечи,

впитывал слова-каменья. Владыка умел словом и поднять, и на четверть в землю вогнать. Наконец, ответил. Начал сам говорить... Владыка слушал.

- Одной веры мало, владыка Варлаам. Знания нужны народу, просвещение. Тёмен народ.

- Знания без веры - что земля без людей. Пусто и тоскливо.

- Европа просвещённой нас и...

- И королей своих на плаху повела со знанием, от Бога отвернувшись. К тому призываетесь?!

- Народ правды ждёт...

- В слове Христовом правда. Или скрывает кто её?

Так и ушёл от него, не согласившись с доводами старика. Но ведь благословил его владыка перед отправкой с курьером в столицу. Даже слезу уронил вослед. Надо бы службу заказать о поминовении души его. Помянуть молитвой и добрым словом. Много добра он в памяти людской оставил и дольше всех других архипастырей в Сибири прожил на архиерейской кафедре.

...А тогда, в молодые годы, зимняя дорога до Петербурга промелькнула, как один вздох. Ехал и не ведал, что станет. В крепости ли очутится или, как иных, в снега в ссылку пошлют... Когда привели к самому Шешковскому, да взглянул тот на него из-под бровей сросшихся мутными глазами, ох, тяжело было тот взгляд выдержать. Сказал бы кто ранее, что к главному палачу государеву на допрос попадёт, рассмеялся бы в лицо. А тут не до смеха, дрожь бы в ногах унять да в обморок не грохнуться под тем взглядом. И проповедь перед ним на столе. Слава Богу, что губернатор впопыхах не тот экземпляр взял для отправки. А может, и владыка подменил? Была бы та, что в храме читал, тогда бы не отвертеться. Заковали - и на этап... А так - на сырой и холодный Валаам. Но и такой благодати врагу не пожелаешь. Сырость и холод, и мысль червём могильным точит, что сослали «без срока, без срока...». Спасла неожиданная смерть императрицы. Бог помиловал? Новый император Павел Петрович освободил его в числе первых, вернул к жизни из каменного гроба. Справедливый император был, хоть и с чудинкой... Мало пожил, а то б многое изменил в государстве. Вот только к лучшему ли?

Тогда судьба вновь свела его с Мишелем Сперанским, с которым ещё в духовной академии дружбу водил. Даже едва не породнились: Марфушенька, сестричка младшая Мишеля, глаз с Петруши не сводила, когда он в гости на чай к ним заходил. Поговаривали об обручении. Матушке написал уже, благословила... Только, стало быть, неугодно Господу, чтоб их судьбы пересеклись и, соединившись, потекли по одному руслу. Остался один, словно утёс подле моря.

Тогда судьба вновь свела его с Мишелем Сперанским, с которым ещё в духовной академии дружбу водил. Даже едва не породнились: Марфушенька, сестричка младшая Мишеля, глаз с Петруши не сводила, когда он в гости на чай к ним заходил. Поговаривали об обручении. Матушке написал уже, благословила... Только, стало быть, неугодно Господу, чтоб их судьбы пересеклись и, соединившись, потекли по одному руслу. Остался один, словно утёс подле моря.

Тогда судьба вновь свела его с Мишелем Сперанским, с которым ещё в духовной академии дружбу водил. Даже едва не породнились: Марфушенька, сестричка младшая Мишеля, глаз с Петруши не сводила, когда он в гости на чай к ним заходил. Поговаривали об обручении. Матушке написал уже, благословила... Только, стало быть, неугодно Господу, чтоб их судьбы пересеклись и, соединившись, потекли по одному руслу. Остался один, словно утёс подле моря.

«Милая матушка! Спрашиваете Вы о свадьбе моей. Ничего определённого ответить Вам пока не могу. Представлялась вакансия на место сто-

«Ещё с холодного пера текут чернила,
Ещё кровь дружества при гробе не застыла!
Сижу в стенах, где нет полдневного луча,
Где тает вечная и тусклая свеча...

Пётр Словоцов

лональщика в департаменте, в коем должность свою исправляю до сей поры. Но вышло так, что место прошло мимо... или я мимо места. Человек, как известно, предполагает, а Бог располагает. А с моим скромным жалованием обрекать себя и невесту на более чем скромное существование никогда не решусь. Смею Вас заверить, что определённых гарантий своей избраннице я не выказывал, и потому она всегда вольна сделать свой выбор, как заблагорассудится ей.

В прошлом месяце справил себе новый сюртук и меховую шапку для выходов. Покорнейше благодарю за пересланные мне носки и шарф, Вами собственноручно вязанные. Желая всемерно здравствовать и беречь здоровье своё. Кланяйтесь всем знакомым нашим, и продлит Господь их светлые дни во блаженстве. При том Ваш сын Пётр»¹.

А каково было матушке ждать безутешно весточек от него, столь редких и малоутешительных! Сколько она, верно, молитв вознесла, чтоб послал Господь внучат ей на старости лет понанчить, повозиться с ними досыта. Не пришлось... И только начали дела по службе продвигаться до известной степени успешно, только из ведомства генерал-прокурора он был переведён в Министерство коммерции, как вдруг арест... Следствие...

Из доклада министра коммерции и внутренних дел Его Императорского Величества.

«Коллежский Советник Словцов и Надворный Советник Папин, по служению их в Департаменте Министра Коммерции, нарушили обязанности службы и начальническое к ним доверие, позволив себе принять денег: от Гедейштрома Папина 6 000 рублей, подарков на 700 рублей. Словцов же из того числа от Папина 2 000 рублей, в чём по заипрательству его уличён от Папина в присутствии Министров достаточными доказательствами.

Приняв во уважение на опытах известные таланты и способности Коллежского Советника Словцова и Надворного Советника Папина, прежде сего в подобных преступлениях и ни в каких пороках не замеченных, исключив из службы по Департаменту Министерства Коммерции, первого, по той пользе, которую служба от него получить может, велеть Ему явиться к Иркутскому Генерал-Губернатору для определения там на первооткрывшуюся вакансию или, по его усмотрению к делам особо Генерал-Губернатору порученным, возбранив при том ему, Словцову, выезд из того края.

Граф Николай Румянцев».

До самого государя дело дошло. Кому-то очень на руку случилось неимоверно раздутое происшествие. Приписали взятку, которую сроду не помыслил брать. В долг – да. Да ещё с процентами великими. И ведь кто-то прознал, разнюхал, донёс. Кому-то, верно, поперёк дороги стоял. И довели до государя, дабы от его имени ссылка шла. Выше его в России лишь Бог...

Что мог ответить оболганный человек светлейшему графу и самому императору? Покаяться? Но в чём? Принять приговор безмолвно тоже нельзя. Надо что-то ответить... Но перо в руке не держится, и рука не слушается, слёзы струятся на лист...

«Милостивый государь!

Простите, что не рад исполнению приказа Вашего Сиятельства. Пробуждение сегодняшнее было необыкновенное, едва мог я остановить слёзы невольные. Я остановил их, поелику в сорок лет может быть успею ещё в будущей жизни нарыдаться.

Так точно я говорил уже в воображении моем всё угрожающее и решился на всё, пишу и объясняюсь. Оговор мой называю ложью. Показания за Надворным Советником Папиным, сделанные им, утверждаю, потому что я получил от него две тысячи и сто рублей, а то деньги, данные в долг. Никогда и ни в чём не кривил я делом или совестью в делах службы, ни в уважении приязни, ни в уважении какого-либо одолжения или поступка... Правосудие законов для меня не страшно – правосудие совести страшнее. Она обвинила меня, и этого уже довольно. Я готов на всё и думаю, что Бог милосерден и даст мне силу без ропота выслушать определение обо мне.

Есть с совершенным почтением Вашего Сиятельства покорнейший слуга Пётр Словцов».

Последние строки, написанные в Санкт-Петербурге.

И с невских берегов – на иртышские. Прощай, Европа, прощайте, дворцы, милая сердцу Марфинька, любезный Михайла Михайлович, не поминайте лихом горемыку печального. Теперь прямая дорога в услужение к сибирскому генерал-губернатору Ивану Борисовичу Пестелю. Кто ж тогда ведал, что его сынка новый царь отличит через короткий срок высшей государственной наградой – тугой петлёй на шею.

Иван Борисович – душа-человек. Покряхтел, поморщился, да и взял с собой в канцелярию, словно документ ценный. Всё по закону, по службе. Добрались с Божией помощью до Новгорода. Оттуда, как горожане шутят, слышно, как петербургские собаки одна на другую гавкают. Вот и гавкнулось! Приспело навстречу обозу письмецо от Мишеньки Сперанского, которому о своём скором приезде решился сообщить. Как был он прежде словно угорь скользкий, таковым и остался. Дыму напустил, елею столько,

¹ Письмо П.А. Словцова к матери из Петербурга.

что и не разобрать, о чём писано. Одно понятно – не поможет!

«Письмо Ваше, любезный мой Пётр Андреевич, с известием о возврате Вашем сюда много меня обрадовало. Нельзя ещё теперь определить ни надежд Ваших, ни страхов, ибо всё с Вами случившееся не входит в обыкновенные человеческие расчёты. Ваш путь особый, и провидение ведёт Вас совершенно по-своему. С сей точки зрения Вы непрестанно должны смотреть на все происшествия Вашей жизни, ничего не ожидать положительного и на всё быть готовым. Михаил Сперанский. 18 января 1809 г.».

«Провидение ведёт вас...» – слабое утешение, но иного не было. Но иного не было. Хотя были другие письма, написанные ещё ранее, в Tobольск, но могут ли они прибавить сил, очистить сердце и душу от печалей, горестей и тревог? Письма хороши в радости, а в беде нужна помощь иная. Действенная. Но это и доказательство дружбы, и приятие участия в судьбе изгнанного со двора человека. Нет, всё ж таки милы сердцу эти высокопарные и риторические письма. Милы и приятны...

«Любезный Пётр Андреевич! Великая разность, друг мой, идти путём умозрения и путём действительного терпения. Мы умствуем, а тебе милосердное провидение назначило действовать. Будь же его орудием верным и не разногласным. Человек с той минуты приобщается точно истинно Сыну Божию, везде присутствующему и вседействующему, и разделяет честь Божества, когда он прилагается воле Божией покорностию своей воли...

Не удивитесь, что вместо петербургских новостей пишу вам вещи, мало к Петербургу принадлежащие. Сия беседа есть единственно для меня и для Вас интересная. Прочее всё пусть идёт как может: мы знаем, что как бы колесо не вертелось, а с оси провидения не спадёт и с пути своего не совертится... Прощайте, мой любезный! Душевно Вас обнимаю, Божию благословлению Вас поручая.

Не забывайте меня в Ваших утренних размышлениях.
22 июля 1808 г.

Михаил Сперанский».

...Дружба есть дар Божий. Захочет – наградит, пожелает – покарает. Он, Мишель, предпочёл высочайшую милость дружеской привязанности. Но что может быть переменчивее более, чем монаршая милость? Вот и отправился Мишель в бессрочную ссылку в аккурат накануне войны двенадцатого года. И его повлекло провидение по торной дорожке оговорённых и опороченных. Не он первый, не он последний... Тяжело человеку подниматься с колен. И не столько физически, сколько нравственно. Но Сибирь издревле была страной униженных и оскорблённых. Так уж повелось, что и правый, и виноватый находили приют на её просторах. Всем она ста-

новила матушкой, пусть и не родной, но утешение в ней от бед и мытарств находили многие.

«Господину главнокомандующему в Санкт-Петербурге:

В именном Его Императорского Величества Высочайшем указе, последовавшем на моё имя в 18 день февраля 1808 года, сказано: Коллежского Советника Словцова (служащего в Департаменте Министерства Коммерции), по явке его ко мне, определить во вверенном мне крае на первооткрывшуюся вакансию или, по собственному моему усмотрению, к делам особо мне порученным. В следствие сей Высочайшей воли означенный Словцов причислен был к делам моей Канцелярии. Ныне по случаю открывшейся в Иркутске вакансии Совестного Судьи определил я его к сей должности. О чём не излишним почитаю Ваше Высокопревосходительство известить...

Генерал-Губернатор Иван Пестель. 26 декабря 1814 г.».

Итак, совестной судья. Должность после столицы не ахти какая, но всё одно должность. Вести дела о наследстве разорившихся купцов и мещан тоже кому-то нужно. Опять же все сирые да убогие к совестному судье за последним словом сходятся. Битый да ограбленный, собаками травленный, все без сапог идут на порог.

А там и времечко быстрее побежало, верно, всегда так на пятом десятке лет жизни спешит оно, поторапливает. Через год-другой определён был на директорскую должность всех иркутских училищ. А училищ тех – число на пальцах перечесть можно. Народец сибирский к грамоте не шибко прилежный, всё более о пропитании помышляет, а книжки читать считалось делом господским, не для простолюдинов.

Однако же шестнадцать новых приходских училищ по губернии удалось открыть с Божией помощью, нашлись охотники до учёбы. Директорская должность, почитай, хуже губернаторской. То течёт, то горит, то заболел кто или вовсе помер. Весь спрос с директора, а помощь опять же лишь от Бога ждать можно. И кто знал, что с Мишелем Сперанским придётся свидеться на иркутских бревенчатых мостовых?! Пошёл Мишель-таки в гору. Правда, уже не по столичным паркетам, а по сибирским таёжным трактам исполнял должность генерал-губернаторскую. Но в этой стороне принято говаривать: «Бог на небе, царь в столице, а губернатор туточки». И судья, и закон, и Божий наместник. Поснимал он местных начальников, суду предал, думал одним тем порядок навести. Да где их, честных начальников, нынче возьмёшь? Человек не ангел, и как ни крути, а на грех его чаще, чем на благость, тянет.

Посидели с Мишелем вдвоём, повспоминали былое, повздыхали. Он к тому времени фигурой раздался, головой оплешивел, лишь глаз всё с тем же прищуром да язык остёр остались. Думали о пере-

«Тяжело человеку подниматься с колен. И не столько физически, сколько нравственно. Но Сибирь издревле была страной униженных и оскорблённых. Так уж повелось, что и правый, и виноватый находили приют на её просторах»

устройстве правления сибирского, разные проекты предлагали новые. На том и расстались.

И в том же 1819 году министр народного просвещения князь Голицын получает от Его Величества Высочайший рескрипт: «...Поручить Коллежскому Советнику Словцову осмотр учебных заведений в губерниях: Томской, Тобольской, Казанской, Пермской и Вятской. Равным образом впредь употреблять его на службу по учебной части в губерниях, составляющих Казанский учебный округ и назначить Визитатором училищ».

Кто ж знал, что придётся в пятьдесят лет трястись на перекладных по просторам родной Сибири! Мерить тысячи вёрст в жару и в мороз, словно какой фельдъегерь. Оставлять уже надолго гостеприимный Иркутск, мчаться в Тобольск, а оттуда в Казань. Изо дня в день: испытания, чтения, проверки... Визитатор вправе устранить от должности любого учителя, открыть или закрыть школу, гимназию. Тут без строгости нельзя, но и свирепствовать особо ни к чему. Но если ученики показывали неудовлетворительные знания, то учитель лишался должности незамедлительно. Прав у визитатора много, а средств и путей их выполнения нет. Вся надежда на общественность. И число учеников к 1826 году увеличилось потихоньку до 2 000 против прежних 600.

А потом пошли чины и награды. Сперва Статский Советник, а через пять лет уже и Действительный Статский, и орден Святой Анны II степени с алмазными украшениями. Уже по выходу на пенсию орден Святого Владимира III степени с полным пенсионом в 3 000 рублей. И... через генерал-адъютанта пришло высочайшее разрешение продолжить службу в любом российском городе без ограничения.

Прощён! Наконец, прощён! И вроде все грехи его прощены, забыты, укатились талой водой! Пер-

Тобольск. Гравюра, XVIII в.

вое желание – завтра же в Петербург. В столицу. Но прожитые годы прибавляют ума и опыта. Десять бы лет назад пришло прощение... Может, и можно было решиться на подобный шаг, дабы начать всё сызнова. А в шестьдесят лет без семьи и состояния покидать Сибирь неожиданно расхотелось. Тобольск – тоже столица. Приют и кров даёт каждому. Душа жаждала покоя, ум – отдыха, тело – заботы. Провидению угодно было остановить выбор у крутого иртышского берега. Сюда и пришло последнее письмо от Мишеля Сперанского, которому тоже туго пришлось пробиваться наверх благодаря своему поповскому происхождению.

«Давно, любезный Пётр Андреевич, собирался я к Вам писать, но всё отлагал до того времени, когда смогу сказать Вам что-нибудь приятное и решительное. Третьего дня князь Ливен мне объявил, что желание Ваше и моё сбылось. Государь пожаловал Вам полный пенсioen. Зная, сколь нужна Вам сия милость к устройению и успокоению вашему, от всего сердца Вас поздравляю.

Сколь часто среди дел и сует, меня буруевающих, думая о Вас, наслаждаюсь мысленно вашим положением. С тех пор, как мы расстались в Иркутске, мысли мои, слава Богу, в сих существенных отношениях ни в чём не изменились, и мысли, когда приду и явлюсь лицу Божию, везде и всегда со мною... Господь да будет с Вами.

Р. С. Для чего бы Вам хоть изредка, при большом вашем досуге, не написать ко мне строчку, слово утешения? Это была бы сущая милостыня нищему, дар бескорыстный, ибо отвечать Вам я не в силах, но каждую почту рад читать Ваши письма, – не о Сибири и делах её, но о Вас самих и деле Божием. 3 октября 1829 г.

Михаил Сперанский».

А как можно не писать о Сибири?! Она и мать, и мачеха, и тётка злая, и девица красная. Сколько радостей и горестей с ней пережито. Без неё никуда... А россияне, если и не поняли этого, то поймут со временем. Обязательно поймут...

Он точно рассчитал свои дни и едва ли не часы, чтобы успеть закончить труд по «Историческому обозрению Сибири». Тринадцать лет в отставке на пенсии не прошли даром: каждый день был потрачен на написание огромного и едва ли возможного для одного человека труда. Первый том сочинения Петра Андреевича Словцова вышел в свет в 1838 году, включив в себя события с 1588 по 1742 год. Второй был выпущен в 1844 году, уже после его смерти. Всего за несколько дней до неё преданный слуга по поручению немощного хозяина отправил рукопись в Петербург. Воистину провидение вело своего избранника, насылая то горести, то огорчения и многие испытания, чтобы вывести его на главное дело жизни – историю Сибири. Современная наука была бы неполной без этого титанического труда.

Бальмонт, Радищев и многие гости Сибири

Познакомившись внимательнее с историей, можно удивиться, насколько посещаемой уже в XVIII веке была российская глубинка – а на рубеже XIX и XX и подавно. Огромные пространства покрывали на экипажах и судах. В архивах осталось немало сюжетов и воспоминаний «гостей по желанию» и «гостей по обстоятельствам».

Новое знакомство Бальмонта с Россией

До своих гастролей по России Константин Дмитриевич Бальмонт много путешествовал за её пределами. С 1906 года он жил как политэмигрант в Париже и исколесил немалую часть Европы, в 1909 году побывал в Египте, а в 1912-м и вовсе отважился на впечатляющую авантюру – 11-месячное кругосветное путешествие. Как раз под впечатлением от этого путешествия, а точнее – посещения Океании, Бальмонт подготовил теоретический этюд «Поэзия как волшебство», с которым впоследствии выступал в России, в том числе в городах Сибири.

В мае 1913 года по случаю 300-летия дома Романовых была объявлена амнистия, и наблуждавшийся по свету поэт вернулся на родину. Осенью 1915 года он отправился в гастрольный тур по Поволжью, Уралу и Сибири. Основной маршрут без учёта попутных городов выглядел так: Вологда – Ярославль – Нижний Новгород – Казань – Пенза – Саратов – Самара – Уфа – Челябинск – Пермь – Тюмень – Омск – Екатеринбург – Вятка – Петербург.

Впечатления от тура у Константина Дмитриевича оказались весьма неоднозначными. Одни города пришлись ему по душе, другие разочаровали. Бальмонту приглянулись Нижний Новгород, Ярославль, тепло он отнёсся к Уфе, правда, там его больше прельстила опять же экзотика. Поэт познакомился с заведующим отделом мусульманской книги в городской библиотеке, татарин Сеаидо Сюнчелеем. Образованный молодой человек подарил писателю результат своей кропотливой работы – переводы нескольких стихов Бальмонта на арабский язык.

Очень рвался Константин Дмитриевич в Екатеринбург, но, добравшись до него, был вынужден временно отступить: забыл получить разрешение

Портрет
К.Д. Бальмонта,
художник
Валентин Серов

Портрет Константина Дмитриевича Бальмонта, 1905 год. Был написан в доме поэта в Москве, в Дурновском переулке по заказу мецената, коллекционера и издателя Николая Павловича Рябушинского для издаваемого им журнала «Золотое руно». В Третьяковскую галерею портрет поступил из Государственного музейного фонда (собрание Н.П. Рябушинского) в 1972 году.

на выступление перед публикой у властей города. Пока вопрос решался, литератор предпочёл ехать дальше – в Пермь. На вокзале Екатеринбурга Бальмонта подкараулили для интервью, и тот с воодушевлением рассказал о своих дальнейших планах: «Из Перми <...> я проеду в Иркутск, буду читать лекции в попутных городах, а на обратном пути, в начале декабря, непременно остановлюсь в Екатеринбурге».

Пермь поэта весьма впечатлила своим зимним пейзажем. В письме супруге Бальмонт писал:

«Катя, родная, сегодняшний день – фантазия. Вот где среди снежных просторов, над широкой Камой, над равнинами, за которыми тянется на 15 вёрст сосновый бор, – и в торжественности своих решений, и в душевной взнесённости, – я один, царственно один». Сердце поэта тронули варяжские следы на Уральской земле. Возможно, они напомнили ему когда-то увиденную Скандинавию. В порыве романтизма Константин Дмитриевич даже оставил в книге Пермского научно-промышленного музея пару четверостиший. А вот отзывы пермской прессы о визите и выступлении поэта оказались неоднозначными. Корреспонденты, посетившие лекцию поэта, остались довольны, но Александр Германович Генкель, один из основателей Пермского университета и специалист по истории Древнего мира, был настолько раздражён пафосом Бальмонта, что написал объёмную статью. Вместо восторгов отзыв учёного содержал жёсткую критику и самой лекции, и выступления поэта: «И вот представьте себе господина старше средних лет, читающего взрослым людям такую пёструю по содержанию лекцию, читающего по книжке в высшей степени монотонно, без достаточной нюансировки отдельных положений, но с чрезвычайной аффектацией и несомненной экзальтированностью, лекцию о вещах, давным-давно известных каждому мало-мальски образованному человеку...» В своей оценке Александр Германович был исключительно резок, отмечая у лектора отсутствие «достаточно широкого, глубокого, а, главное, систематического образования» и специфическую манеру исполнения: «Всё напыщенно, деланно, неестественно, фальшиво».

Путь поэта продолжался, а Екатеринбург не торопился давать добро на выступление. И Бальмонт отправился в Тюмень, куда его пригласил лично Андрей Иванович Текутьев. Торговый город, в котором приглашённый литератор провёл два дня, показался ему исключительно тихим, но дружелюбным. Из гостиницы «Россия» Бальмонт писал жене: «Тюмень – глухой городишко. Однако и здесь собрались слушатели и нашлись друзья, знающие меня по Москве и Парижу. Провёл очаровательный вечер в изящном доме Колокольниковой и чувствовал себя чуть не в Пасси». Только вот позднее поэт поделился с екатеринбургским корреспондентом С. Виноградовым историей о тюменском фельетонисте, собравшемся написать статью о поэте, не прочитав его стихов. Оскорблённый писатель резко высказался, заявив, что Тюмень населена «какими-то троглодитами».

Пробившись всё же в Екатеринбург и побывав в Омске ради встречи с братом, до Томска, Красноярска и Иркутска Бальмонт уже не доехал – устал и повернул назад. От реакции на свои выступления в Екатеринбурге, в зале Коммерческого собрания поэт поначалу был в восторге. В письме супруге он ликовал: «Здесь есть мои поклонники, уж 20 лет

меня чтущие». Но в то же время корреспонденту «Уральской жизни» Константин Дмитриевич посетовал, что это город, «отставший в умственном отношении на целую четверть века по сравнению с жизнью столицы». Поэта ужасно раздосадовали и пустые кресла в первых рядах зала.

В Сибири Константина Дмитриевича Бальмонта приняли преимущественно тепло, но вполне очевидно, что и способности, и настроения поэта больше были обращены к иноземной романтике.

Заботами ссыльного лекаря. Радищев в Сибири

Александр Николаевич Радищев вошёл в массовую историю не только как писатель, философ и просветитель, но и государственный деятель, не достигший, к сожалению, на этом поприще того, к чему стремился больше всего в своей жизни. Но немногие знают, что Александр Николаевич был ещё и замечательным врачом, и Сибирь, в которую он был сослан, обязана ему куда больше, чем привыкли считать.

Политическая карьера Радищева складывалась всё успешнее, но идеи справедливости и общего равенства не давали ему покоя. Крепостничество представлялось ему совершенно бесчеловечной практикой, и философ надеялся достучаться до благородных особ и власти. В 1789 году он самостоятельно опубликовал свой известнейший труд «Путешествие из Петербурга в Москву». Чтобы напечатать «Путешествие...», Радищеву пришлось

Портрет Александра Николаевича Радищева хранится в Саратовском государственном художественном музее имени А.Н. Радищева.

Портрет
А.Н. Радищева
неизвестного
художника второй
половины XVIII в.

обзавестись собственной типографией, ведь произведение было весьма провокационным, и договориться о его печати где-либо было задачей почти невозможной. И вот в 1790-м книга увидела свет. Но понимания просветитель не встретил. Хотя ещё до печати, в 1789 году, произведение было передано для оценки в Управу Благочиния и одобрено цензурой, философский труд не пришёлся по душе Екатерине II. Растревоженная Французской революцией императрица заподозрила Радищева в участии в заговоре, из-за чего 30 июня (11 июля) 1790 года философ был арестован, а 24 июля (4 августа) приговорён к лишению дворянства и смертной казни. К счастью, столь суровое наказание смягчили по случаю заключения мира со Швецией – смерть заменили на 10-летнюю ссылку в Сибирь, в Илимский острог под Иркутском. Кто бы мог подумать, каким вкладом в развитие Сибирской земли и народа окажется депортация политически неугодного философа!

Во время обучения в Лейпцигском университете юридическому делу Радищев увлёкся естественными науками и медициной (в том числе судебной) и прослушал по этим дисциплинам целый курс лекций. Сын писателя впоследствии вспоминал: «Александр Николаевич пристрастился к медицине и, постоянно в течение пяти лет учась ей, мог бы выдержать докторский, но, следуя своему назначению, не искал сего звания».

Примечание: А.Н. Радищев был одним из двенадцати юношей, отобранных в 1766 году по указу императрицы Екатерины II для обучения в Лейпцигском университете юридическому делу и близким к нему наукам. Причём Радищев, которому тогда было семнадцать лет, оказался самым способным. Высочайшие способности студента отмечали и преподаватели.

По пути в назначенный ему для отбывания ссылки Илимск Радищев остановился на семь месяцев в Тобольске. Это время он посвятил изучению литературы о типичных для Сибири болезнях, знакомству с местной системой здравоохранения. Немало о сибирских хворях и их лечении Александру Николаевичу рассказал штаб-лекарь Иван Петерсен. Особенно встревожила Радищева сибирская язва – тяжёлое заболевание, опасное как для людей, так и для животных. В пути до Илимского острога писатель усердно собирал сведения о болезни. Он даже сумел составить описание клинического течения язвы и разработать методы её лечения.

К моменту прибытия в острог Александр Николаевич уже обстоятельно изучил характерные для Сибири заболевания и тут же приступил к работе. Врачей в Илимском остроге не было, да и за его пределами не могли похвастаться достатком в ледарях. Ссылный просветитель скоро заслужил среди сибиряков репутацию умелого врача и человека высочайших моральных качеств. Добродушный

писатель умел позаботиться практически о любом больном, никому не отказывал. За помощью к нему ехали отовсюду, где слышали хоть вполуха о ссыльном альтруисте. Ехали и русские, и даже тунгусы. Сам Радищев, человек трудолюбивый и скромный, писал о своей работе: «К моим обычным занятиям присоединилось ещё одно, зачастую тяжёлое, но утешительное в своей основе занятие, если не приятное, то милое моему сердцу. Я сделался местным лекарем и костоправом, хотя в сущности лишь невежда и знахарь, но моя добрая воля частично восполняет недостаток необходимых знаний...» Сын Александра Николаевича вспоминал об отце: «...Он вставал рано. Ему приносили большой чайник с кипятком, и он делал себе кофе. Потом садился писать, читал, учил своих детей географии, истории, немецкому языку, ездил по окрестностям, ходил с ружьём по лесам и горам, окружающим Илимск...» Обращались к ссыльному писателю и местные власти, но за несколько иной помощью. Александр Николаевич, разбавившийся и в судебной медицине, помогал в осмотре тел и освидетельствовании потерпевших.

Будучи человеком просвещённым и умелым врачом, Радищев прекрасно понимал, что предупреждение болезни не менее важно, чем само её лечение. В Илимске добровольный врач занялся делом исключительно непростым – прививанием оспы. Сын Александра Николаевича писал: «Он сам привил оспу своим детям, рождённым в Сибири, и жителям Илимска. Тогда ещё доктор Дженер не изобрёл прививания коровьей оспы».

Значимой причиной немалою числа тяжёлых болезней являлся, как предполагал Радищев, не самый комфортный климат: «...Ревматизм, подагра, летучая подагра, суставные лихорадки весьма обычны для Тобольска и вообще, говорят, для всей губернии и являются, как мне кажется, следствием сурового климата». В то же время сибирского врача мучали вопросы появления новых, малоизвестных или вовсе не изученных болезней, типичных только для этой местности: «...Горячки здесь так же обычны, как и в России, но зато болотная лихорадка в Тобольске была неизвестна. Случаи её появились года два тому назад. Какая может быть тому причина? Почему начинает появляться неизвестная болезнь? Климат ли изменяется или образ жизни?»

Существовала другая проблема – нехватка лекарств для борьбы с болезнями. В меру возможностей писатель сам изготавливал лекарства для своих пациентов. Но всё равно были порой необходимы ресурсы, которые в тогда ещё испытывающей трудности со снабжением Сибири было тяжело достать. Тут на помощь сибирскому лекарю приходили верные товарищи и добрые знакомые за пределами северного края. Радищев нередко обращался к ним за поддержкой, и друзья присылали лекарства.

В работах «товарищей по мысли» также зачастую имя Радищева не встречалось. Даже в труде Александра Ивановича Герцена «О развитии революционных идей в России» 1850-1851 годов – вероятно, в самом обстоятельном из всех произведений, посвящённых истории революционной мысли в России, – ни разу не появилось имя Александра Николаевича.

Примечание: Александр Сергеевич Пушкин, хотя признавал и ценил вклад Радищева как идеолога, как литератора его не хвалил, критично говоря: «Путешествие из Петербурга в Москву», причина его несчастия и славы, есть очень посредственное произведение, не говоря даже о варварском слоге».

О других гостях Сибири и Тюмени

С XVIII по XX век в Сибири, в том числе в Тюмени, побывали многие выдающиеся и интересные исторические личности. В зависимости от «этапа» своего развития, торговый город производил на приезжих различное впечатление. Впрочем, и люди, посещавшие Тюмень, были очень разными.

В XVIII веке Тюмень едва ли была в состоянии встретить путешественников по северной России с комфортом. Обживался отдалённый уголок страны отнюдь не легко и быстро, строили самое необходимое – без изысков. Не будучи популярным местом для праздных визитов, Сибирский край не мог предложить даже хороших гостиниц – только простые в своём убранстве постоялые дворы. Так, в начале XVIII века о столь «неуютных обстоятельствах» упоминали известный мореплаватель Витус Ионассен Беринг, тот самый, чьим именем назван пролив между Чукоткой и Аляской, и его товарищ Георг Вильгельм Стеллер. Путешественники останавливались как раз в постоялых дворах Ямской слободы (расположенной тогда за Тюменской, в районе нынешних улиц Луна-

В Илимском остроге Александр Николаевич Радищев прожил с января 1792 года до февраля 1797-го. Именно в сибирской ссылке Александр Николаевич написал свой философский трактат «О человеке, его смертности и бессмертии». Когда ссылка просветителя закончилась, отправляющегося в родное имение лекаря провожали всей округой, попрощаться приезжали и заилимские пациенты. В дороге Александр Николаевич тоже не оставил врачевание – лечил по пути. Например, вот запись на одной из остановок в дороге: «Хозяин ногу порубил – ему лекарства дал».

Александр Николаевич Радищев продолжил труд врача и в родном Немцово, даже вернувшись на государственную службу. Сибирские же медицина и ветеринария за время практики просветителя стали значительно лучше.

Запрещённая история

В идее печати биографии Александра Николаевича Радищева государственная цензура и идеология интеллигенции разошлись, что было характерно для того времени. В 1858 году издавать историю жизни Радищева официально запретили. Но чуть ранее запрета, причём в тот же год, биографию политического ссыльного опубликовали в восемнадцатом томе «Русского вестника». Неоднозначное отношение к персоне философа и писателя в журналистике объяснялось неопределённым положением Радищева как «порицаемого» и «прощённого» правителями Российской империи. Екатерина II категорически запретила печать произведений Александра Николаевича, при Павле I писатель был прощён и получил право вернуться в родное имение, а при Александре I просветителя восстановили на государственной службе, хоть и без признания его идей. С одной стороны, революционные суждения Радищева подпитывали интерес прогрессивной интеллигенции к его произведениям: переписанные от руки экземпляры «Путешествия из Петербурга в Москву» активно распространялись среди прогрессистов. С другой – эти же революционные идеи никак не могла проигнорировать государственная цензура и сама власть, потому имя автора, как правило, держали в тайне.

Усадьба
Колокольниковых,
музей,
ул. Республики, 20.
Фото Д. Аксариной

Жилой дом
на улице
Челюскинцев, 57,
где когда-то стоял
Текутьевский
театр.
Фото Д. Аксариной

Когда-то и здание было другое, и улица была не Челюскинцев, а Иркутская. Театр построил в 1892 году городской голова, купец и меценат Андрей Иванович Текутьев. Здание первого в Тюмени театра сгорело в 1922 году.

Где когда-то была Ямская слобода с постоянными дворами, теперь можно увидеть совсем другой урбанистический ландшафт. Например, часть территории бывшей слободы занимает Легкоатлетический манеж.

чарского, Полевой и Коммунистической), чтобы немного отдохнуть и запастись припасами.

Были и гости, которых восхитили тюменские пейзажи. В 1733 году через Тюмень проезжал академический отряд Второй Камчатской экспедиции. Среди исследователей был российский историограф, организатор Московского главного архива и автор труда «Описание Сибирского царства» Герхард Фридрих Миллер. На обратном пути, в 1742 году, Миллер задержался в Тюмени на несколько месяцев. Учёного особенно впечатлила панорама города по правую сторону Туры, «берег которой высок и крут, однако по верху ровен и плоск, а вышина берега от воды реки Туры выступает на десять сажен. Редко какое место красотой сему подобно».

К XIX веку у Тюмени в глазах приезжих появилось и другое достоинство, и стоит отметить, что лестную оценку город, а точнее его население, снова получил от учёного. Географ, этнограф и историк Николай Алексеевич Абрамов, служивший с 1851 по 1853 год смотрителем уездного училища в Тюмени, отмечал, что грамотность в купеческом городе считалась необходимостью и ценилась настолько, что родители, сколь бы ни был скуден достаток, старались отправить детей учиться.

Контраст с XVIII веком чувствовался и в вопросах обеспеченности и комфорта. Публицист и исследователь Сибири Николай Михайлович Ядринцев был знаком с сибирским городом с детства – несколько лет он бегал по тюменским улочкам, а когда повзрослел, не раз сюда возвращался. В своих очерках «Письма о сибирской жизни. Из Тюмени» он отмечал здешнюю аккуратность и опрятность, а «главной целью, двига-

Легкоатлетический манеж на улице Дуначарского, 12.
Фото Д. Аксариной

ющей жизнь города», назвал еду, которой в Тюмени было в достатке и в приличном разнообразии.

Кроме исследователей в городе побывало немало творцов (не только ссыльных). Михаил Михайлович Пришвин в свои юные годы несколько лет жил в Тюмени у своего дяди Ивана Ивановича Игнатов – одного из основателей местного судостроения, который обустроился в Тюмени как перспективном уголке для развития своего предприятия. Учился писатель в реальном училище, а город юности и его жители стали центральными в автобиографическом романе «Кашеева цепь».

Когда вспоминают визит Антона Павловича Чехова в Тюмень, больше внимания уделяют его нелестным оценкам: увязавшему в грязи экипажу да плохой колбасе. Классик и правда посетил Тюмень не в пляжный сезон, а сырой и промозглой весной, когда топкая сибирская почва ведёт себя особенно nepотpeбно. Да и здоровье писателя всё ухудшалось. Казалось бы, при таких обстоятельствах сложно заметить хоть что-то хорошее. Но Антон Павлович оказался не столь недоволен посещёнными местами. Так, искренне любивший природу Чехов сразу обратил внимание на то, что чуть ли не у каждой избы размещена скворечня. И о людях писатель отзывался тепло: «Народ здесь хороший, добрый и с прекрасными традициями». В противовес неудачной колбасе Антону Павловичу понравился местный хлеб. Всякий хлеб: пироги, калачи, блины, оладьи.

Бывали в Тюмени и военные люди. В 1954 году Тюмень посетил Константин Константинович Рокоссовский. Целью первого визита была помощь сыну Виктору в устройстве в вечернюю школу № 10. Потом герой приезжал дважды – в 1956 и 1958 году. Местные вспоминали, что маршалу очень нравился «слон» в краеведческом музее (по происхождению мамонт) и водонапорная башня на улице Орджоникидзе, 56. С этой башни Рокоссовский любил фотографировать наш город.

Правнуки мецената Чукмалдина: восхождение к истокам

11 сентября 2025 года для села Кулаково произошло знаковое событие. На историческую родину из Москвы приехали правнуки купца Николая Мартемьяновича Чукмалдина – Алексей Михайлович Комаров и Анастасия Михайловна Комарова (Тихомирова).

Правнуки Чукмалдина несколько лет назад заинтересовались своей родословной и в ходе генеалогических исследований выяснили, что их прадедом является Борис Николаевич Чукмалдин, младший сын, четвёртый ребенок купца Н.М. Чукмалдина. В советское время, по известным причинам, об этом не принято было говорить, тем более что перед войной один из родственников был репрессирован. Но интерес к предкам вывел их на мои скромные труды – книгу «Чукмалдин», а дальше последовало самое правильное решение – обратиться к священнику, который служит в церкви села Кулаково, построенной Н.М. Чукмалдиным.

Настоятель храма отец Григорий (Мансуров) стал добрым ангелом для потомков мецената. После прибытия брата и сестры в Тюмень он организовал им очень насыщенную программу. Гости посетили памятник Н.М. Чукмалдину и бульвар его имени в Тюмени, содержательную экскурсию в музей чая Колокольникова (купца Чукмалдина называли одно время «чайником» – в те годы это было почётное звание – купец, занимающийся чайной торговлей. А Чукмалдин был известен всей торгово-промышленной России как эксперт по чайной торговле), прошлись по улице Республике пешком до главного корпуса музейного комплекса им И.Я. Слоцова на Советской. Для купца это тоже знаковое место: именно Н.М. Чукмалдин и И.Я. Слоцов основали музей в Тюмени, и многие самые ценные фонды в нём созданы под попечением этих двух подвижников. В отделе редких книг хранится немало уникальных томов из личной библиотеки мецената. Круг библиофильских интересов знаменитого земляка впечатляет.

Из Тюмени потомки направились в село Кулаково. Краевед Надежда Антупьева напомнила гостям, что гроб с телом Н.М. Чукмалдина местные жители несли от железнодорожного вокзала на руках, а затем крестьяне выпрягли лошадей, гроб поставили на катафалк и сами повезли до Кулаково. Отец Григорий показал гостям парк, созданный Н.М. Чукмалдиным, и построенную им

Александр Вьчугжанин, доктор исторических наук, член Союза писателей России. Алексей Михайлович Комаров и Анастасия Михайловна Комарова (Тихомирова) – потомки Чукмалдина.
Фото Г. Мансурова

школу. Прогулка по селу завершилась посещением храма в честь святого Николая Чудотворца, возведённого на средства купца. В склепе под храмом молитвенно помянули Николая Мартемьяновича, тело которого покоилось здесь с 1901 по 1930-е годы. Стараниями отца Григория несколько лет назад был обнаружен склеп, где стоял гроб. В настоящее время это место приведено в порядок и открыто для посещения.

Я не был в этих местах уже несколько лет и поразился тому, как изменилась прилегающая к храму территория. Отец Григорий служит здесь с 2006 года, и стараниями его и трудами прихожан перемены произошли большие. Построена трёхэтажная воскресная школа, радуют глаз цветущие и сейчас цветы, уютно смотрятся деревянные скамейки среди «костров рябины красной». Народная любовь к благодетелю распространилась и на потомков.

Алексей Комаров с сестрой Анастасией рассказали жителям Кулаково о жизни Чукмалдина в Москве, о своих предках, начиная с младшего купеческого сына Бориса Николаевича Чукмалдина 1888 года рождения, о том, как они узнали о своём вероятном родстве и решили дальше исследовать и собирать документы. В завершение сердечно поблагодарили за оказанный им радушный приём. По поручению библиотеки истории города имени Текутьева передал в дар потомкам два замечательных издания – краеведческий альманах «ЛИК», посвящённый купеческим фамилиям нашего края (проект библиотеки) и выпущенную к 80-летию области книгу «80 образов Тюменской области». В этих изданиях достойно представлен Н.М. Чукмалдин. Также вручил от сельхозакадемии книгу «Истории через три века: люди и судьбы». Повествование начинается с истории Александровского реального училища в Тюмени. Оказывается, Н.М. Чукмалдин входил в попечительский совет этого учебного заведения. Отец Григорий поделился впечатлениями о встрече: «Было очень радостно видеть людей, которые являются прямыми потомками. Со временем известные люди превращаются в легенду, становятся как бы мифическими. А здесь современники, которые ищут свои корни. Это роднит нас с ними и самим Н.М. Чукмалдиным».

Лучше не скажешь. Подписываюсь.

Выставка с «ОГОНЬКОМ»

Со стороны может показаться, что сфотографировать на выставке понравившуюся работу – задача совсем не сложная. Если объектив не искажает пропорций, подходишь и нажимаешь кнопку – обо всём остальном уже позаботились и художник, и электрики, которые монтировали в зале освещение. Но, говорят, как бы не так...

Моё знакомство с открывшейся в конце лета выставкой «Молодость-2025» началось с попытки сделать убедительный снимок картины «Зелёная церковь». Но каждый раз, когда я смотрела на экран – что же там получилось? – он выдавал мне не те цвета, что притягивали взгляд на холсте. В электронном формате церковь казалась гораздо светлее, отливала то лазурью, то бирюзой, почти неразличимыми в её живописном колорите. Причём от кадра к кадру эти краски волшебным образом менялись местами...

– Мне тоже пришлось потрудиться, чтобы вышла её удачная фотография, – призналась автор картины Елизавета Мирзина, когда мы познакомились и разговорились: – Здесь сложный тёмный цвет, которого я добилась промесом, – художников специально учат этой маленькой хитрости, позволяющей получать практически угольные оттенки без добавления чёрной краски. Поэтому, наверное,

Елизавета Мирзина.
Фото В. Ермаковой

На открытии выставки «Молодость-2025».
Фото В. Ермаковой

фотокамере трудно сфокусироваться и правильно его передать, как и тот благородный зелёный, который я тоже искала, чтобы создать нужное настроение.

Елизавета – выпускница кафедры искусств Тюменского государственного университета. В областную столицу переехала пять лет назад из Сургута. Сегодня она – мастер-керамист гончарной школы «Колокол». Говорит, что если керамика – для неё работа, то живопись и графика – хобби. Со студенческих лет полюбила тюменские религиозные учреждения. Особенно часто писала Спасскую церковь на улице Ленина. Зелёная – именно Спасская. В данном случае – собственное видение, восприятие художницей её запоминающегося архитектурного облика.

– Обычно храмы пишут в чистых, ярких тонах, потому что это Вера и Свет! Но для меня с этой темой связано также ощущение спокойствия, глубины и сосредоточения – отсюда и выбор такой необычной, на первый взгляд, колористики...

Выставка «Молодость» в годовом графике регионального отделения Союза художников России давно стала доброй традицией. Каждое лето экспозиционный зал на улице Холодильной поступает в распоряжение молодого творческого поколения. Вот и сейчас здесь представили работы 43 участника в возрасте от 19 до 35 лет. Кто-то – вчерашний выпускник вуза, а кто-то – уже мастер, известный далеко за пределами области. Наверное, этим выставка так особенно интересна – она как лабиринт с неожиданными поворотами. Каждое новое имя – это новая эмоция для зрителя. Здесь нет скучных, бесцветных работ: вновь и вновь тебя цепляет то неожиданный сюжет, то незнакомая техника, то

непривычное сочетание материалов. Переходишь от картины к картине и не устаёшь удивляться. Не случайно во время открытия гости отмечали «внутреннее горение», присущее молодым авторам.

– У выставки нет определённой тематики. Зато в зале много экспериментальных работ, воплощённых оригинальных задумок и идей, – рассказывает Елизавета. – Если говорить о ком-то конкретно, очень заметно творчество Евгении Каневой или, например, Анастасии Шулеповой, представившей триптих «Когда деревья были большими» – внимательно приглядевшись, можно увидеть, как необычно на её полотнах сочетаются масло и сухая акварель. А какая здесь керамика! В основном ручная лепка с иногда совсем неожиданным подходом к использованию глазурей – для меня работы коллег-керамистов интересны с профессиональной точки зрения.

«Молодость» нынешнего года – уже третья, в которой участвует Елизавета. Также она была в составе групповой выставки Тюменского отделения Союза художников России, посвящённой юбилею Великой Победы. Прошлой осенью вступила в молодёжное объединение, работающее при организации. Обычно его участники берут на себя подготовку предстоящей экспозиции: развешивают полотна, приглашают на открытие знакомых музыкантов, чтобы создать праздничную атмосферу. Естественно, многие ребята в будущем хотели бы стать полноправными членами союза. У моей собеседницы это тоже в планах, а пока есть желание как можно больше выставляться – в Тюмени, в других городах страны и за рубежом. Много серьёзных международных выставок сегодня проводится в Китае. Попасть на них не так-то просто, но если верить в свои силы и не терять того самого «внутреннего огня», – обязательно всё должно сложиться.

Кстати, о том, насколько молодым, но готовым стремиться к вершинам мастерства авторам полезно участвовать в выставках самого разного уровня, мы поговорили с присутствующим в зале Иваном

Анастасия Шулепова: «Когда деревья были большими».

Фото В. Ермаковой

Член Союза художников России Иван Станков.

Фото В. Ермаковой

Станковым – членом Союза художников России, известным тюменским художником и педагогом. У Ивана Ивановича более двадцати лет преподавательского стажа. Он работал в детской школе искусств, в институте культуры, в ТюмГУ на кафедре изобразительных искусств и в ТИУ на кафедре архитектуры и градостроительства. Среди участников сегодняшней выставки есть его ученики.

– Выставка «Молодость-2025» – свидетельство того, что в Тюмени хорошая профессиональная школа. В нынешнем году мы видим работы совсем юных ребят: их студенческая пора, время мечтаний и планов, ещё продолжается. Некоторые – это заметно – пока работают с оглядкой на мастеров, и всё-таки у них формируется собственное узнаваемое лицо. Процесс естественный: в молодости мы тоже были робкими – когда выставлялись среди мэтров, они на нас влияли, нам хотелось к ним прислушиваться. Но кроме того, у нас были амбиции, желание двигаться дальше, и то же самое сейчас происходит с молодым поколением.

Радует, что на выставке мы наблюдаем целый ряд творческих экспериментов. Сегодня искусство развивается в прикладном направлении – молодёжь зарабатывает дизайнерской деятельностью, но оставляет себе время на чистое творчество. Именно поэтому молодым художникам необходимо выставляться. Как можно больше – хоть на специально предназначенных для этого площадках, хоть в библиотечных комнатках или школьных коридорах. Важно видеть себя в выставочной среде, сравнивать свои работы с холстами других участников, независимо от степени их мастерства. Вот этого развития, бесконечной и захватывающей деятельности я желаю нашей молодёжи, – рассказал Иван Станков.

Посреди музыки

Тюменский композитор Ксения Вецак

Тюмень уже давно избавилась от репутации сибирской глубинки. Даже культурная жизнь города стала чуть ли не по-столичному насыщенной. Тюмень может похвастаться своими писателями, художниками и даже композиторами. Нынче нам удалось побеседовать с тюменским композитором и аранжировщиком, замечательной скрипачкой Тюменского филармонического оркестра, пианисткой и художественным руководителем струнного квартета UnaCorda и нескольких ансамблей Ксенией Вецак.

– Расскажите, когда и как вы увлеклись музыкой, в какой момент она превратилась из увлечения в дело жизни?

– В музыкальную школу я пошла с шести лет. На скрипку. Вторым инструментом стало фортепиано. В двухтысячных годах почти из каждого утюга звучала скрипачка и композитор Ванесса Мэй. Чаше всего включали её переделанный «Шторм» Вивальди. Поэтому в третьем классе я написала сочинение о том, кем бы хотела стать, а мечтала я тогда играть на сцене, как Ванесса Мэй, исполнять свою музыку.

– На какой музыке вы выросли?

– Я слушала очень много классики, больше все-

Ансамбль ирландской музыки Green Dance.

Фото А. Ангел

го скрипичной – профессия обязывала, и мне нравилась инструментальная музыка. Особенно любила Вивальди, некоторые сочинения Баха для скрипки соло – у него есть замечательные партиты.

Примечание: У Иоганна Себастьяна Баха есть сборник «Сонаты и партиты для скрипки соло», включающий в себя шесть сочинений: три сонаты и три партиты.

Под влиянием старшего брата я начала слушать русский рок – и такая музыка мне тоже очень нравилась. Одно время, лет в четырнадцать, даже играла в разных коллективах. И рок тоже исполняли. Я много направлений успела попробовать.

Росла на детских песнях – особенно тех, что звучали в мультфильмах. Когда у нас появилось аниме, с удовольствием слушала саундтреки к тайтлам. Можно сказать, что мои разнообразные музыкальные вкусы сформированы интересом к самым разным направлениям и хорошей памятью.

Всё это тоже послужило толчком к моему творческому развитию. Сейчас я скрипачка симфонического оркестра, всю жизнь «шла по музыке» – закончила музыкальную школу, училище, консерваторию... Всё как полагается. Мои родители не музыканты. Мама когда-то играла на контрабасе, ещё в детском лагере, но хобби не стало профессией – она всю жизнь занималась нами с братом и хозяйством. Но мои музыкальные интересы мама всегда поддерживала. Кажется, отдать меня в музыкальную школу было как раз её инициативой.

С самого начала учителя отметили, что у меня хорошие слух, память и чувство ритма. А это было главным, чтобы – при должном труде, конечно, – состояться как музыкант.

– Начали сразу со скрипки?

– Нет, моим первым инструментом была не она. Лет в пять в гостях у маминной подруги я впервые добралась до клавиш. Мама подловила меня, когда я пальцем на слух настукивала по клавишам мелодию. Она сразу же отдала меня в педагогическое распоряжение подруге – учиться фортепиано. А в шесть лет я уже пошла в музыкальную школу. Там меня встретили с распростёртыми объятиями – ребёнок заинтересованный и с подготовкой. Но взяли меня на скрипку. Сказали, что с моими данными больше всего подходит она. Я тогда даже не знала, что это за устройство такое – скрипка, и хотела на уже знакомый инструмент. Пришлось меня уговаривать. Уговорили. Позднее родители купили мне и желанное фортепиано. Хорошее, дорогое. Сколько себя помню, я всё свободное время проводила за ним. Гуляла тоже, как все дети, но большую часть дня посвящала любимому инструменту. То на слух подбирала знакомые мелодии, то сама на ходу сочиняла. Мне очень нравилась музыка из кинофильмов «Ромео и Джульетта», «Крёстный отец»...

Хотя я всю жизнь играю на скрипке произведения классиков, которые очень люблю, мне всегда хотелось играть и что-то своё. Лет с пятнадцати-шестнадцати я начала уже с толком и расстановкой сочинять музыку. Играла в группах, работала в оркестре. Мои музыкальные горизонты тоже расширились – интересы и репертуар вышли за пределы классики и любимого кино. В восемнадцать лет я настолько увлеклась композицией, что мы с моей командой сочинили саундтрек к короткометражке на Британский кинофестиваль в Ташкенте, там я тогда жила и училась. Наша музыка получила приз зрительских симпатий. После этого с собственным творчеством я немного притормозила: нужно было осваивать профессию – больше времени посвящать

скрипке, работать. Довелось активно участвовать в международных конкурсах, в различных фестивалях. А потом я переехала в Тюмень и уже здесь продолжила карьеру скрипачки. Даже не думала поначалу, что когда-нибудь смогу вернуться к композиции. Только в последние пять-шесть лет снова стала писать музыку. Сейчас по-прежнему работаю в оркестре, но меня всё больше тянет к творчеству.

Постепенно дело пошло: я собрала ансамбли ирландской (Green Dance), еврейской, балканской, авторской музыки, рок-ансамбль... Струнный квартет у меня организовался ещё раньше – как раз около пяти лет назад. До сих пор пишу для него композиции. И всё это мне очень близко, по душе. Это моё. Во всех ансамблях мы играем много каверов, но своей музыки становится всё больше. Планы у нас грандиозные.

– Почему именно классическая музыка – самая сложная и насыщенная?

– В двух словах тут не объяснить. Но одно могу сказать точно: хорошая музыка развивает, очищает. Желая всем почаще ходить на классические концерты, потому что там можно насладиться творениями действительно гениальных композиторов. Тем более что наш Тюменский филармонический оркестр во главе с Юрием Владимировичем Медяником с задачей исполнителей высокой музыки справляется замечательно. В этом сезоне осень началась с Георгия Васильевича Свиридова, Сергея Васильевича Рахманинова и других потрясающих композиторов. И Свиридов, и Рахманинов, наряду с Петром Ильичом Чайковским, Иоганном Себастьяном Бахом, Вольфгангом Амадеем Моцартом, – мои любимые композиторы. Мы всегда очень ждём заинтересованных слушателей, которых привлекают по-настоящему завораживающие, бессмертные произведения.

– Людей, желающих связать свою жизнь с искусством, немало, но многие мечтатели склонны идеализировать творческий труд, представляя его главным двигателем вдохновения и забывая

**Струнный
квартет
UnaCorda,
концерт
авторской
музыки Ксении
Вецак и Игната
Логачёва
«Теория струн.
Вибрация».**

Фото из личного
архива Ксении
Вецак.

Автор неизвестен

о долгой и кропотливой работе, предшествующей появлению действительно достойного произведения. По такому случаю хочется спросить: откуда берётся музыка? Как рождается творческий замысел, с чего начинается работа? Как поддерживается вдохновение и насколько всё же велика его роль?

– У меня подобное часто спрашивают. Если честно, это вопрос, на который сложно ответить нахрапом. Но точно могу сказать одно: чтобы написать хорошую музыку, нужно как следует потрудиться. Много потрудиться. Необходимо чувствовать гармонию, понимать инструментовку.

Примечание: Под гармониями в музыке понимается определённая логика сочетания и последовательности звуков, а также сама наука об этих принципах звуко сочетания. Существуют различные элементы, виды гармонии и правила построения гармонических структур.

Ксения Вецак.
Фото А. Ангел

Инструментовкой называют саму запись музыкального произведения в виде партитуры, переложение для оркестра произведения, написанного для одного инструмента или другого состава музыкальных инструментов. Такое же название носит и сам раздел теории музыки, посвящённый принципам записи произведения. В этом же разделе изучаются и особенности звучания различных инструментов, а также их сочетания в ансамбле или оркестре.

Это самые базовые умения, но даже за ними лежит огромный багаж знаний и опыта. И всё это – время и труд. Кроме того, необходим и музыкальный кругозор. Недавно у нас, помимо Тюменской филармонии, где прошла серия моих абонементных авторских концертов, был концерт в Тобольском драматическом театре. Это действительно нелегко – и подготовка к концертам, и сами концерты. У меня есть камерное музыкальное произведение «Отче Боже, храни нас», которое я писала два месяца, если не больше, работая над ним почти каждый день. И это притом, что идея этого произведения появилась ещё за год до начала регулярной работы над ним. Создание музыки – это очень кропотливая работа. И не только технически. Всё время нужно думать, что именно ты хочешь сказать своей музыкой: для чего пишешь именно такой код гармонии, почему хочешь дать пространство соло скрипки или выделить партию альты. Такие рассуждения и переживания естественны для любого композитора. Представить своё творение на суд публике – огромная ответственность. И ещё более волнительно показывать свою работу коллегам-музыкантам. Ведь они будут это произведение исполнять, и у них уже есть собственный немалый, во многом близкий твоему, опыт в музыке. Хочется, чтобы созданную тобой музыку признавали и любили ближайшие к ней люди.

С чего начинается музыка? Знаете, в моей авторской музыке есть такое произведение – «Зимний ветер». Всё случилось в феврале. Я шла по улице, и меня сносило насквозь продувающим холодным ветром. До дома было, на моё счастье, недалеко. Но и этого короткого пути хватило, чтобы я вся промёрзла. В какой-то момент я чуть не упала от резкого порыва... И вдруг щёлкнуло. Стало тревожно и волнительно. Я бегом прибежала домой. Села за фортепиано и, быстро нажав кнопку записи, начала играть. Через пару дней я снова вернулась к зимней мелодии, сыграла снова и стала её шлифовать. Сидела, словно в крошечной темноте, полностью погружённая в воспоминания о том резком порыве ветра. Если какая-то мелодия меня зацепит, засядет в голове, я не успокоюсь, пока не сделаю из неё музыку, пока она не будет сыграна музыкантами.

Вдохновение – вещь капризная, я его не жду. Да, бывает, что оно приходит: вдруг тебе становится волнительно, может необъяснимо накрыть ра-

дось, грусть, тревога или глубокая тоска... В такие моменты я доверяю этому странному настроению, стараюсь его удержать. Почувствовать вместе с этим настроением подходящую ему мелодию. Но чаще всё приходит в работе. Я сажусь за компьютер, делаю аранжировки и просто рассуждаю, что бы я хотела написать под влиянием моих нынешних переживаний. И постепенно мелодия приходит сама по себе. А бывает, что мелодия не торопится. Тогда я просто на день-два откладываю работу над композицией – жду, пока мелодия придёт.

– Когда вы работаете как аранжировщик, как воспринимаете произведение коллеги по ремеслу? Становится ли оно более родным, «осваивается» ли? Бывает ли тяжело дополнить работу другого композитора?

– Как я себя ощущаю, когда мы играем работы коллег... Это, к слову, у нас довольно частая история. В оркестре мы нередко играем аранжировки – особенно это касается неклассических программ, например, эстрадных. Исполняем работы разных аранжировщиков. Постепенно я их изучаю, прощупываю их стиль, подмечаю особенности. С некоторых пор коллеги стали говорить, что и у меня уже вырабатывается свой стиль. Больше всего это заметно в авторской музыке, в том числе в нашем ирландском репертуаре – для него я написала уже почти десяток композиций. Когда мы играем чужие аранжировки, меня порой тянет что-то переделать – не всегда бываю согласна с решениями других авторов. Но я уважаю их взгляд на музыку и их работу и счастлива быть их коллегой. Пять лет назад я бы и не подумала, что смогу сказать: «Я аранжировщик». И тем более не думала, что мою собственную музыку сыграют, что у нас будет целый абонемент

Ансамбль Siberia Klezmer band.

Фото Д. Сиялова

из трёх концертов... Я не самоуверенный человек – начать писать музыку, представить её публике было для меня серьёзным шагом, давшимся с огромным трудом. Но, думаю, все композиторы переживают о том, как примут их творчество, сомневаются в себе. К тому моменту, когда я смогла преодолеть свои страхи, сомнения и выйти в свет, у меня уже накопилось столько мыслей, идей, нотных наработок... А вдохновил меня на создание музыки мой муж. Он скрипач, во всех наших ансамблях играет первую скрипку и первый человек, поддержавший меня в моих композиторских начинаниях. После серии авторских концертов нами заинтересовалась филармония, и нам сделали абонемент. Я уже больше верила в себя и в свою музыку. Тюменцы стали меня узнавать, слушать, приходиться на выступления. От этого очень радостно. И я искренне благодарна администрации нашей филармонии за такую большую поддержку.

– В вашей группе во «ВКонтакте» нашла проникновенную нежно-трагичную «Ностальгию по свету. Любовь и смерть. Романовы», созданную вами, и глубоко и мягко звучащую May it be с замечательным вокалом Анастасии Русановой, а вместе с ней не менее ностальгичную и тёплую тему Шири. Хотелось спросить о вашем творческом выборе. Почему царевны Романовы (страшная и трагичная история), May it be и тема Шири Говарда Лесли Шора из фильма «Властелин Колец» (светлые и сказочные)?

Я посвящаю музыку тому, что меня особенно трогает, находит отклик в душе. Некоторые переживания и мысли я носила в себе годами, пока, наконец, не превратила их в музыку. С «Ностальгией по свету...» было именно так. Когда мне было 22

года, я впервые услышала в подробностях трагическую историю царской семьи. Рассказала мне её гид в селе Покровском, в доме-музее Распутина. Я ужаснулась услышанному, разревелась прямо там... И до сих пор мне не даёт покоя эта история. Связан с ней и ещё один сюжет из моей жизни. Около пяти лет назад я посетила Храм на крови в Екатеринбурге. Я верующий человек, хожу в православный... Но когда я вошла в тот храм, меня просто пробрало. У меня снова потекли слёзы. Я плакала и никак не могла остановиться. Не могу забыть услышанное в Покровском. Как увижу иконы Романовых, Николая Чудотворца или Божией матери – наворачиваются слёзы. Ни смотреть спокойно, ни дотронуться до

**Струнный квартет
UnaCorda.**

Фото И. Батурина

икон не могу. Словно чувствую глубокую обиду за царскую семью. Да, в мире было, есть и ещё будет много несправедливости. Но почему-то меня сильно тянет в ту царскую Россию, в те времена. Я родилась в Ташкенте, но душой чувствую, что моё место здесь, моя земля здесь. И эта любовь к России вдохновляет. Вдохновляет и сама Россия: её простор, сосны, чистые озёра... И русская музыка с моим любимым Чайковским. У нас и день рождения с ним в один день, может, оттого он и Россия кажутся ещё роднее.

Я стараюсь писать такую музыку, которая понравится не только мне, но и исполнителям, ведь это они будут её играть. Если произведение нравится музыканту, он и играет его с душой. Это чувствует и слушатель – и тоже проникается музыкой. Весь смысл труда композитора и музыкантов в том, чтобы слушатель любил их музыку. Потому что важно, что мы играем – классическую или свою, каким ансамблем выступаем, – она должна нравиться. И нравиться всем: мне, музыкантам, слушателям. Если публика счастлива, то счастливы и мы.

– Часто во время работы над одним произведением у творца рождается замысел другого. Какие у вас сейчас творческие мечты, цели и планы?

– В конце октября будет мой авторский концерт. Почти второй дебют, ведь мы планируем сыграть много новых произведений. Программа ещё готовится, но я уверена, что мы сможем порадовать и зрителей, которые знакомы с моими прошлогодними композициями, и гостей, которые посетят наше выступление впервые. Надеюсь, что слушатели оценят наши старания и профессиональный рост. Я люблю свою музыку и очень хочу, чтобы её любили и мои слушатели. Мы ждём всех ценителей музыкального искусства на концерте. В этом году у нас запланированы две программы: будет народная ирландская, еврейская и балканская музыка. Намечены два интересных концерта с оркестром и два дебютных выступления новых ансамблей. Первый – «Пески времени» – играет восточные мотивы. Второй – ансамбль русской музыки, совмещённой с неоклассикой, представит необычную программу «Гжель и хохлома». Будет и моя авторская, и музыка русских классиков в современной обработке. Я надеюсь, что получится классно, ярко и красиво.

Есть и творческие планы, не привязанные к готовящимся мероприятиям. Мне очень нравятся русские сказки, и я давно хочу к какой-нибудь написать музыку. К какой именно – пока не определилась, выбираю. Вот и все мои планы на год. А о более масштабных и отдалённых проектах сейчас умолчу.

Влюблённые в Слово...

Тюменский областной Совет молодых литераторов Союза писателей России пополняется новыми талантами, проводит общественную работу и учится.

Совет молодых литераторов (СМЛ СПР) – структура внутри Союза писателей России. Его цель – поддержка пишущей молодёжи и развитие литературной среды как в регионах, так и на всероссийском уровне. Совет предназначен для поиска, обучения и продвижения молодых авторов, а также для создания единого молодёжного творческого сообщества.

В тюменской области СМЛ впервые появился в 2023 году в городе Тобольске. Год спустя в областной столице было создано его региональное отделение. Руководителем организации стала Екатерина Назарова, поэт, бывший куратор проекта «Литературный лицей», из которого, собственно, и вышел первый состав участников Совета. Постепенно в организацию стали вступать ребята из других творческих объединений города и области. Начинаящие авторы сразу же поддержали самые значимые проекты Союза писателей России – участвовали в презентациях сборников, в форумах и фестивалях, выступали в городских библиотеках, ездили на гастроли. Но обо всём по порядку...

В первые месяцы существования ТО СМЛ активно набирал авторов, организовывал литературные вечера и читки. Состоялась и первая большая публикация – литературный сборник «Источник», изданный в рамках проекта «Источник: развитие молодёжного писательского сообщества Тюмени» (проект, реализованный АНО «ДМЦ «Грин Хелперс» на средства муниципального гранта администрации города Тюмени). Произведения для него отбирались конкурсным путём – с помощью голосования экспертного жюри. По итогам определились девять авторов: Екатерина Назарова, Дарья Эдильгирева, Николай Сосновкин, Наталья Федотова, Алёна Заика, Евгения Иванова, Ирина Иванченко, Елизавета Молчанова и Екатерина Битюкова.

Со временем у молодёжной организации появились друзья и партнёры. В том числе – Литературный клуб ТюмГУ «Лисий хвост», с которым уже состоялось множество совместных мероприятий: литературные семинары, литературный стендап «Молодые звёзды тюменской литературы», встречи со студентами и школьниками, а также совместные образовательные экскурсии для авторов Совета и Литературного клуба.

Знаковым мероприятием весны 2025 года стало участие руководителя Совета Екатерины Назаровой в проекте СПР «Проводники культуры», который был реализован при поддержке Президентского фонда культурных инициатив. В рамках проекта делегация организации побывала в новых регионах страны: в городах Донецк, Мариуполь, Луганск, Макеевка, Торез, Снежное, Новоазовск, Ровеньки, а также посетила мемориал «Саур-Могила». Гости выступали перед местными жителями и ветеранами специальной военной операции. Екатерина Назарова подарила библиотекам ДНР и ЛНР экземпляры сборника «Источник» и другую литературу, пересланную авторами Совета. Также она передала бойцам слова благодарности и тёплые пожелания от тюменской писательской организации и выступила со своими стихами. О поездке позже вышла заметка на портале «Викулово72.ру» авторства Анны Наумовой, журналистки и члена ТО СМЛ.

Екатерина Назарова так написала об этих встречах: *«Знать о специальной военной операции из новостей, новой художественной литературы и рассказов историков – это, безусловно, полезно каждому автору. Но ничто не создаёт такое неподдельное, яркое впечатление о событиях по-настоящему исторического масштаба, как разговоры с их участниками – ветеранами, стоящими на защите наших Родины и языка с самого начала войны, с детьми, родившимися и выросшими во время неё. Ничто не создаёт нужную картину в голове для написания строк о героях так досто-*

**Семинар
Совета молодых
литераторов
с Антониной
Марковой.**
Фото Е. Назаровой

верно, как увиденные руины городов, кратер от «хаймарса» посреди Донецка, живущего уже почти мирной жизнью, как ордена и медали на груди абсолютно каждого зрителя в зале, пришедшего послушать ваши стихи... вот тут и просыпается совесть. Вот тут и не может быть писать теперь больше ничего, кроме правды».

Надёжным партнёром Совета стало Тюменское отделение Союза писателей России – регулярно его авторы выступают спикерами на молодёжных литературных семинарах. В 2025 году в этом качестве побывали Сергей Козлов, Антонина Маркова, Юлия Елина, Наталья Корсак и Екатерина Выдрина.

Отзывом о проведённых наставниками мастер-классах делится их участница Наталья Федотова:

«Моё знакомство с литературным миром Тюмени произошло на конкурсе «Источник» в прошлом году. Для меня было неожиданно и приятно стать финалисткой, занять второе место. Но конкурс работы, к сожалению, не рецензируются, а автору хочется получить обратную связь. Здорово, что для этого есть литературные семинары. Для меня семинар – это не только возможность услышать мнение профессионалов, но и точка входа в сообщество единомышленников. Мне удалось побывать на семинаре, который проводила Антонина Маркова. У меня было предубеждение: если собираются обсуждать творчество, значит, собираются только «песочить». От этого было волнительно. Но я не угадала, и на семинаре Антонина Юрьевна провела настоящий тренинг креативности! А комментарии к произведениям мы получили индивидуально в формате письма. Для меня это было вдохновляюще, я почувствовала поддержку и по-другому взглянула на некоторые моменты в своих стихах. Было здорово ощутить состояние продуктивного общения с другими авторами. Благодарю за возможности!»

Делегация Союза писателей России у мемориала «Саур-Могилы», ДНР.

Фото Е. Московченко

Кроме сборника «Источник», произведения Натальи теперь изданы и в сборнике от Всероссийской поэтической премии им. А.С. Пушкина «Перо и слово» издательства «ИздатНик». Наталья – из тех авторов, которые принимают активное участие в мероприятиях Совета и проектах Союза писателей России. Она не только посещает семинары, но и участвует в конкурсах, образовательных форумах и фестивалях, в том числе всероссийского уровня.

Результатом регулярных лекций, мастер-классов и встреч с писателями-профессионалами стала большая победа авторов ТО СМЛ: пять человек прошли отбор в Школы литературного мастерства Союза писателей России. В списки победителей, которые примут участие в Школе литературного мастерства им. А.А. Ахматовой в Санкт-Петербурге, вошла руководитель ТО СМЛ Екатерина Назарова, а в списки победителей, отобранных в Школу литературного мастерства «КоРифеи» в Уфе, – авторы Совета Евгения Иванова, Наталья Федотова, Дарья Эдильгириева и Ирина Иванченко. Надо отметить, что Ирина удостоилась большого признания – она стала Стипендиатом государственной стипендии для выдающихся деятелей культуры и искусства России – 2025.

Своими эмоциями от победы делится Дарья Эдильгириева:

«Недавно стала победителем в номинации «Проза» Школы литературного мастерства «КоРифеи» от Союза писателей России, и я очень рада, что поеду в Уфу, где буду учиться бок о бок с авторами Уральского и Приволжского федеральных округов. Это событие – отличная возможность проявить себя, показать, чего достигла как автор, а также научиться новым писательским приёмам и познакомиться с интересными людьми!»

Дарья, помимо этой победы, одержала ещё одну в августе 2025 года – на голосовании внутри Совета молодых литераторов её единогласно избрали заместителем руководителя ТО СМЛ.

Дарья Эдильгириева – студентка ТюмГУ, влюблённая в литературу. Интересный факт – она учится на биолога, но это не мешает (а может, и помогает) ей заниматься литературой, писать прозу, побеждать в конкурсах и организовывать мероприятия для других студентов вуза. В прошлом году Дарья решила возродить Литературный клуб ТюмГУ, который когда-то вёл Владислав Крапивин, затем Сергей Козлов, а позже университет забросил это дело. Конечно, выступает она здесь не как наставник, а как организатор: возрождённый ею клуб сейчас называется «Лисий хвост», имеет широкий постоянный круг студентов-литераторов (большинство из которых вступили и в СМЛ), а также собственных наставников из числа преподавательского состава университета.

Ещё одна победительница в отборе в Школу литературного мастерства «КоРифеи» и активная участница литературных семинаров Алёна Заика отмечает важность участия в семинарах: *«Совершенно незаметно оно встало для меня на один уровень с участием в литературных конкурсах. Не каждый конкурс дарит тебе победу или хоть какой-нибудь отклик, а семинар – это сплав искренней критики и душевной атмосферы. Нечто шедевральное, отлитое из этого сплава, уносишь в душе домой вместе с азартной мыслью: «А в следующий раз отправлю что-нибудь вот эдакое,*

Участники Школы литературного мастерства им. А.А. Ахматовой в Санкт-Петербурге.
Фото Союза писателей России

Победители «Гришинских проталин».
Фото Централизованной городской библиотечной системы г. Тюмени

чтобы точно всех удивить!» И иногда получается! Спасибо мастерам и организаторам за их участие, время и силы!»

Каждый из авторов, бывавших на семинарах и других встречах Совета, отмечает, что общение с единомышленниками и получение обратной связи мотивирует их писать больше и лучше, развиваться и учиться новому. Сегодня ребята издаются в альманахе «Фронтальной сборник. Школьникам о героях», конкурсных сборниках «Источник» и «Гришинские проталины», в антологии литературного авангарда «Чёрный чай», в «Антологии русской литературы XXI века», в журнале «Сибирское богатство» и газете «Тюменская область сегодня». И очень важно, что у них есть возможность доступа к общероссийским форумам – авторы СМЛ принимают участие во Всероссийском фестивале «Капитан Грэй», «ВСЕМ-ПОЭЗИИ-2025», в городских фестивалях «Тёплые коты», «Соседи 2.0», «Пикник книг» и в конкурсе «Книга года». Совет активно сотрудничает с региональными вузами и СМИ, городскими библиотеками, сторонними писательскими организациями, активно взаимодействует с социокультурной средой региона, стремясь объединить начинающих творцов из разных его сообществ и городов, открывать новые имена и помогать им развивать свой талант.

Наши молодые поэты и прозаики пишут, но ещё важнее – они читают и слушают. И отмечают, что страна возвращается к Слову, к литературе, которая изначально была основой для всей культуры России.

Когда театр хочет жить, бессильны революции и войны

Три крупные театральные даты отмечает в этом году Тюмень. 135 лет со дня рождения Текутьевского театра, 105 лет со дня появления в городе народного театра и 80 лет – Тюменскому кукольному театру. Большая история! Тут есть что вспомнить...

От Текутьевского до областного

Любопытно, что Тюменский драматический театр нынче отметит аж 167 лет. Как же так, спросите вы? Почему драмтеатр оказался старше Текутьевского на целых 33 года? Всё просто – своё летоисчисление наша «драма» решила вести не от создания в городе первого стационарного театра

Спектакль «Не всё коту масленица», Алексей Шешуков в роли Ипполита и Татьяна Кисловская в роли Агнички (Народный театр). Фото Ю. Хозяинова

(что было бы логичным), а от первого представления, которое состоялось в зале женской гимназии.

Инициатором той театральной постановки стал купец и городской голова Кондратий Шешуков. Спектакль был благотворительным, нацеленным исключительно на сбор средств для женской школы. И играли в нём не профессиональные актёры, а гимназистки, учителя, купцы и сам Шешуков.

Между прочим, эту постановку артисты-любители показывали в течение целого года и собирали полные залы.

Первый показ состоялся в декабре 1857 года. Однако отсчёт истории драматического театра начался с 1858-го. Почему, опять возникает вопрос? А потому, что в том году к нам пожаловал некий петербургский гость, который выразил восхищение любительским спектаклем, и этот факт зафиксировали.

А после наступило затишье, пока в провинциальную Тюмень не потянулись на гастроли заезжие театральные труппы. Но всё это были, говоря современным языком, разовые акции. Настоящий театр в нашем городе решил устроить купец I гильдии и известный городской благотворитель Андрей Текутьев. Театральное дело под своё попечительство он взял в 1890 году.

Вообще-то Андрей Иванович занимался торговлей мукой и продуктами переработки леса. Казалось бы, где он и где театр? Но Текутьев был страстным любителем театральных постановок, потому и перестроил к 1892 году одно из собственных зданий под театр. Причём с размахом – зал на 500 мест, партер, ложи, да ещё и трёхъярусный балкон! Добротное кирпичное строение Текутьевского театра располагалось напротив нынешнего Дворца творчества и спорта «Пионер».

Поначалу на его подмостках выступали гастролёры, но постепенно в Тюмени сформировалась собственная театральная труппа. Помимо мелодраматических и исторических спектаклей, комедий и бытовых драм, здесь устраивали концерты, танцевальные вечера и маскарады. Летом на сцене театра выступали гастрوليрующие оперные певцы.

Кстати, уже тогда театр обращался к постановкам по произведениям местных авторов, таких как Надежда Лухманова и Пётр Рогозинский. А в 1902-м Текутьев даже организовал первый в истории Тюмени кинопоказ. Фильм демонстрировал француз Дерсен.

В 1909 году зал в театре расширили до 1 200 мест, стали давать от 3 до 5 спектаклей в день. Началась по-настоящему профессиональная работа.

Хотелось бы упомянуть ещё о том, что в 1915 году на сцене Текутьевского театра с лекциями о поэзии и чтением стихов выступал широко известный и очень популярный в то время поэт-символист Константин Бальмонт.

Андрей Иванович содержал театр и его оркестр на протяжении 26 лет, до самой смерти. Он платил артистам и музыкантам зарплату. 100 мест в зале отводил для своих рабочих и служащих, которые могли посещать театр бесплатно. Для остальных тюменцев билеты стоили от 30 копеек до 1 рубля 30 копеек.

Надо сказать, что Текутьев сумел сделать тюменский театр известным даже за пределами нашего города. Сохранились свидетельства о том, что в Тюмень на спектакли приезжали купцы из разных

уголков Западной Сибири.

Незадолго до ухода из жизни в 1916 году Андрей Иванович завещал своё детище любимому городу. А меньше, чем через два года, в Тюмени установилась советская власть, и в зрительном зале театра стали устраивать митинги для рабочих и крестьян. Кстати, именно здесь 22 августа 1919 года, проведя общегородское собрание молодёжи, организовали комсомольскую организацию Тюмени. В октябре того же года театру присвоили имя Ленина.

Впереди была новая жизнь. Сам нарком просвещения Анатолий Луначарский прислал в Тюмень режиссёра Малого театра Муравьёва, который должен был заняться формированием труппы. Однако, оказалось, что профессиональных актёров в сибирском захолустье на новом витке истории днём с огнём не найти. И тогда, чтобы выращивать местных артистов, в 1920 году при театре создали студию сценического искусства. А 30 сентября 1922-го здание театра охватил пожар. За четыре часа оно было уничтожено огнём. Позднее на этом месте построили двухэтажный жилой дом.

Только через два года, в марте 1924-го, театр под названием «Камерный» вновь открыл двери для своих зрителей. На этот раз в помещении бывшего кинотеатра «Победа», где до революции находился магазин Агафуровых (а позже кинотеатр «Темп»). Здесь тюменская «драма» просуществовала 11 лет.

В горсовете подумывали о строительстве нового здания, но поскольку средств на это не было, под театр решили переоборудовать бывшие купеческие соляные склады. Кому они раньше принадлежали, сейчас точно никто не знает. Вряд ли Текутьеву. Среди торговцев солью Андрей Иванович не упоминается ни в одном из сохранившихся документов.

Камерный театр возглавлял Сергей Сабуров-Долинин, который также был и актёром, и режиссёром, и писателем. До и после Тюмени он работал в разных городах. В театральной истории того периода особое место занимает сезон 1926 года, когда на тюменской сцене работали актёры Ленинградского академического театра: Сама-

Текутьевский театр

ров, Дымоковская, Реут, Виноградова, Дмитриев, Чернорудный. В репертуаре были исторические драмы и музыкальные спектакли, русская классика и революционные постановки.

Новое здание театра в бывших соляных складах открыли в 1935 году, а в 1938-м была создана стабильная труппа. С образованием в августе 1944 года Тюменской области театр получил статус областного. Началась новая история, которую многие тюменцы хорошо знают.

Тернистый путь народного театра

Тюменский народный театр ведёт свою историю с 1920 года. Всё началось с того, что энтузиасты клуба имени Ильича станции Тюмень организовали кружок любителей театра, в который входили рабочие железной дороги. Даже не верится – во время гражданской войны! На складе купца Ижболдина, переоборудованном под клуб тюменских железнодорожников, был поставлен первый любительский спектакль «Ревизор» по Гоголю. Режиссёром-постановщиком выступил член кружка – ревизор (какое совпадение!) железной дороги Тимашев.

Железнодорожное ведомство сумело создать для самодеятельного коллектива солидную материальную базу. Руководили театром профессиональные актёры. Ставили «Любовь Яровую» Тренева, «Юность отцов» Горбатова, «Мать своих детей» Афиногенова, «Хитроумную влюблённую» Лопе де Вега, «Коварство и любовь» Шиллера, «Вассу Железнову» Горького, «Слугу двух господ» Гольдони. Актёры играли в домах отдыха, на предприятиях города. Благодаря весомой финансовой поддержке и достойным постановкам коллектив даже выезжал на гастроли.

В 1960-х театр стал завоёвывать первые призы на зональных смотрах. Тогда же коллектив получил звание народного. Ещё в 1953 году самодеятельный театр возглавил актёр тюменской «драмы» Виктор Шмаков и отдал ему почти сорок лет жизни. После его смерти дело в свои руки взял сын – Владимир Шмаков. Театром он руководит до сих пор.

Владимир Викторович с детства пропадал на отцовской работе. И, естественно, был привлекаем к творческому процессу. Он сыграл свою первую роль будучи учеником младших классов. В спектакле «Часики бирюзовые» изображал медвежонка. А вот со второй ролью не справился. Не смог «умереть» на сцене в спектакле «Виват Куба!». До окончания школы были ещё роли. Шмаков-младший играл дозорного в сказке об Иване Царевиче, Бабу-Ягу в «Двух клёнах».

К слову, с этой Бабой-Ягой он успешно прошёл конкурс (шесть человек на место) в Челябинском институте культуры. Учился на клубного работника. Преподаватели относились к нему с недоверием, были уверены, что он в самодеятельности не

Некоторым тюменцам кажется, что после «развода» с народным театром ДК «Железнодорожник» немного заскучал. Фото В. Ермаковой

останется, уйдёт в профессиональные актёры. «Не уйду!» — твёрдо решил Шмаков. И не ушёл.

После выпуска он работал в Доме народного творчества методистом по театральной самодеятельности, курировал 20 народных театров (столько их было тогда в области). Во Дворце пионеров вёл театральный кружок, в Доме учителя возглавлял любительский театр, занимался с детьми в Доме творчества «Радуга», в профсоюзном клубе «Сибкомплектмонтажа» руководил агитбригадой. Послужной список солидный. В него следует добавить ещё работу в детской студии отцовского театра. Владимир Викторович ставил с ребятами новогодние сказки.

В лучшие времена труппа народного театра насчитывала 50 человек. В 2005 году, после того как коллектив оказался на улице, с Владимиром Шмаковым остались около 20 энтузиастов.

Беда пришла, когда руководство железной дороги решило поменять юридическое лицо и заодно избавиться от «балласта», в первую очередь от убыточной самодеятельности. Театр хоть и умел зарабатывать деньги на спектаклях (видать, недостаточно), тоже лишился ставки руководителя. Актёрам-любителям аккуратно намекнули, что они здесь больше не нужны.

Тогда упрямый Шмаков решил работать за так. Встал на биржу труда. Даже менеджерские курсы окончил на всякий случай. Но театр не бросил. Тем временем железнодорожники продолжали подталкивать артистов театра к выходу. Ссылаясь на ремонт, просили убрать декорации и реквизит.

Владимир Викторович рассказывал, что их долго не решались выгнать окончательно, а потом погрузили театральные декорации на четыре машины и вывезли на свалку. Реквизит сожгли прямо возле дворца. Актёры испугались за костюмы. Забрали все, что осталось, – и дёрну! Для них это был большой удар.

Через некоторое время Владимиру Шмакову удалось выбить себе ставку руководителя театра в городском комитете по культуре. Коллективу предложили на выбор помещения на задворках Тюмени – в домах культуры ММС, Мыса, посёлков Тарманы, Антипино. Владимир Викторович задумался. Ездить после работы на репетиции в такую даль – кого это устроит? «А что вы хотите? – услышал он. – Самодеятельность сейчас никому не нужна!» Знал бы тот, кто сказал это, что в народном театре начинали такие профессиональные актёры Тюменской «драмы», как Константин Антипов, Ольга Игонина, Ирина Тутулова, Валерий Рябков, может, проявил бы больше уважения к Шмакову?

В конце концов народный театр получил угол в клубе овчинно-меховой фабрики (бывший особняк купца Филимона Колмогорова) и продержался там всего полтора года. В зрительном зале стал осыпаться потолок. Здание закрыли на ремонт.

Декорации, реквизит и костюмы народного театра, оставшиеся после «развода» с ДК «Железнодорожник», хранились в подвалах «Торфяника» и дома Колмогорова. Артистов на время приютил известный в городе ценитель искусства во всех его проявлениях Юрий Хозяинов. Тогда он был предпринимателем, и у него имелся свой офис, где и стали репетировать. Юрий Семёнович тоже начал актёрствовать и влился в театр.

Иногда самодеятельные актёры репетировали в ДК «Орфей». Несмотря на трудности, даже сделали новый спектакль «Хочу купить вашего мужа» по пьесе Михаила Задорнова. Сыграли его в санаториях «Тараскуль» и «Сибирь».

Дом Колмогорова находился на реставрации четыре года. Весной 2012-го Владимиру Шмакову и его коллективу предложили вернуться в отремонтированное здание, где открылся Центр татарской культуры. Татары тепло приняли театр, он получил хорошую сцену, оборудование и зал на 200 человек. Новоселье справили, показав спектакль «Идеальный возраст».

Сегодня театр живёт хорошо, уверяет Юрий Хозяинов. Буквально за последние два года в коллектив влилось много новых артистов. Публика знает и любит народный театр. На спектаклях зал битком. Зрители, которым не досталось места, в проходах стоят. Из-за этого на некоторые постановки даже начали продавать билеты. Спектакли играют раз в месяц.

Актриса Татьяна Кисловская, которая в театре уже 14 лет, подтверждает, что самодеятельные актёры собирают аншлаги. Конечно, на большинство спектаклей вход свободный. Однако при отсутствии свободных мест, сами зрители предлагают деньги, чтобы только попасть в зал.

В театре играют люди разных профессий. Есть медики, геологи, бизнесмены, чиновники, учителя, а также студенты и пенсионеры. Самым юным актёрам от 12 до 15 лет. Самым возрастным – по 70 лет.

Как рассказала Татьяна Кисловская, в народном театре давно хотят поставить спектакль по пьесе «Сибирский Риголетто», которую в 1900 году опубликовала невестка купца Колмогорова Надежда Лухманова. Произведение в одной из московских библиотек отыскала старейшая актриса театра Светлана Рожена. Материал пока ждёт своего часа. Руководитель и режиссёр театра Владимир Шмаков и его артисты ищут подход к нему. А пока готовят водеvil «Беда от нежного сердца» по произведению Владимира Соллогуба и спектакль по пьесе Александра Галина «Ретро». Кроме того, в сентябре публике представят постановку по работе Антона Чехова «Юбилей». Спектакль будет посвящён юбилею Светланы Рожена. Светлана Михайловна исполнит в нём роль Мерчуткиной.

Театр кукол не только для детей!

Тюменский театр кукол появился на свет после Великой Отечественной войны – в самом конце 1945 года. Показ первого спектакля «О плаксе Топси» по пьесе тюменской журналистки Любви Карабановой состоялся 22 декабря. Официально создание нового театра было зафиксировано спустя полгода – 1 мая 1946-го.

Известно, что своим рождением кукольный театр был обязан актрисе Тюменской «драмы» Екатерине Стивинной. Это она собрала группу актёров-энтузиастов, которые осуществили первую постановку.

У театра не было своего дома, его называли «блуждающим». Несмотря на это, кукольники создавали новые спектакли и радовали тюменских ребятишек. К 1960-м они активно гастролировали по всей области. Сохранились сведения, что артисты давали по 4-5 спектаклей в день!

Только в 1962 году театр обрёл крышу над головой в старом деревянном строении по улице Ленина, 48. Увы, там было невозможно ни ставить, ни играть спектакли. Не придумав ничего лучше, Ростислав Яичников, возглавлявший тогда театр, устроил трёхдневную голодовку. Этот отчаянный жест, однако, возымел действие. Городская власть отвела театру здание бывшего детсада.

С детства знакомая мозаика Кукольного и сегодня смотрится современно.
Фото В. Ермаковой

С появлением производственных цехов молодая группа начала колесить по Омской, Томской и Свердловской областям, стала участвовать в международных фестивалях кукольных коллективов в Польше, Румынии и Болгарии.

А в 1966 году появился макет нового здания театра, его даже опубликовали в газете. Но в свой настоящий дом на улице Кирова, 36 артисты-кукольники переехали лишь в 1972 году. Это было счастье – зал на 400 мест и сцена, позволявшая давать спектакли и для детей, и для взрослых.

Уже в 1980-е годы театр стал весьма популярен у тюменцев благодаря как раз спектаклям для взрослых. Такие постановки, как «...забыть Герострата» Григория Горина и «До третьих петухов» Василия Шукшина принесли ему успех. Однако со временем по разным причинам кукольники сосредоточились в большей степени на детской аудитории, и взрослая публика стала здесь редким гостем. Правда, в 2003-м весьма успешным оказался взрослый спектакль «Король-олень» по пьесе Гоцци. Были ещё «Принцесса Брамбилла», «Дон Гуан, пир во время чумы» и «Слуга двух господ». Но их играли мало. Общее представление о театре как о детском учреждении эти постановки не изменили.

В 2000-2002 годы кукольный театр пережил реконструкцию. Финансирование работ осуществлялось из бюджета Тюменской области. Внешний вид здания существенно улучшился, преобразились и внутренние помещения. Появилось восемь новых гримёрных, а в зале благодаря установке новых кресел появился центральный проход к сцене. Саму сцену оснастили новой радио- и светоаппаратурой.

Спустя 17 лет был запланирован масштабный капитальный ремонт театра кукол с заменой механики сцены, светового и звукового оборудования, но вскоре началась пандемия коронавируса, а затем СВО. В 2021-м заговорили о строительстве нового здания театра. Но решение по данному вопросу так и не было принято. В этом же году у тюменских «кукол» появился новый директор – Роман Явныч. Он добился того, чтобы в 2024-м в Большом зале провели косметический ремонт и установили новые комфортные зрительские кресла, а затем своими силами и при спонсорской поддержке сделали ремонт в гримёрках, обставили их современной удобной мебелью, сделанной по спецзаказу. Теперь Роман Николаевич планирует в фойе на втором этаже оборудовать лаундж-зону, поставить мягкие диванчики и столики. В самом фойе для удобства юных и взрослых зрителей тоже появятся диваны и столы.

Здание на улице Кирова, 36 – одно из самых узнаваемых в городе.
Фото В. Ермаковой

Кстати, в гардеробной зоне театра к 80-му юбилейному сезону специалисты отремонтировали знаменитый театральный теремок, который был сделан тюменскими краснодеревщиками, украшая театр с 1972 года. Мастера разобрали его, почистили, привели в рабочее состояние механизм, и все фигурки в теремке завертелись. В задумках театра преобразить и дуб, стоящий в холле, сделав его ещё более сказочным.

Несмотря на то, что тюменские «куклы» остаются по-прежнему в старых стенах, театр с недавнего времени словно расправил плечи. Сюда ворвался свежий ветер – и весьма ощутимый. В самом театре говорят, что предъюбилейный сезон здесь пролетел как комета, настолько он был насыщенным и запоминающимся. В нём было сыграно рекордное число спектаклей – 906 (в 78-м сезоне – 770), кукольный театр посетило 198 230 тысяч зрителей (почти на 30 тысяч больше, чем в предыдущем сезоне). А ещё было 7 гастролей и участие в 4 фестивалях. Свои спектакли тюменские кукольники показали в Тобольске, Ялуторовске, Салехарде, Челябинске, Губкинском, Омске, Томске, Тольятти, Москве и Санкт-Петербурге. Так много по стране они ещё не ездили. Не случайно в финале предыдущего сезона артисты вручили Роману Явнычу «Золотой диплом» за открытие новых дорог и горизонтов для театра. А ещё Тюменский театр кукол получил золотую награду Международного фестиваля КУКАРТ. Лауреатом основной программы в престижной номинации «Лучший спектакль для взрослых в театре кукол» стал «Мастер и Маргарита».

В новом юбилейном сезоне зрителям представят ещё один взрослый спектакль по роману Фёдора Достоевского «Идиот». Создаёт его та же команда, что работала над «Мастером и Маргаритой». Режиссёр и автор инсценировки – Наталья Явныч, художник – Елена Волкова.

– За годы жизни театр, как человек, проживает периоды взлётов и падений. Это нормально. Хочется верить, что мы сейчас на пути вверх, – говорит Роман Явныч. – Конечно, я не думаю, что мы уже всего достигли. Почивать на лаврах никто не собирается. Тем более, что и лавров, как таковых, нет. Нет у нас громкой театральной премии и признания театрального сообщества. А это общепринятая единица измерения успеха. Честно скажу, лично для меня подобный успех не является целью. По мне, так главная единица измерения успеха – это популярность «по горизонтали» – среди зрительской аудитории. Возьмём, к примеру, продажи билетов на наш премьерный спектакль «Идиот». Они стартовали 14 июля, и через 10 дней все билеты были раскуплены. Сами такого не ожидали. А ведь мы должны были открыть ещё продажи по Пушкинской карте, которые требуют одобрения специальной комиссии. Дело это не быстрое, на него уходит недели полторы. Получив, наконец, необходимое одобрение, я открыл наш сайт и увидел, что билетов уже нет. По Пушкинской карте мы не успели продать ни одного билета! Это к вопросу об успехе у публики...

С появлением в 2023 году в репертуаре детского спектакля «Мастер и Маргарита» к театру кукол вернулась былая популярность у взрослой аудитории. Постановка стала настоящей «бомбой», её успех оказался просто потрясающим. «Мастера и Маргариту» сыграли порядка 40 раз. И не только в Тюмени, но и в Москве, Ханты-Мансийске, Салехарде и Санкт-Петербурге. Даже на июльских показах спектакля (в мёртвый сезон!) залы были битком. В новом сезоне артисты продолжают играть «Мастера и Маргариту», поскольку востребованность постановки остаётся очень высокой.

В прошлом сезоне на волне повышенного интереса аудитории к спектаклю театр придумал новый проект – творческие встречи «Мастер и Маргарита»: от замысла до воплощения». Они проходили при участии артистов, занятых в работе, и режиссёра, с показом фильма Александра Ганичева о создании спектакля. Желающих прийти на эти встречи (их провели около шести) оказалось много. Они переросли в другие, уже семейные, которые получили название «Театр кукол. Тайное оживление». На них актёры рассказывали о разных куклах, принципах работы с ними, разыгрывали сцены из спектаклей. А ещё в театре стали регулярно проводить экскурсии. Одну под названием «Твой театр кукол» ведёт актриса Зинаида Береговая, которая служит любимым «куклам» уже полвека. За вторую – «Люди театра и его закулисье» – отвечает Роман Явныч.

Водить экскурсии по театру ему очень нравится. Он ведь в своё время, а именно с 1999 по 2005 год, работал здесь и артистом, и машинистом сцены. Так что работу театра знает не только с директорского кресла, и ему есть, что рассказать. Роман Николаевич уверен, что успех у публики театр имеет в том числе и благодаря таким формам общения с ней.

Когда Явныч пришёл на место директора, он решил сделать ставку на семейную аудиторию. Почему? Проблем с организованными зрителями (воспитанниками детских садов и школьниками) у театра кукол никогда не было. Несмотря на то, что спектакли для детей играют и в драмтеатре, и в «Ангажементе», именно кукольный признан детским (заметим, этого ни в одном документе не записано!). Организованных юных зрителей сюда всегда доставляли целыми автобусами. А семейной публики было маловато. Вот и решил Роман Николаевич сформировать репертуар таким образом, чтобы получить доверие взрослых людей – мам и пап, бабушек и дедушек. Ведь если спектакли будут интересны им самим, то они приведут в театр своих детей и внуков.

С февраля 2022 года в театре кукол появилась так называемая «Семейная пятница» – день, когда играют спектакли, рассчитанные на широкую возрастную аудиторию. Первые месяцы сюда приходили по 100-200 человек, максимум ползала набиралось. Но постепенно театральный репертуар насытили постановками для всей семьи, и сложился стабильный пятничный пул. Явныч понял, что театр с задачей справился, когда в одном из комментариев к постановке «Маугли» прочитал: «Мы были на этом спектакле без алиби в виде детей. Нам очень понравилось. Всем рекомендуем».

Кстати, мало кто знает, что идея поставить «Мастера и Маргариту» поначалу встретила резкий отпор в областном департаменте культуры. Когда новоявленный директор театра кукол пришёл на

**Директор
Тюменского
театра кукол
Роман Явныч.**
Фото предоставлено
руководством
кукольного театра.
Автор М. Степура

защиту госзадания на 2022 год и поделился планами на создание взрослого спектакля, тогдашний директор департамента Елена Майер твёрдо сказала: «Нет!» Роман Николаевич, конечно, был уязвлён недоверием, но потом понял правоту Елены Владимировны, в то время аудитория ещё не была готова к такой постановке. А через год Майер дала добро. Она оценила планомерную работу театрального руководства по привлечению разновозрастной аудитории. Так, в октябре 2023 года спектакль родился на свет. Его успех стал для Явныча подтверждением того, что театр выбрал верный вектор развития. Он стал интересен взрослому зрителю.

Об успехе театра кукол в целом говорит тот факт, что валовый сбор средств с продажи билетов с 2021 года по сегодняшний день вырос в два с половиной раза. Театр начал хорошо зарабатывать благодаря интенсивности показов. Если раньше в выходные дни здесь давали по одному спектаклю, то сейчас идут по две постановки как в Большом, так и в Малом зале. Заметим, что некоторое время после трагедии в кемеровском торгово-развлекательном комплексе «Зимняя вишня», случившейся в 2018 году, Малый зал в театре не работал. Требования противопожарной безопасности ужесточили, проводить показы в помещениях, где нет прямого эвакуационного выхода, запретили. Малышковые спектакли театр демонстрировал на небольших площадках в ДК «Нефтяник» и в Музейном комплексе имени И.Я. Словцова.

А недавно возле служебного входа в театр появилась долгожданная лестница, радуется Роман Явныч. Возможно, она не всем понравится, но в ней действительно была необходимость. Театр уже продаёт билеты на спектакли в Малый зал. Кстати, там успели сделать косметический ремонт, по программе «Культура малой родины» от «Единой России» закупили световое и звуковое оборудование. Потенциально этот зал может вместить до 70-80 человек. Но для некоторых спектаклей есть ограничения до 20 зрителей.

В минувшем сезоне тюменские кукольники выступали в Москве в театре Образцова и в Санкт-Петербурге. В следующем в рамках программы «Новые регионы» поедут в ДНР и ЛНР, повезут туда семейный спектакль «Невероятные путешествия барона Мюнхгаузена». На будущий год запланирована поездка наших артистов в Омск на Международный фестиваль театров кукол «В гостях у Арлекина», где они покажут «Мастера и Маргариту». Возможно, совместят участие в фестивале с гастрольными показами.

В декабре 2025-го на Малой сцене театра будет представлена зимняя сказка – «Мой снежный друг» по пьесе Дмитрия Войдака из Омска (режиссёр Наталья Степаненко из Калининграда). В феврале 2026 года в Тюмень приедет постановщик из Ниж-

него Новгорода Андрей Богданов. Он будет ставить спектакль «Айболит и Бармалей» для детей от 3 до 6 лет тоже на Малой сцене. И 1 июня там же состоится ещё одна премьера для малышей. Режиссёр Наталья Ерастова из Санкт-Петербурга представит спектакль по сказке Владимира Сутеева «Петух и краски». Также в декабре на Большой сцене появится масштабный музыкальный спектакль «Царевна-лягушка», рассчитанный на семейную аудиторию. Ставить будет Наталья Явныч, кукол придумает художник Сергей Перепёлкин. Эта большая постановка потребует продолжительной работы производственных цехов, поэтому под её создание подготовили «зелёный коридор», и в грядущем сезоне у кукольного театра будет больше премьер на Малой сцене. А на 2027 год в театре запланирована большая премьера от московского режиссёра Амира Ерманова, который сам является художником своих спектаклей. Что это будет, пока секрет.

– Мне нравится, куда мы движемся, радуется интерес аудитории, который не падает, – делится Роман Явныч. – И я отдаю себе отчёт в том, что мы задали себе очень высокую планку. Теперь не имеем права её понижать. Люди не поймут. А мы в ответе за тех, кого пригласили и чьё доверие заслужили. Каждый раз, выходя перед спектаклем ко взрослым зрителям, я говорю: «Благодарю вас за доверие, за то, что вы пришли к нам. Сейчас мы откроем занавес и будем рушить стереотип о том, что театр кукол только для детей». Кстати, в Малом зале тоже можно ставить спектакли для взрослой аудитории. У камерного пространства особые возможности. Здесь можно будет делать постановки с куклами размером с батарейки. И публика будет следить за ними, затаив дыхание. Кстати, у нас уже есть некоторые задумки на этот счёт...

Три жизни «Ангажемента» и начало четвёртой

В прошлом году создатель и директор молодёжного театра «Ангажемент», заслуженный артист России Леонид Окунев на 30-летию своего детища сказал со сцены: «В моей театральной юности в журнале «Театр» я прочитал интервью Юозаса Мильтиниса. Он говорил, что театр живет 10 лет. Выходит, «Ангажемент» прожил уже три жизни и начинает новую!» Новая жизнь молодёжного театра началась уже без Леонида Григорьевича, покинувшего этот мир за несколько дней до начала 31-го сезона. Как прожили этот год ангажементовцы без своего руководителя?

– Когда ушёл Леонид Григорьевич, все понимали: во что бы то ни стало мы должны работать, чтобы сохранить и приумножить то, что было нажито за 30 лет жизни с Окуневым, – поделился Денис

«Я отдаю себе отчёт в том, что мы задали себе очень высокую планку. Теперь не имеем права её понижать. Люди не поймут. А мы в ответе за тех, кого пригласили и чьё доверие заслужили»

Юдин, ставший новым директором театра в ноябре 2024 года. - Мы продолжили реализовывать планы, которые были задуманы ещё вместе с ним. Поставили спектакли «Жених для лучшей подруги» и «Зося». С режиссёром Львом Северухиным, с которым у Леонида Григорьевича была договорённость, решили поставить «Гостиницу «Тайгу» по пьесе Александра Вампилова. Затем мы уже самостоятельно по результатам лабораторной работы сделали постановку «Дневник моей мамы». Её создала режиссёр Анна Лифиренко. Поставили спектакль «Бегемот-невидимка» (режиссёр Динара Тагаева). Все пахали! И, конечно, было тяжело... Мы все переживали потерю. Наиболее остро и эмоционально - те, кто долгое время работал с Леонидом Григорьевичем. Так и не успели встретиться с Окуневым молодые актёры, которых он пригласил в театр. Они (Вячеслав Кузнецов и Татьяна Карнаухова) приехали на сбор труппы. Но Леонида Григорьевича не стало. Его уход - для нас большая трагедия. И 31-й театральный сезон мы назвали «чёрным». Звучит мрачно, но это наш эмоциональный отклик на произошедшее.

- Мне предложили возглавить театр. Для меня это большая ответственность. Но я решился, - продолжает Юдин. - Понимаю, что нельзя уронить планку, напротив, её повышать нужно. Мы настроены на серьёзную и плодотворную работу. Планов у нас много. Я даже внутренне перестраховываюсь, планирую, может быть, больше, чем нужно. Не могу сказать, что уже достаточно освоился на новой должности. Да и вообще, в театре нельзя успокаиваться. Пока ты не спокоен, пока тебя что-то будоражит, тогда идёт процесс, тогда возможен рост. Так что сейчас моё состояние верное, оно мне помогает.

Сцена из спектакля «Зося» (театр «Ангажемент»). Фото П. Анущенко

25 января 2025 года в «Ангажементе» по-своему отметили именины Леонида Григорьевича. Поставили документальный спектакль, основанный на воспоминаниях людей, его окружавших. Ближе ли знавших Леонида Григорьевича, случайно ли коснувшихся чуда его артистического и человеческого таланта... И получилось нечто удивительное, искреннее, честное. Признание в любви в каждом слове.

Директор театра «Ангажемент» Денис Юдин. Фото П. Анущенко

В документальном спектакле реальные люди, настоящие истории, живая «непричёсанная» речь, прыгающая с пятого на десятое. В этом и прелесть такой постановки. Из вороха воспоминаний выпрастался непридуманный герой, каким мы его знали, каким восхищались. Как живой...

«У нас сегодня не вечер памяти, а день рождения Окунева», – сразу предупредили артисты. И отпраздновали это событие так, словно он рядом. Присутствие Леонида Григорьевича было ощутимо. Его голос встречал зрителей, его зажигательный танец – провожал. В воспоминаниях режиссёра, парикмахера, охранника, дочери, подружки по детскому саду, священника и многих-многих других он предстал перед нами и будто подмигивал: «Ну вы же знаете, я ещё и не то могу...»

И правда, он ещё и не такое мог. Но главным его жизненным поступком было то, что он в сложное время не только сумел удержать свой театр на плаву, но и уверенно повёл его в плавание к дальним горизонтам.

История у «Ангажемента» удивительная. Он родился 7 января 1994 года благодаря искреннему желанию предпринимателя Виктора Загоруйко – создать театр под своего друга Леонида Окунева, чей артистический дар ценил очень высоко. Бывший школьный историк и трудовик в лихие 90-е зарабатывал тем, что «держал» деревообрабатывающий цех, где делали двери и окна, поставлял из Объединённых Арабских Эмиратов чайники. Финансовое благополучие ему доставалось не просто. А он что сделал? Не жалеючи, ухнул деньги на частный театр, в то время как его коллеги-коммерсанты покупали виллы за рубежом и мерились друг с другом крутостью автомобилей. Эта идея с театром была чистой воды авантюрой. Но ведь Загоруйко с Окуневым смогли претворить её в жизнь!

Создатель театра «Ангажемент», заслуженный артист России Леонид Окунев.
Фото П. Анущенко

Сцена из спектакля «Зося».
Фото П. Анущенко

Они собрали группу артистов-энтузиастов и пригласили в Тюмень для создания первой постановки не абы кого, а заслуженного деятеля искусств РФ, известного театрального режиссёра Михаила Полякова. Тот по сказкам Бориса Шергина создал спектакль «Потейная шутеха», с которым новоявленный театр впервые вышел на публику.

Поначалу играли на сцене старой «драмы», на разных городских площадках, даже на заводах. А в 1996-м заселились в здание бывшего кинотеатра «Юность», на котором висел большой долг за «коммуналку». Виктора Сергеевича это не смутило. Главное, театр обрёл крышу над головой. Эта крыша долгое время протекала и немало лет прошло, прежде чем «Ангажемент» укрепил свои стены. Уже без Загоруйко он стал настоящим стационарным театром – с двумя сценами, гримёрками, цехами. Леонид Окунев добился того, что в 2000 году театр получил статус муниципального учреждения и имя своего основателя – Виктора Сергеевича Загоруйко. Городские власти поддержали «Ангажемент», который за шесть лет работы доказал свою творческую состоятельность.

Годом перемен стал 2005-й. Концептуальные изменения коснулись театральной эстетики, репертуарной и прокатной политики. На должность исполнительного директора пришла Лариса Гордиенко, которая много лет проработала в Тюменском драматическом театре и хорошо знала, как успешно работать со зрителями и спонсорами. С этого момента началось активное укрепление материальной базы «Ангажемента», стала формироваться новая устойчивая труппа, появилась возможность расширить репертуар.

А в 2006 году стартовала реконструкция театра при поддержке Сергея Сметанюка, который был в

то время мэром Тюмени. К помещению бывшего кинотеатра достроили третий этаж с Малым залом, гримёрками, декоративным цехом, режиссёрской комнатой. Приобрели новое звуковое и световое оборудование. В Большом зале установили новые кресла с расчётом на юных зрителей.

С 2010 года на Малой сцене стали ставить спектакли для самых маленьких. Для малышей закупили специальные подушки, на которых они могли сидеть и лежать. Им также позволялось во время спектакля ползать, играть с актёрами и активно принимать участие в действии. И, конечно же, молодёжный театр с удовольствием погружался в эксперименты – по-новому интерпретировал классику, ставил пьесы современных драматургов, выводил на сцену героев произведений местных авторов.

Пожалуй, одной из самых сложных и интересных экспериментальных работ стал документальный спектакль «Записки на сгущёнке. Клавдия», поставленный московским режиссёром Олесею Невмержицкой на основе дневников 1944 года Клавды Гуленковой из деревни Ситниково Омутинского муниципального округа. В 2014 году спектакль был приглашён на партнёрский проект главного театрального фестиваля страны «Золотая Маска» – «Новая пьеса», а затем на театральный фестиваль «Артмиграция» – и везде получил высокие оценки

31-й театральный сезон начался для «Ангажемента» без Леонида Окунева...
Фото АНО «Тюменская область сегодня»

столичных критиков.

Со временем в молодёжном театре появилось отдельное направление – «Для подростков». В «Ангажементе» ежегодно стали проводить режиссёрскую лабораторию «12+», благодаря которой начинающие режиссёры-постановщики могут проявить себя на сцене профессионального театра. Их работы рассчитаны на подростковую аудиторию и говорят о проблемах трудного возраста.

Большим успехом для театра стала постановка «Записки сумасшедшего» по произведению Николая Гоголя, появившаяся в репертуаре в 2023 году. Этот спектакль вошёл в лонг-лист Российской национальной театральной премии «Золотая Маска», а Екатерина Зорина, сыгравшая роль Аксентия Поприщина, получила специальный приз жюри «За актёрскую многогранность» на VI Всероссийском театральном фестивале «Сотоварищи» в городе Таре и была отмечена в номинации «Лучшая актёрская работа» на IX Международном театральном фестивале «Свидания на Театральной» в Рязани (здесь же лучшими были признаны работы режиссёра Рината Киякова и художника по свету Марса Абдразакова).

По-прежнему «Ангажемент» мечтает о новом здании и переезде из спального района поближе к центру. Стены старого дома, несмотря на все ремонты и реконструкции, давно стали тесны театру, который растёт и развивается. Внешне «Ангажемент» выглядит вполне благополучно. В прошлом году тут преобразили входную группу, фойе, буфет и гардероб, но театру не достаёт места для декораций, да и зрительный зал уже слишком мал для растущей аудитории. Эти обстоятельства значительно ограничивают творческий потенциал театра.

В этом году коллектив «Ангажемента» предложил включить идею нового здания в мастер-план центра города Тюмени, который разрабатывает консорциум под руководством Института генплана Москвы, а инициатором разработки является глава города Максим Афанасьев. Эту идею как могли поддерживали все неравнодушные горожане, любители театрального искусства и поклонники молодёжного театра.

Вопрос с новым зданием для театра пока подвис. До сих пор не понятно, найдётся ли в Тюмени для него удобное место. А ведь об этом ещё лет десять назад начал говорить Леонид Окунев. Это была его большая-пребольшая мечта, до осуществления которой он не дожил. Сбудется ли она? Устремляясь взглядом в будущее, Леонид Григорьевич видел «Ангажемент» в прекрасном, красивом, оснащённом здании. И такую же прекрасную и красивую публику видел. Верил, что его театр будет уникальным в своём роде. Ведь он родился в светлый день Рождества Христова. «Я уверен, Господь ведёт нас по жизни...» – улыбался Окунев.

Краткая история тюменского рока

Ритмы Евразии

В предыдущем номере «Сибирского богатства» мы начали разговор о генезисе тюменского рока – своеобразного стиля творчества, сложившегося в восьмидесятых годах XX века. Это явление имело резонанс на уровне всей страны – тогда ещё Советского Союза и до сих пор является «общими скрепами» для некоторых жителей сопредельных государств.

Период появления первых тюменских рок-групп можно назвать временем «проб и ошибок». Сталкиваясь с неприятием оригинального творчества, многие музыканты выбирали более комфортное существование в качестве ресторанных «лабухов». Но были и те, кто придерживался других принципов, несмотря на достающиеся им тумаки и шишки. Одним из приютов для «одиноких сердец» оставалась «Инструкция по выживанию», которую всё чаще стали называть уже не рок-группой, а социально-музыкальной формацией.

Покинув университет, тюменский рок-клуб начал кочевать по дворцам культуры. Рокерам обычно предоставляли комнату для собраний и репетиционную точку, но чаще всего сотрудничали с ними до первого отчётного мероприятия. Увидев и услышав группы на сцене, администрация ДК предпочитала больше не иметь с ними дела. Так было в «Строителе» и «Геологе», но тем не менее ведущая группа рок-клуба «Инструкция по выживанию» постепенно набирала опыт и приобретала поклонников за пределами Тюмени. Был записан первый альбом «Ночной бит», который начал распространяться на магнитофонных бобинах по городам и весям страны.

Никакое культурное явление не может развиваться в творческом вакууме – артистам нужен контакт и взаимодействие с коллегами. Важна и оценка тех, у кого уже есть опыт публичных выступлений и широкая известность. Логика жизни подталкивала «Инструкцию по выживанию» в Свердловск (с 1991 года – Екатеринбург), соседний мегаполис, который со временем стали называть столицей уральского рока. Хотя рок-клуб здесь и появился на год позднее, чем в Тюмени, добиться там музыкантам удалось значительно большего. Это была артисти-

Янка Дягилева в составе общества «Картинник», Тюмень, 1988 г.
Фото из личного архива Аркадия Кузнецова.
Автор неизвестен

ческая развилка – пойдём ли мы дальше по пути свердловчан, многие из которых стремились к тарификации в филармониях, или будем идти непроходимой дорогой нонконформизма.

Мы к вам заехали на час

Один из знаковых концертов «Инструкции по выживанию» в Свердловске состоялся весной 1987 года. К тому времени я уже вернулся из вынужденной «эмиграции» в Ленинград, где познакомился с мэтрами тамошнего рок-клуба – от Майка до Цоя со Свином (Андрей Панов – лидер группы «Автоматические удовлетворители»). Мы подружились с редактором самиздатовского журнала «Рокси» Сашей Старцевым (Алек Зандер), снабжавшим меня кучей музыкальной информации, и басистом «Пепла» Юрием Ерёмченко, который был комендантом в нашем общежитии. Довелось даже посотрудничать с одной из старейших групп питерского рок-клуба «Хамелеончик За». Одним словом, за год жизни в культурной столице был получен неплохой заряд творческой энергии.

По прибытии в Тюмень меня рекрутировали в обновлённый состав «Инструкции по выживанию», вместе с которой мы отправились на уральские гастроли. Один из наших концертов в свердловском рок-клубе был выдающимся по множеству причин, например, там состоялся сценический дебют гитариста Валерия Усольцева, которого чаще называли

Варелой. Вместе с красавицей Ириной Кайдаловой, выполнявшей в группе роль гримёра и парикмахера, они прямо во время концерта из самовара мыли голову Мирославу Немирову. В этот момент поэт и основатель группы разбивал бутылки о край стоявшего у рампы корыта. Музыканты старались быть абсолютно индифферентными, играли ужасающей силы и страсти панк-рок, при этом на всех были специально закупленные для такого случая зелёные галстуки. Кстати, приобретены они были по семь копеек за штуку в магазине уценённых товаров, который находился на улице Республики в бывшей лавке купца Колокольниковца.

Всё это вместе произвело неизгладимое впечатление на искушённую свердловскую публику, в том числе на музыкантов «Наутилуса Помпилиуса» и «Чайфа», которые были на этом концерте. Сразу после него они подбежали к тюменцам с комплиментами и пожеланиями, какого ещё безумия можно добавить к выступлению. Эта встреча стала началом дружбы между рок-клубами наших городов и в дальнейшем имела плодотворные последствия в виде творческих контактов.

Уже осенью свердловчанам были организованы гастролы в тюменский пригород Антипино, где находился гигант местной индустрии – моторный завод. Предприятие выпускало ракетные и авиационные двигатели, в том числе для истребителей вертикального взлёта Як-141, неподалёку располагалась военная часть, а в посёлке жили работяги и семьи военных. Почему-то именно там нашёлся ДК, который отважился пригласить уже набирающих популярность, но всё ещё полулегальных

музыкантов из столицы Урала. От Свердловска до Тюмени – всего триста километров, что было дополнительным стимулом для организации выступлений «Наутилуса Помпилиуса» и «Чайфа». Для них это были едва ли не первые самостоятельные выезды с концертами, которые не были связаны с фестивалями и прочей коллективной движухой. Можно сказать, что тюменский рок-клуб отчасти дал им путёвку в гастрольную жизнь.

Танки на Запад

В 1980-х годах самые ходовые группы тюменского рок-клуба регулярно бывали в Свердловске – у «Инструкции по выживанию» и «Культурной революции» случались здесь и концерты в залах, и квартирники. Но он так и не стал для нас стартовой площадкой – то ли этот город слишком консервативен, то ли зациклен на себе. Всё-таки сибиряки отличаются от уральцев: у одних практически ничем не ограниченная воля, у других – дисциплина первых горных мануфактур, да ещё и под надзором немецких специалистов. Бесследно этот исторический опыт не проходит, поэтому мы очень разные, хотя и живём совсем рядом.

В Свердловске уже тогда стали появляться менеджеры, которые пытались ангажировать тюменские команды на гастролы по северам. Но тогда нам казался невозможным «чес» – ежедневная игра одной и той же программы совершенно чужой публике. Возможно, мы слишком серьёзно относились к своим песням или исполняли их чересчур эмоционально и, что называется, на пределе. Каждое наше выступление было по-своему уникальным и ни одно

«Гражданская оборона»,
Москва, 1989 г.
Фото из личного
архива Аркадия
Кузнецова.

Автор неизвестен

из них не было похоже на другое. Зато свердловские товарищи катались по стране почём зря, возможно даже получая от этого удовольствие.

Один из последних концертов сибирской формации в Свердловске восьмидесятых годов называли «гастролями мечты». Объединённый состав «Инструкции по выживанию» и «Гражданской обороны» везли в столицу Урала на самолёте Ан-24. Увидев его, Егор Летов (солист группы «Гражданская оборона») сказал, что «это какая-то подводная лодка», и усомнился, что всё кончится благополучно. Можно сказать, как в воду глядел.

Мы должны были выступить хедлайнерами на стадионе, где проходило мероприятие, похожее на фестиваль. За сценой толпились музыканты, напоминавшие внешним видом металлистов – у одного из них была самодельная бас-гитара с корпусом в виде пистолета. Время от времени какая-то из групп выходила на сцену и играла забой, пытаясь настроиться. Зрители начинали рубиться, но звук неожиданно прерывался – аппаратура была не ахти. Тогда, чтобы успокоить народ, включали фонограмму каких-нибудь Modern Talking (немецкий поп-дуэт, популярный в 1980-х годах), и толпа опять начинала радостно плясать.

С переменным успехом весь этот цирк продолжался около часа, пока всё не прекратилось окончательно. Толпа перегрызла или растоптала в танце «косу» из проводов, которые шли от сцены к пульту. Продолжать концерт не было никакой возможности, но нам честно выплатили гонорар и выдали билеты на обратную дорогу. По этому поводу мы очень веселились и предлагали усовершенствовать практику – не ездить за гонораром, а получать его по почте.

Запомнилась и поездка в Свердловск на слёт председателей рок-клубов вместе с Романом Неумоевым и Гузелью Салаватовой. Там должны были обсуждаться серьёзные вопросы организации концертов, наличия аппаратуры, а, возможно, и трудоустройство рокеров. Собрались все, с кем ассоциировалось тогда нарастающее рок-движение: председатели клубов Коля Михайлов из Ленинграда и Александр Мурзин из Новосибирска, критики Николай Мейнерт из Таллина и Илья Смирнов из Москвы, самиздатели Саша Старцев и Андрей Бурлака, автор текстов Илья Кормильцев и даже Александр Башлачев. Это только те, кого я помню и знаю, но, поверьте, остальные участники концерсов были не менее замечательными людьми.

Принимал всех Коля Грахов, который назывался уже президентом свердловского рок-клуба. Правда, меня он как-то сразу невзлюбил и предложил отвалить, потому как я не организатор, а непонятно кто. Я набычился и сказал, что никуда не пойду, а в случае чего устрою скандал и, может быть, даже начну кусаться. Николаю было неудобно позориться перед мэтрами, тем более что некоторые из них уже знали меня лично. Буркнув

Старик Б.У. Кашкин – Евгений Михайлович Малахин в своей мастерской.
Фото из личного архива Аркадия Кузнецова.
Автор неизвестен

что-то типа «Ну я до тебя доберусь!», он смирился с моим присутствием на слёте. Правда, талон на питание мне не полагался, поэтому уважаемые деятели контркультуры скидывались едой в мою пользу. Это было что-то вроде игры – в такой тусовке должен присутствовать один несистемный, а то и неадекватный человек, иначе, несмотря на префикс «рок», всё это сильно смахивало на профсоюзную конференцию или собрание передовиков производства.

В качестве культурной программы на мероприятие был приглашён Александр Башлачев. Мы знали о его творчестве, но точно не были фанатами – для нас оно выглядело немного архаичным. Башлачев и сам выглядел немного странно – видимо, ему тоже не очень нравилась идея развлекать начальство, пусть даже и рок-клубовское. Принимали его со сдержанным достоинством – вежливо хлопали, но не более того. Мне повезло увидеть вживую одного из главных исполнителей русского рока, но почему-то Александра было жалко, как и всех присутствующих. Это тоже говорит о том, что мы в Сибири какие-то не такие.

Пророки в своём отечестве

Постепенно концертная активность нарастала и в Тюмени, а одним из её центров стал знаменитый «Танцзал». Надо сказать, совсем не случайно, ведь ещё в семидесятых годах там играла культовая для тюменцев группа «Вариант». Её музыкантов можно назвать родоначальниками русского рока в наших краях – играли они, понятное дело, на танцах, исполняли в основном чужие, в том числе иностранные песни, но постепенно стали включать в программу собственный материал. Для тех времён он был актуальной и потрясающей сознание слушателей «правдой жизни»: «Не ищите меня в полицейском участке, сегодня я там посторонний субъект...» За это им доставалось от проверяющих и разрешающих кураторов, но они продолжали гнуть свою линию.

К «новой волне» рокеров хозяева «Танцзала» отнеслись с симпатией и летом 1987 года организовали масштабный фестиваль. «Инструкция по выживанию», чтобы получить побольше времени на выступление, разделилась на несколько групп. Играли в них практически одни и те же музыканты, лишь фронтмены время от времени менялись перед микрофонами. Запомнился проект с неожиданным названием «Аль Джихад», где солировали Кирилл Рыбьяков и Владимир Медведев по прозвищу Джаггер. Содержание их песен было далеко от религиозной пропаганды и теплом отзывалось в душах слушателей:

Какие рваные карманы,
Они не греют даже руки.
Как не по кайфу быть без «мани»,
Мне не купить крутые брюки.

Всё это завершалось припевом, где многократно повторялось слово «Деньги!». Подобный прагматизм возмутил журналиста «Тюменского комсомольца» Олега Галицких, который разразился статьёй «Протест во имя ничего». Представители рок-клубовской тусовки в ней выглядели уже не опасными для общества идейными бунтарями, а морально разложившимися тунеядцами. О выступлении было написано, что публика встретила его «дружным неодобрением».

Фестиваль имел продолжение, когда после концерта рок-клубовская формация с верными фанатами направилась в Спортсквер. Откуда-то появился мегафон, в который мы все по очереди пели песни и рассказывали телеги. Царящий в сквере дух свободы и веселья привлёк к формейшену толпы людей, спешивших с Центрального рынка, посетителей дискотеки в «Танцзале» и милицию. Какое-то время сотрудники органов сохраняли спокойствие, пока не решили арестовать Немирова. Ему инкриминировали «попрошайничество», которое было организовано для продолжения банкета – в традициях уличных артистов Мирослав взял шапку и пошёл по кругу зрителей. Бдительные милиционеры пресекли попытку получения нетрудовых доходов, но в итоге всё закончилось благополучно: с идейным лидером рок-клуба вежливо побеседовали и отпустили на волю, даже вернув собранные им деньги.

Зато некоторые граждане были не столь терпимы – они стали вытаскивать из толпы поющих и выяснять, за что те Родину не любят. Поняв, что дело грозит кровопролитием, службы правопорядка организовали рокерам отступление. Выглядело это так – по улице Республики шла плотная группа людей богемного вида, за ними, метрах в тридцати, цепочкой шли милиционеры. Следом двигалась большая толпа людей, большинство из которых было одето в спортивные костюмы. В богемной группе тревожно переговаривались: «По одному не выходить! Надо держаться вместе, а то...»

Колонна проследовала до Мельникайте, свернула на неё и дошла до какой-то общаги. Рокеры просочились внутрь, чтобы остаться там на всю ночь и рассказывать друг другу страшные истории. Милиция отправилась ловить бандитов, а люди в спортивных штанах всю ночь горланили под окнами песни. Местная пресса об этом ничего не писала.

Неофициальные визиты проездом

Вскоре Тюмень начали посещать различные культурные герои. Во-первых, из далекого Симферополя по дороге в Магадан прибыл Николай Францевич Кунцевич, известный как Ник Рок-н-ролл, со своей командой «Второй эшелон». Его приезд оказал положительное влияние на судьбу бесприютных тюменских рокеров – Гузель Салаватова водила Ника как приезжую знаменитость и борца за правду со всей тусовкой в горком комсомола. Там он даже выступал перед делегатами какой-то конференции, а потом рассуждал о люберах и доверительно говорил: «Нам нужно объединяться, фашисты ненавидят таких, как мы. И вас, и нас они будут стремиться уничтожить. Ведь мы похожи». Трогательно было видеть обвешанного булавками Ника с железной пластиной вместо передних зубов рядом с комсомольским активом.

Затем в Тюмени появился Егор Летов – его привлекли слухи о том, что в городе, полном «гопников», отважно действует сплочённая группа бесшабашных или безбашенных неформалов. Он привёз записанные в домашних условиях четыре альбома «Гражданской обороны», что заставило тюменских рокеров задуматься и последовать этому примеру. Удивительно, что первый концерт этой группы тоже состоял-

«Инструкция по выживанию», концерт в Свердловске, 1987 г. Фото из личного архива Аркадия Кузнецова. Автор неизвестен

ся 12 апреля, правда, через год после сценического дебюта «Инструкции по выживанию».

Визит запомнился продолжительными дискуссиями, о чём и как нынче следует петь, – беседы были опубликованы самиздатовским журналом «Сибирская язва» в формате интервью-полилога. Творческим итогом первой встречи тюменских и омских рокеров стал совместный альбом «Инструкция по Обороне», с которого начались долгие годы творческого сотрудничества.

Своеобразными «визитами вежливости» с нашей стороны могут считаться гастролы в посёлки Комсомольский и Лесной – самые настоящие леспромхозы, добраться до которых можно было только по узкоколейке. О концертах для рабочей молодёжи договорился тюменский организатор дискотек Андрей Мальцев из ДК Судоремонтного завода на Мысу. Под клубы в этих посёлках приспособили рубленые избы, где были небольшие залы со сценами. Там выставлась аппаратура, на которой играли «Инструкция по выживанию» и «Культурная революция».

Музыка на тех концертах звучала разнообразная – от жёстких, но мелодичных битов, до гармоничной лирики о любовных переживаниях. Народ достаточно тепло принимал тюменских гастролёров – то ли из-за своей неискущённости, а может, наши песни в тех условиях и правда ложились на душу и настроение. Дружелюбной была сама атмосфера этих далёких мест – после концертов музыканты демократично сливались с публикой и вместе отплясывали под диско-ритмы. Возвращение в цивилизацию чем-то напоминало фильм «Сталкер»: ночью мы вышли к какому-то полустанку и

«Инструкция по выживанию», тюменский Спортсквер, 1987 г., на переднем плане автор с гитарой.

Фото из личного архива Аркадия Кузнецова.

Автор неизвестен

буквально «тормознули» мотод-резину. Она была чем-то похожа на милицкий бобик, что всех нас немного дисциплинировало. Ночная поездка была похожа на возвращение из параллельной реальности, а сами гастролы вспоминаются как одни из самых удачных.

В Сибирь через Москву

1988 год для «Инструкции по выживанию» начался с выступлений в Москве с обновлённым составом и репертуаром. Для нас с барабанщиком Евгением «Джексоном» Кокориным они могли и не состояться – в день нашего отъезда с утра валил мокрый снег, потом опустился туман, и все рейсы в аэропорту Рощино задерживались. Но, видимо, за нас заступился какой-то ангел, и за четыре часа до начала концерта из сотен

желающих на единственный самолёт попали именно мы. Общие впечатления от этого дня хочу передать в изложении Джексона: «Представь, я первый раз еду в Москву, первый раз в жизни лечу на самолёте, чтобы в первый раз выступить на концерте, первый раз оказываюсь в метро и выхожу из него, считай, в том самом месте, которое на трёх рублях рисуют. Здесь, говорят, и концерт. После этого я ничему уже не удивлялся...»

Первый концерт «Инструкции по выживанию» состоялся в ДК МГУ, который находился на Манежной площади в здании бывшего храма святой Татьяны. Встретившие нас у входа тусовщики посоветовали обломаться и оставить всякую надежду попасть внутрь. На это мы взволнованно ответили, что вообще-то музыканты. «Музыканты?» – с сомнением спросили у нас московские панки, которые были гораздо больше похожи на артистов. – И откуда вы такие?» – «Из „Инструкции...“» – «Инструкции?!...» В этом вопросе-утверждении было столько неподдельного любопытства и уважения, что мы поневоле испытали приятное томление. Звёзды, это ж надо! Стоящие на входе вышибалы довольно дружелюбно пропихнули нас вовнутрь и рассказали, как попасть в гримёрку, где уже ждали остальные участники группы.

Оказалось, что Сибирь в первопрестольной была на тот момент в большом почёте. Достаточно сказать, что на разогреве у нас играли московские команды, в том числе «Бригада С» с Гариком Сукачёвым. «Инструкция по выживанию» первой из сибирских хедлайнеров стремительно сыграла свою программу, после чего уступила подмостки группе

«БОМЖ» из новосибирского Академгородка. Судя по всему, наш напор народу понравился – после концерта группе предложили выступить в Зеленограде. Там, в студии местного Дворца культуры, был записан альбом «Конфронтация в Москве».

Из столицы мы отправились на рок-фестиваль в Новосибирск, где по слухам было много «наших», то есть взаправдашных, а не липовых рокеров. Несколько дней концерты в ДК имени Чкалова собирали полные залы неформальной молодёжи, восторженно принимавшей «сибирский панк». Лично на меня особое впечатление тогда произвели новосибирская группа «Путти», игравшая, по их выражению, «глум-рок», и «Гражданская оборона».

В её состав перед концертом влился виртуозный гитарист Дмитрий Селиванов – один из основателей «Калинового моста». Репетиция шла примерно так: «...двадцать седьмая песня, аккорды такие-то, но по ним играть не надо...», – говорил Летов, всё быстрее выстукивая на коленях ритм следующей песни. Дима меланхолично отвечал: «Всё понятно», – и они переходили дальше. До выхода на сцену оставались считанные минуты...

Во время выступления Егор стоял за барабанами и выкрикивал в микрофон остатки каких-то текстов. Фронтмен Олег «Манагер» Судаков, свирепо вращая глазами, прыгал и дико орал: «Землю – крестьянам, заводы – рабочим, всю власть – Советам, а людям – слова!» Моторный ритм, потусторонняя гитара, монотонный бас и тексты, больше похожие на лозунги, раскачали зал – весь народ встал и ритмично колыхался, как саламандры у Карела Чапека. Это было захватывающе и немного страшно, а ещё чуть-чуть стыдно, только непонятно за кого – зрителей или музыкантов. Наверное, за тех и других сразу, включая самого себя.

Всесоюзный панк-фестиваль и его продолжение

Летом 1988 года, который и так был густо насыщен событиями, в Тюмени состоялся «Фестиваль альтернативной и леворадикальной музыки». Музыканты называли его просто – Всесоюзный панк-фестиваль, что тоже было неожиданно и радикально. В СССР ещё к рок-музыке не везде привыкли, а тут сразу панк – напоминает Монголию, которая из феодализма перескочила в социализм. С этой идеей рок-клуб обратился в Ленинский райком комсомола, который отдал на «разграбление» Дворец культуры «Нефтяник».

Открытием фестиваля стала Янка Дягилева, которая тогда сыграла свой первый электрический концерт. Это было ни на что не похоже и очень близко к тому, как мы тогда понимали панк. В дни фестиваля был записан Янкин альбом «Деклассированным элементом» с участием тюменских музыкантов Игоря Жевтуна и Евгения Кокорина. Фестиваль запомнился прежде всего

Уникальное фото: передовики советской культуры (на переднем плане в центре гениальный русский балалаечник Юрий Клепалов, который экспериментировал с группой «Нефть»), на заднем ряду слева направо Владимир Богомяков, Янка Дягилева, Михаил Федосеенков (вдохновитель и барабанщик «Нефти») и яркий концептуалист Алексей Михайлов, Тюмень, 1986 г.
Фото из личного архива Сергея Козлова.
Автор неизвестен

атмосферой – ощущением праздника в Тюмени, ненадолго взятой в полон творческим людом. Горожане этим не слишком тяготились, ведь тусовка давала возможность расслабиться и приколоться. Жизнь ещё была сытой и спокойной, а будущее стабильным и предсказуемым. Отчего же не потерпеть какое-то время карнавал с ряжеными?

За атмосферу и коммуникацию с социумом отвечало так называемое общество «Картинник» из Свердловска, которое возглавлял Евгений Михайлович Малахин. Он больше известен по псевдониму Старик Б.У. Кашкин или Народный дворник России. Группа музыкантов, художников и просто сочувствующих изготавливали под его управлением «морально-шинковальные досочки». Представьте себе нарисованную в детской манере картинку, где крокодил поедает копытное животное, а внизу подпись: «Крокодил косулю схапал, я всю ночь не спал и плакал». Картинники выходили на улицы Тюмени, расставляли увешанный досочками шатёр и открывали представление. Зрителям раздавались звенящие или гремящие инструменты, и начинались хороводы с песнями. Хочется упомянуть, что Евгений Михайлович был мастером на все руки, работал инженером-энергетиком и участвовал в запуске Тюменской ТЭЦ-2. Так и хочется сказать, что таких людей больше не делают...

Фестиваль для нас стал высшей точкой музыкальной активности восьмидесятых годов, хотя после него и были замечательные концерты. Настроение в обществе стало меняться – весной следующего года «сибирский панк» внёс в копилку «Клуба 27» первую жертву, которой стал Дмитрий Селиванов. Вместе со всей страной рокеры начали медленно дрейфовать к «лихим девяностым», в которых многим стало не до музыки. Но в истории тюменского рока тех времён есть героические страницы, которые требуют отдельного рассказа.

Маленькие истории больших вещей

Телефонная будка

Всякий, кто жил в Советском Союзе, хотя бы раз клянчил у прохожих «двушку», – монету две копейки – чтобы позвонить. «У вас не найдётся двучечки?» – и за срочность страждущие могли отдать в обмен монету большего номинала. А бесплатно можно было позвонить в милицию, скорую помощь и ещё некоторые службы. Телефонная будка была частым местом эпизодов во всех фильмах. Жаль, что в нашем городе не оставили несколько таких в качестве объектов городской архитектуры и памятников самим себе, как это сделали во многих европейских городах. Например, в Германии.

Если вы захотите увидеть в своём регионе телефонную будку времён СССР, то это у вас вряд ли получится. Телефонные будки, в которых вы целовались, прятались во время игр, царапали признания в любви и нехорошие слова, били стёкла, отрывали трубки, пытались вскрыть кассу и, наконец, звонили, канули в Лету...

Но самое главное – вы помните очередь в телефонную будку! Особенно когда вам надо срочно позвонить! И хорошо, если не в скорую, а любимой девушке... Телефонная будка, в связи с этим, стала местом сюжета многих рассказов, киносценариев и... криминальной хроники.

В Тюмени в 50-60-е годы XX века были будки ленинградского типа с надписью «Телефон» поверху. В 70-80-е преобладал тип, представленный на фотографиях к нашему материалу. В 90-е появились уже алюминиевые и в небольшом количестве.

Сергей Дубинский: «Свою телефонную будку в Тюмени я искал три года! И теперь вы можете увидеть её на этих фотографиях в первозданном виде. А ещё вместе с другой атрибутикой и символикой советской эпохи, включая мемориальную, можно посмотреть на базе отдыха «Дом Пионеров».

Но добавим, что газета «Тюменская область сегодня» в 2021 году сообщала: «На площади Памяти в Тюмени появилась телефонная будка, с помощью которой горожане могут смоделировать разговор с героями Великой Отечественной войны и услышать их истории. Она стилизована под автомат для связи времён СССР 40-х годов. Акция посвящена 80-й годовщине начала Великой Отечественной

Авторы у
сохранённой
будки под
Франкфуртом,
Германия.
Фото авторов

Телефонный
разговор в СССР.
Фото из соцсетей

Спасённая
будка из
Тюмени на базе
отдыха «Дом
Пионеров».
Фото авторов

войны, которая приходится на 22 июня». Но это была не настоящая, а стилизованная...

Как утверждают краеведы, первая телефонная станция в Тюмени была запущена 13 января 1894 года и обслуживала аж 50 номеров! Но вот когда появилась первая телефонная будка, установить вряд ли получится. С уверенностью можно говорить, что одна из всех когда-то стоявших на улицах нашего города, всё же сохранилась. Вот она, перед вами...

**В этом журнале
нет рекламы.
Но на этой странице
может быть
ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО
ваша.**

отдел рекламы

8 (3452) 49 00 22

8 (3452) 49 00 23

